ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 28 ИЮЛЬ 1982

Молдавская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 33,7 тысячи квадратных километров.
НАСЕЛЕНИЕ — 4 миллиона 24 тысячи человек.
НАСЕЛЕНИЕ КИШИНЕВА — 558 600 человек.
В республике живут граждане более 70 национальностей и народностей.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ за 1940—1981 годы увеличилось в 52 раза;
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — в 3,3 раза;
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — в 969 раз.

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

Иван МОРАРЬ, бригадир литейного цеха Кишиневского тракторного завода, депутат Верховного Совета Молдавской ССР

Честно признаюсь, прежде чем приняться за эту статью, я долго колебался: сумею ли достоверно и правдиво, а главное, с должной широтой рассказать о том, что для меня дороже всего на свете,— о своей родной республике, своей Молдавии? Я рабочий, мое дело — металл, тракторы, и хотя всем известно, какое почетное и важное место в нашем советском обществе принадлежит нам, рабочим, все же, чтобы рассказать о республике, надо как бы подняться на некую вершину и оттуда увидеть жизнь шире, объемнее. Размышляя об этом, я вспомнил, что писал о своей Родине, о России, великий русский писатель Тургенев. Он писал, что Россия может обойтись без каждого из нас, мы же обойтись без нее никак не сможем. И так же, подумал я, скажет любой человек о своей родной земле. И еще я подумал, что буду рассказывать о своей жизни, о том, что дала мне, чем стала для меня родная республика, и тем самым, быть может, расскажу и о Молдавии, во-первых, потому, что таких, как я, очень много, судьба моя типична, а, во-вторых, по-другому рассказать о Молдавии я просто не сумею...

Родился я в 1940 году в селе Бахмут в крестьянской семье. Год этот занимает в истории молдавского народа особое место. Двадцать восьмого июня осуществилась заветная мечта — Бессарабия навсегда вернулась в семью советских республик. Выражая волю молдавского народа, руководствуясь принципами ленинской национальной политики, седьмая сессия Верховного Совета СССР второго августа тысяча девятьсот сорокового года приняла закон об образовании еще одной союзной республики — Молдавской ССР. С этого момента на молдавской земле началась новая жизнь. Но вскоре она была прервана войной...

Я помню войну, помню бомбежки (бомба угодила в наш сарай), помню немецкую радиостанцию в соседнем дворе. Помню, с каким ликованием встречали оставшиеся в живых жители села советских воинов-освободителей. При оккупантах ни о каких народных праздниках, гуляньях и речи быть не могло, а сразу после освобождения, несмотря на голод и разруху, по селам буквально прокатилась волна свадеб. Очень хорошо помню себя, маленького, на чьей-то свадьбе, а самые почетные гости там — русские солдаты.

Продолжение см. на стр. 13

После приземления (ТАСС)

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ЭКИПАЖ НА ЗЕМЛЕ

2 июля 1982 года после успешного выполнения программы совместных исследований и экспериментов на борту орбитального комплекса «Салют-7» — «Союз Т-5» — «Союз Т-6» международный экипаж в составе дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Владимира Джанибекова, Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Александра Иванченкова и гражданина Французской Республики Жан-Лу Кретьена возвратился на Землю.

За время работы международного экипажа на борту орбитального комплекса полностью выполнена запланированная научная программа, подготовленная специалистами СССР и Франции.

Советские космонавты Анатолий Березовой и Валентин Лебедев продолжают полет на станции «Салют-7».

В парке, окружающем гостиницу «Космонавт», на аллее, где первое дерево посадил Юрий Гагарин, прибавился еще один саженец, посаженный первым космонавтом Франции.
Фото В. Кузьмина (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

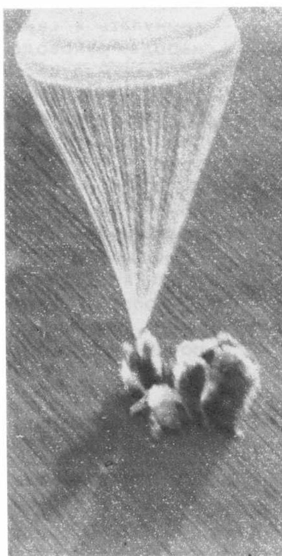
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2869)

10 ИЮЛЯ 1982

© Издательство «Правда», «Огонек», 1982



Спускаемый аппарат корабля «Союз Т-6» совершает посадку.
Фото А. Пушкарева и В. Кузьмина (ТАСС)

А. КРИВЕЛЬ

ХОЗЯЕВА МЕДНОЙ ГОРЫ

Недавно я снова побывал в Эрдэнэте. Прилетел самолетом. Вот уже несколько лет новый город Монголии принимает турбовинтовые воздушные корабли.

Гору Эрдэнэтийн-Обо, название которой на русский язык переводится как гора Сокровищ, а еще ее именуют Медной, мы увидели километров за двадцать — тридцать. От множества других она отличалась тем, что у нее не было вершины. Верхнюю часть горы начисто срезали бульдозеры и экскаваторы, снесли тысячи малых и больших взрывов.

Богата гора Эрдэнэтийн-Обо медной рудой. Руда красива. В музее истории комбината можно бесконечно любоваться малахитом, который зеленее березового листа, лазуритом, похожим на синее монгольское небо, желтыми и красноватыми пластинками самородной меди, коричневым с седой оболочкой купритом, добытыми на Эрдэнэтийн-Обо. Встречается тут и бирюза. Правда, работники комбината поминают ее недобрым словом — не поддается мельницам, нарушает технологический процесс...

В тот же день мы ходили по заводам и цехам самого крупного в Монголии, самого современного предприятия — совместного монголо-советского горно-обогатительного медно-молибденового комбината «Эрдэнэт». Непрерывно сыпались в бункера с автомашин крупные куски руды. Непрерывно в конце технологической цепочки шел медный и молибденовый концентрат.

Жизнь в Эрдэнэте динамична. Всегда здесь увидишь что-нибудь новое либо на производстве, либо в сфере управления, либо просто в жизни большого города — Эрдэнэт сегодня третий в стране после Улан-Батора и Дархана. На этот раз мы стали очевидцами того, как вступала в строй автоматизированная система управления

...Ходим по уютным рабочим помещениям операторов-вычислителей. Главный инженер информационно-вычислительного центра Игорь Иванович Куликов приехал из Советского Союза, его сосед Гомбожавын Амар родился и вырос неподалеку от Эрдэнэта — в Нэнтэях, институт окончил в Ташкенте; еще один сотрудник, Раздангийн Энхтайван, родом из самого центра Монголии — Ара-Хангая, а Александр Георгиевич Степанов, их начальник, заместитель главного инженера комбината, совсем недавно заведовал одной из автоматизированных систем управления в СССР.

Смотрим на светящееся табло. Видим, как сорокатонные «БелАЗы» подвозят и высыпают в приемные бункера руду. Все фиксируется. Колонки цифр на экранах рассказывают, сколько в автомашине груза, который по счету рейс делает сегодня водитель, каков его заработок.

Датчики, установленные по пути прохождения руды, мгновенно определяют содержание в ней меди, молибдена, других компонентов. Информация, переработанная в счетно-вычислительных машинах, в любой момент дает объективную картину состояния производства и в случае необходимости заставляет внести соответствующие коррективы. Ритм работы при этом не нарушается.

Как работает сегодня эрдэнэтский комбинат — одно из крупнейших горных предприятий в Азии?

— Комбинат — настоящая школа автоматизированного управления производством. Те, кто прошел ее,— говорит первый заместитель генерального директора Д. Лхагвасурэн,— станут ведущим руководящим звеном в экономике нашей страны.

Эрдэнэтский комбинат построен на совместные средства, руководит им совет, состоящий из равного числа представителей МНР и СССР, управляет генеральная дирекция, назначаемая советом. Прибыль делится поровну между обеими странами.

Сегодня на горе Сокровищ работает около четырех тысяч человек. Две тысячи двести — граждане Монголии, одна тысяча семьсот — граждане Советского Союза.

— Были немалые трудности при формировании интернационального коллектива,— продолжает свой рассказ товарищ Лхагвасурэн.— Наши парни и девушки пришли в Эрдэнэт с пастбищ, из школ. Ни скотоводы, ни выпускники общеобразовательных учебных заведений, естественно, не имели производственных навыков. Одних направляли на курсы в Советский Союз. Других готовили в монгольских профессионально-технических училищах, в эрдэнэтском учебном комбинате. К конвейерам и станкам наши рабочие стали рядом с советскими братьями и сестрами, имеющими немалый опыт работы по соответствующей специальности. Таким образом, трудовой урок продолжался.

— Время шло,— вступает в разговор генеральный директор Р. И. Семигин,— минуло около трех лет. Монгольские рабочие росли, набирались знаний, опыта, и наконец многие из них подравнялись в производительности труда с советскими. Произошла своеобразная интеграция кадров...

И мы снова идем вдоль конвейеров. Производство автоматизировано. За ним наблюдают советские и монгольские операторы.

— Мы досконально изучили специальность,— говорит работница обогатительной фабрики Балжигийн Нарантуя.— И в этом заслуга советских друзей. Скажу о себе. Я постоянно чувствовала их заинтересованные внимание и помощь. Сколько мне помогла, например, Нина Григорьевна Чекушина из Балхаша. Честно говоря, поначалу я очень удивлялась. Моя учительница на взгляд, на ощупь определяла качество растворов. И никогда не ошибалась, приборы всегда подтверждали ее оценку. Нина Григорьевна давно уехала домой, а мы ее уроки отлично помним...

Они из Эрдэнэта. Фото А. Награльяна

У Нарантуи высший, пятый разряд. Она заслуженный работник, рекордсмен труда, как принято в Монголии называть передовиков. Нас познакомили также с Д. Жаргалсайханом, машинистом буровой установки. Профессию свою он получил в Советском Союзе. Сейчас Жаргалсайхан — лучший рабочий горного цеха, отличный наставник молодежи, избирался делегатом XVIII съезда МНРП.

Были, как рассказал нам секретарь комитета МНРП комбината Жамьянсурэнгийн Бямба, на первых порах у монгольских рабочих нелады с дисциплиной. Не привыкли еще некоторые вчерашние араты к ритмичному индустриальному труду, поначалу опаздывали на работу, случались и прогулы.

Благотворное действие на укрепление дисциплины, становление, взросление молодых рабочих оказало наставничество. Наставники, а их на комбинате до девятисот, советских и монгольских, учили молодежь исподволь, без особого нажима, личным примером. Сейчас в Эрдэнэте прогулы и опоздания на работу практически сведены к нулю.

Еще одна хорошая традиция привилась на комбинате. Выпускники высших учебных заведений начинают свои трудовые биографии не с руководящей должности, а становятся рядовыми рабочими к конвейеру, агрегату, к станку. И только после этого решается вопрос о выдвижении на должности командиров производства.

Много внимания уделяется на комбинате быту рабочих. Для тех, кто занят на основных обогатительных операциях, сокращена на сорок процентов стоимость обедов. У заводских проходных открыты продовольственные магазины и киоски, предприятия службы быта. Большинство рабочих, техников, инженеров получили в городе благоустроенные квартиры.

Эрдэнэт известен в Монголии как самый крупный коллектив монголо-советской дружбы.

...Перед отъездом мы вместе с монгольскими друзьями еще раз прошлись по улицам Эрдэнэта. Кварталы города красивыми террасами спадают с сопок вниз, в долину. Бойко идет торговля в магазинах, по архитектурному исполнению напоминающих огромные юрты, заполнены залы рабочих клубов, вечерами людно в библиотеках и читальных залах. Зеленеют деревья в скверах. Растет и хорошеет город хозяев Медной горы.

Эрдэнэт.

НАШ ВЗГЛЯД

ЛИВАН В ОГНЕ

Павел ДЕМЧЕНКО

Месяц назад на ливанскую землю пришла война — жестокая, кровавая, разрушительная. Неспокойно было там и раньше. Израильская артиллерия нередко обстреливала пограничные деревни. Военные самолеты с шестиконечной звездой Давида совершали разведывательные рейды над побережьем, появлялись над Бейрутом. Несколько раз они бомбили лагеря палестинских беженцев, нашедших приют на ливанской территории после того, как были изгнаны израильтянами с родных мест.

Первая крупная волна беженцев пришлась на 1948 год — на момент создания государства Израиль, вторая — на 1967 год, когда израильская армия напала на Сирию, Египет, Иорданию. Израильские власти изгоняли палестинских арабов из их деревень, чтобы освободить землю для своих поселенцев, расширить территорию государства за счет соседей. Но палестинцы не смирились со своей участью. Они начали движение сопротивления. В 1964 году появилась Организация освобождения Палестины (ООП), которая стала мобилизующим центром сопротивления оккупантам, выдвинула лозунг создания независимого палестинского государства. Израиль же поставил задачу не допустить появления такого государства и присвоить все палестинские земли (это Западный берег реки Иордан и сектор Газа), которые были оккупированы в 1967 году. Именно поэтому Тель-Авив стал готовить крупный удар по ООП, боевые центры и основные базы которой разместились на территории Ливана, а также по силам, поддерживающим ее.

В воскресенье 6 июня где-то около полудня колонна из 100 танков и такого же числа бронетранспортеров перешла ливанскую границу и устремилась на север по шоссе, идущему вдоль побережья Средиземного моря. Путь им преграждали норвежские и непальские подразделения из состава сил Организации Объединенных Наций, посланных в Ливан для того, чтобы создать заслон между израильскими и арабскими военными частями. Однако агрессор не посчитался с авторитетом международного сообщества. На предупредительную стрельбу в воздух он ответил огнем по ооновским постам, где были убитые и раненые. Вырвавшись на никем больше не охраняемую дорогу, танковая колонна только километров через двадцать у города Тира натолкнулась на сопротивление. Примерно в то же время израильские войска перешли границу и на других участках. В приморских городках были высажены вертолетные и морские десанты.

Развернулась пятая за последнюю треть века ближневосточная война. Посыпались бомбы и ракеты на города, деревни, лагеря палестинских беженцев, запылали пожары. Несмотря на сопротивление палестинцев и отрядов национально-патриотических сил Ливана, агрессору удалось оккупировать около половины территории страны. С юга и востока был окружен Бейрут, подходы к которому со стороны Средиземного моря блокированы израильскими кораблями. Примерно на протяжении 20 километров, начиная от Бейрута, израильские войска поставили под контроль шоссе, ведущее отсюда в Дамаск.

В районе Бейрута и у дамасского шоссе израильтяне столкнулись с сирийскими войсками, которые находятся в Ливане в составе межарабских сил. Произошло крупное танковое сражение, несколько воздушных боев. Обе стороны понесли серьезные потери, и дальнейшее продвижение израильтян на север и восток было приостановлено.

Какие же цели поставило израильское руководство, начиная столь крупную военную операцию? Во-первых, нанести поражение Организации освобождения Палестины, заставить капитулировать ее боевые отряды, успевшие отойти к Бейруту. Во-вторых, речь идет о том, чтобы создать в Ливане правительство, которое согласилось бы сотрудничать с Израилем. Наконец, ослабить Сирию, которая поддерживает палестинцев, занимает антиимпериалистическую, антиамериканскую позицию и добивается освобождения захваченных у нее в 1967 году Голанских высот.

Ясно, что все эти цели отвечают стратегическим замыслам американского империализма, который мечтает превратить Ближний Восток в свой важный военно-стратегический плацдарм. Не случайно поэтому поведение Вашингтона и в период, предшествовавший агрессии, и после ее начала характеризовалось не только как полная поддержка Израиля, но и соучастие в агрессии. В Бейруте постоянно находится специальный представитель президента США Ф. Хабиб, который поддерживает регулярные контакты с израильскими руководителями и теми ливанскими деятелями, которые настроены против палестинцев.

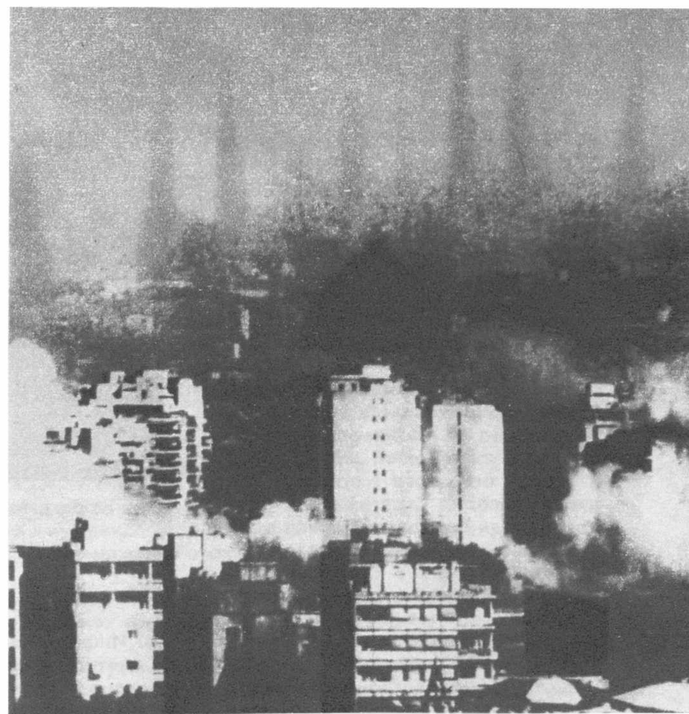
Если же сказать о реакции в мире на израильское вторжение, то прежде всего бросается в глаза та изоляция, в которой оказались агрессор и стоящий за ним Вашингтон. Об этом свидетельствует, например, заявление глав десяти западноевропейских государств и правительств стран, входящих в «Общий рынок», которые потребовали прекратить агрессию. Но, пожалуй, особенно ярко эта реакция проявилась во время голосования на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу. Против резолюции, осуждающей агрессора, проголосовали лишь две делегации — Израиль и США при 127 голосах «за». Случай беспрецедентный. Трудно привести пример большего морально-политического поражения Вашингтона и его ближневосточного жандарма Израиля на международной арене. Как пишет парижская «Юманите», «американская дипломатия еще никогда в своей истории не оказывалась в такой изоляции. Американская позиция вызвала осуждение не только в мире, но и в самих Соединенных Штатах».

Демонстрации и митинги протеста против израильской агрессии в Ливане прошли в Париже и Вене, в Нью-Йорке и Бонне. В Советском Союзе, как и повсюду в мире, трудящиеся решительно осуждают разбой, чинимый сионистами, истребление тысяч палестинцев и ливанцев, попытки поставить эти народы на колени, навязать им свою волю. Советское правительство серьезно предупредило израильское руководство.

Немедленно прекратить агрессию, вывести войска интервентов с ливанской территории — таково сегодня требование дня.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В районе шоссе Бейрут — Дамаск. Здесь шли бои.



После очередного налета

израильских агрессоров на Бейрут.

Палестинские беженцы.

В Ташкенте, в производственном объединении «Узбексельмаш», состоялся митинг протеста против разбойничьего вторжения Израиля на землю Ливана. Его участники гневно осудили кровавые злодеяния, творимые израильскими захватчиками, и потребовали немедленного прекращения агрессии.

Телефото А. Кошкина (ТАСС)

«Политика Израиля — политика геноцида!», «Остановить агрессию Израиля на Ближнем Востоке!» — под такими лозунгами состоялась в Оттаве мощная демонстрация жителей канадской столицы и борцов за мир, прибывших из многих городов страны.

Фото А. Меликяна (ТАСС)

Израиль. В Тель-Авиве состоялась многотысячная демонстрация протеста против агрессивной войны, развязанной правящей сионистской верхушкой против суверенного Ливана.

Фото ЮПИ — АП — АДН — ТАСС

ВЫКСА

ТРУБЫ БУДУТ!

Попытки Соединенных Штатов сорвать поставки оборудования для строительства газопровода Сибирь — Западная Европа вызывают широкое возмущение во всем мире. Как отвечают советские люди на новые экономические санкции президента Рейгана, рассказывает секретарь парткома Выксунского металлургического завода В. А. СИНИЦЫН.

— Наш завод,— сказал Вячеслав Алексеевич,— принимает активное участие в строительстве экспортного газопровода Сибирь — Западная Европа. Как известно, была заключена крупная сделка «Газ — трубы». И вот теперь президент Рейган пытается торпедировать сделку, введя ограничения на поставку в СССР необходимого оборудования, понуждая и страны Западной Европы следовать своей политике. Однако мы убеждены в том, что наша отечественная промышленность сможет самостоятельно обеспечить строительство магистральных газопроводов трубами и оборудованием. Об этом говорили на проведенном недавно митинге рабочие и инженеры трубоэлектросварочного цеха № 4.

Цех этот новый. Первая очередь его пущена только в марте нынешнего года. Освоение технологии производства многослойных труб, предназначенных для газопровода Сибирь — Западная Европа,— дело сложное. На полное освоение мощностей цеха нам отведено два года.

Тем не менее в ответ на санкции Соединенных Штатов коллектив цеха решил завершить полное освоение производственных мощностей на три месяца раньше установленного срока и давать важнейшим стройкам сотни тысяч тонн труб в год.

Плановые производственные показатели были по выпуску многослойных труб большого диаметра превышены и в первые шесть месяцев нынешнего года.

Гневно осуждая новые дискриминационные меры президента Рейгана, выступившие на митинге рабочие и инженеры говорили, что прежде всего эти меры ударят по самим Соединенным Штатам.

СЕРДЕЧНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ 1

Господину ЖАН-ЛУ КРЕТЬЕНУ

Мне, в 1916 году получившей «воздушное крещение» на «Фарман-7» с французскими летчиками и очарованной Вашим крещением в космосе на «Союзе Т-6», хочется сердечно поздравить Вас, господин Жан-Лу Кретьен, и пожелать вам дальнейших успехов на пути широкого космоса и нашего Вам крепкого сибирского здоровья.

С уважением

М. В. Солодовникова,
ветеран первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, «М-ль Фарман-7»

В тот день, когда в эфире над Байконуром смешались русские и французские слова, когда на научную орбитальную станцию «Салют-7» летели Владимир Джанибеков, Александр Иванченков и Жан-Лу Кретьен, к нам в редакцию пришла женщина. Женщина очень пожилая, но старушкой назвать ее язык как-то не поворачивается. Дело все в глазах. Настолько они ясные, живые, любопытные. В пору и молодым позавидовать.

И сразу же Мария Васильевна Солодовникова назвала свой возраст — 87 лет. Потому что гордится им.

— А как же вы думали? — села она за столик, придерживая на груди позванивающие медали.— В трех войнах участвовала: в первой мировой, гражданской и Великой Отечественной. Столько повидала, что на несколько жизней хватит. Вот на этой фотографии я совсем еще девочка. Фельдшером тогда работала на Юго-Западном фронте...

...В 1916 году в Румынии, которая к тому времени стала союзником России, базировалась французская эскадрилья «Фарман-7». Однажды на одной из улочек маленького румынского городка Текучи компания французских летчиков встретила заплаканную девушку, русскую медсестру. У Марии Солодовниковой в тот день от сыпного тифа умерла в госпитале лучшая подруга.

Узнав о горе, командир эскадрильи сказал, что погибшая русская девушка будет похоронена со всеми воинскими почестями, а Марии предложил стать внучкой их эскадрильи.

— И очень скоро,— вспоминает Мария Васильевна,— я получила воздушное крещение на французском самолете.

Через некоторое время французская эскадрилья «Фарман-7» перебазировалась на другой аэродром, Мария Солодовникова вернулась из Румынии в Россию. Обо всем этом «Огонек» рассказал в № 41 за 1980 год.

Потом была борьба с тифом в казахстанских степях, строительство московского метро, Финляндия, где Мария Васильевна преподавала русский. Была Великая Отечественная, и старшего лейтенанта связи Солодовникову снова свела судьба с французскими летчиками, ей было присвоено почетное звание члена 1-го отдельного истребительного авиаполка «Нормандия — Неман».

— Никогда не думала, что я доживу до того счастливого момента, когда русские и французы будут работать в одном экипаже над освоением космоса в мирных целях,— восторженно говорит Мария Васильевна.

Сергей МАРКОВ

На снимке: Мария Васильевна Солодовникова.

1

4

МОГИЛЕВ

ПРОЧНО, ПРОСТО, ЭКОНОМИЧНО 2

Так можно коротко охарактеризовать результаты творческих разработок научно-исследовательской лаборатории Могилевского производственного объединения шелковых тканей. Это крупнейшее в нашей стране предприятие носит имя XXV съезда КПСС.

Я беседую со старшим инженером лаборатории С. В. Мурашко.

— Посмотрите на нашу подкладочную ткань.— Светлана Васильевна показывает кусок блестящего серого шелка.— В техническую характеристику материала входит такой важный параметр — раздвигаемость нитей, из которых он соткан. И если коэффициент раздвигаемости высокий, то потребитель это очень быстро заметит: одежда будет вытягиваться, пузыриться на локтях, коленях. Чтобы такого не происходило, нитки набиваются очень плотно, а значит, их расходуется больше, особенно при изготовлении подкладочной ткани. «А нельзя ли использовать ниток меньше, облегчив тем самым вес изделия и в то же время сохранив плотность?» — подумали мы. Сейчас задача решена совместно со специалистами западногерманской фирмы «Тюбинген». В лаборатории мы провели серию экспериментов и разработали технологию отделки подкладочной ткани с помощью химических веществ. Такая ткань не только не уступает прежней, но и в чем-то превосходит, например, не электризуется, увеличился и срок ее службы.

Внедрение новой технологии дало высокий экономический эффект: при выпуске одного миллиона погонных метров ткани экономится 12 тонн сырья, меньше расходуется энергии, снижается себестоимость, а производительность ткацких станков увеличилась на 20 процентов.

Другая творческая разработка лаборатории — нанесение национальных авровых рисунков на шелковые ткани способом переводной термопечати.

— Теперь рисунок печатается на специальную бумагу, накладывается на основу нитей и при высокой температуре внедряется в глубь каждой нити,— рассказывает С. В. Мурашко.— Таким образом напечатанная основа перерабатывается прямо на ткацком станке. Это значительно проще, быстрее и дешевле, а по качеству продукция, полученная нашим методом, не отличается от той, что произведена традиционным способом. И с точки зрения санитарно-гигиенических норм все в порядке, вискозно-полиэфирная ткань гидрофильна, то есть пропускает влагу, а значит, «дышит».

Были у нас коллеги из Ташкента: новая технология им понравилась. Теперь дело за внедрением.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

На снимке: браковщицы проверяют качество ткани.

Фото автора

3 ИХ ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ...

Встречи поколений... Они радуют, волнуют, наводят на размышления. Встреча с теми, кто стоял у истоков рождения комсомола,— это соприкосновение с мудростью, опытом.

...К ветеранам партии и комсомола Дона, живущим ныне в Москве, приехали в гости делегаты XIX съезда ВЛКСМ от Ростовской области. Встреча состоялась в методическом кабинете ИМЛ при ЦК КПСС.

Молодых гостей тепло приветствовал председатель Ростовской историко-литератур-

2

3

5

4

НОВОСИБИРСК

ОСОБЫЙ ПАМЯТНИК

В партийном архиве Новосибирского обкома КПСС хранится необычный документ, которому без малого шестьдесят лет. Это карточка-«кирпич» или «марка-жетон», как ее называли в 1924 году. Тонкий, серый картон величиной с четверть открытки. На одной стороне — портрет В. И. Ленина, эскиз здания и надпись: «Кирпич на Дом памяти имени В. И. Ленина», на оборотной стороне написано: «Первый камень заложен демонстрацией 1 мая 1924 года на Ленинской площади в Новониколаевске». Таких карточек, стоимостью десять копеек каждая, было тогда выпущено миллион штук.

...Смерть Владимира Ильича резкой болью отозвалась в сердцах трудящихся Сибири. В центре Новониколаевска — так назывался тогда Новосибирск — сразу же после экстренного выпуска местной газеты собрался митинг. Более двадцати тысяч человек... Тогда же было решено на средства, собранные трудящимися, построить Дом имени В. И. Ленина, дом, который стал бы центром политической работы в губернии. На счет № 679 со всей Сибири стекались деньги — однодневные заработки, деньги, собранные по подписным листам, вырученные от продажи карточек-«кирпичей». В обсуждении проекта дома участвовали сотни людей. Строить его решили в самом центре города, рядом с могилой 104 борцов за Советскую власть, расстрелянных колчаковцами. Уже через год, 21 января 1925 года, состоялось торжественное открытие дома.

Дом Ленина действительно стал центром политической и культурной жизни города и губернии. Здесь, в частности, работал Первый краевой съезд Советов. Приехали шахтеры Кузбасса, металлурги Гурьевска, делегаты национальных меньшинств из Нарымского края, Горной Шории, Абакана, Алтая. На съезде было принято решение о переименовании города Новониколаевска в Новосибирск.

В Доме Ленина располагались первая сибирская широковещательная радиостанция, Сибрадиоцентр, Центральная библиотека, общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, здесь проходили партийные и профсоюзные конференции, собрания комсомольцев и молодежи.

...Из тишины архива от пожелтевших документов выхожу на Красный проспект, центральную улицу Новосибирска. В ярком свете весеннего солнца она кажется еще красивей и еще нарядней, многолюдней. Несколько минут ходьбы, и вот он, Дом Ленина. В нем сейчас располагается Новосибирский театр юного зрителя. Неузнаваемо изменился облик крупнейшего города за Уралом, выросли новый центр, новые здания, но Дом Ленина не затерялся среди них, он стоит как памятник любви народа к своему вождю.

М. ЩУКИН, собкор «Огонька»

На снимке: ныне в Доме Ленина — Театр юного зрителя. Фото С. Дятлова

•НОВОСТИ• ИНТЕРВЬЮ• РЕПОРТАЖ•

ЛЬВОВ

НАШ ПЕРВЫЙ СНЕЖНЫЙ ТРАКТОР

5

Геологи, охотники, поисковики, горноспасатели — в общем, представители многих профессий давно уже ждут универсальную машину, которая могла бы без труда подняться по заснеженному горному склону, пробиться в труднодоступное высокогорье, куда обычным вездеходам и тракторам пока хода нет. И вот впервые в нашей стране такая машина создана во Львове, в отделении «Спортмаш» Всесоюзного проектно-технологического и экспериментально - конструкторского института по спортивным и туристским изделиям.

Дело в том, что спортсменам и работникам горно-туристских комплексов такой снегоход, пожалуй, нужен более всего, без него ни зимой, ни летом на склонах просто не обойтись. Ратрак (так называют эти машины во всем мире) своими сверхширокими легкими гусеницами продавливает снег не больше, чем... человек, стоящий на лыжах! Ратрак выровняет и укатает горную трассу, доставит ремонтников к неисправной канатной дороге, проберется в снегопад к горной хижине. Ряд навесных агрегатов — снежные ножи, катки, рыхлители — превращают машину в незаменимого горного пахаря, а установленный на нем санитарный кузов — в единственную в своем роде горную «Скорую помощь».

— Пока создан и испытан в Карпатах опытный образец среднего ратрака,— рассказывает заведующий Львовским отделением «Спортмаш» В. Д. Сырцов.— Это машина с гидравлической трансмиссией, дизельный двигатель обладает мощностью до 80 лошадиных сил, резинометаллические гусеницы позволяют преодолевать подъемы до 30 градусов. Навесная косилка даст возможность применять ратрак для покоса трав летом на крутых альпийских лугах. Его можно с успехом использовать и на равнине, в заснеженной сельской местности, и в тундре, где широкие гусеницы не повредят тонкий слой растительности на вечной мерзлоте. В проекте — шестидесятисильный легкий ратрак и тяжелый, двухсотсильный, с двигателем от «КамАЗа».

Б. СМИРНОВ

ной секции старых большевиков Павел Васильевич Евсеев, пожелавший им успехов в труде и учебе. Об историческом III съезде комсомола, на котором выступал В. И. Ленин, рассказал делегат этого съезда, член КПСС с марта 1917 года, один из организаторов Ростовского союза молодежи, Сергей Михайлович Зубов. Речь В. И. Ленина о задачах союзов молодежи, его призывы учиться слышали и Иосиф Федорович Лузин и Владимир Абрамович Дунаевский — ныне это заслуженные люди, старые большевики.

Присутствовала на встрече и Ольга Федоровна Ильина, женщина героическая, большевичка с июля 1917 года, участница гражданской войны. Когда в 1918 году столица Дона оказалась во власти контрреволюции, она осталась в городе для подпольной работы. Рискуя жизнью, переходила линию фронта, передавала разведданные о противнике, перевозила подпольную литературу, взрывчатку.

Во встрече с делегатами XIX съезда ВЛКСМ принимали участие бывшие комсомольцы Дона профессор философии Е. П. Ситковский, историк Н. М. Днепрова, инженер Н. И. Дмитревский.

От имени делегатов съезда комсомола выступил работник Ростовского обкома ВЛКСМ Ю. Стрельченко, поблагодаривший ветеранов-земляков за добрые пожелания комсомолии Дона.

Марат ЦЕБОЕВ

На снимке: участники встречи.

Фото И. Гаврилова

ОРЕСТ КИПРЕНСКИЙ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Кто шагнул совсем юным в искусство России на пороге XIX века и буквально в десятилетие создал полотна, сразу показавшие Европе, что в Петербурге появился талант силы необычайной? Это был Орест Кипренский, первый из наших соотечественников, вошедший в коллекцию автопортретов знаменитой флорентийской галереи Уффици и потрясший итальянских коллег мощной, светоносной живописью, настолько неожиданной и непривычной для той эпохи, что маститые мастера приняли эту живопись за полотна Рембрандта. Кипренский словно шутя одолел вершины портретного мастерства (хотя это досталось ему ценою невероятного труда) и открыл своими холстами путь в европейское искусство. Именно Орест Кипренский раньше великих Карла Брюллова и Александра Иванова показал искрометную и чудодейственную силу русской школы.

Казалось, сама Россия вдруг увидела себя в полотнах молодого Кипренского. Его портреты десятых, двадцатых годов прошлого века показывают нам людей восторженных, смелых, красивых, одухотворенных. С полотен как бы упала некая вуаль условной томности живописи его предшественников, и на нас сегодня глядят образы современников, написанные Орестом Кипренским во всей открытости и полные духовного движения. Уверенные в своей силе, жаждущие познать мир, его холсты были новым словом в искусстве той поры.

...Кипренского справедливо считают первым русским романтиком в живописи. Но приверженность к этому направлению носит у него глубоко национальный характер. Он написал свои шедевры, составившие ему славу в первой четверти прошлого века и которые можно отнести по мировосприятию к романтизму, хотя живописцу абсолютно были чужды мотивы «мировой скорби», «мирового зла», поэтики «двоемирия»: он не искал «ночной» стороны души. Его великолепные полотна созданы человеком, влюбленным в жизнь. Вы не найдете в них мучительного разлада, разъедающего анализа. Кипренский тех лет — певец радости жизни и образа прекрасной личности, цельной и гармоничной. Таковы портреты мальчика Челищева, Е. П. Ростопчиной, Е. В. Давыдова, автопортрет 1808 года. Этим и другим полотнам того периода свойственно напряженно-лирическое, эмоциональное, ярко очерченное пластическое выражение человеческой личности, свободно проявляющей свое отношение к жизни, ждущей и видящей красоту и значительность самого бытия, присутствия на земле, участия в существовании рода людского. Вот эта самоценность чувства прекрасного, владевшего самим художником, невольно осветила каждый созданный им портрет, хотя далеко не каждый персонаж из этой галереи похож на классические идеалы красоты. Но светлый гений Ореста Кипренского, его истинный гуманизм раскрывает недоступные для иного художника глубины. Портреты Кипренского как бы излучают особый духовный свет, который озаряет образы людей. Холстам мастера нисколь не присуща «красивость» или сентиментальность его предшественников. Нет. Кисть его мужественна, язык полотен сочен и правдив.

...Всегда удивляет та точность, с какою астрономия предсказывает то или иное небесное явление. Даже в древние времена ученые могли рассчитать возникновение кометы, появление лунного или солнечного затмения. Но тем удивительней, что, умея так вычислить происшествия в сферах звездных, мы на земле вовсе не умеем угадывать, когда и где возникнет гениальный поэт или художник. Каких бы высот ни достигла кибернетика и электроника.

Тут все же есть тайна! Как поистине дивные цветы, редко, но всегда поражающе нежданно и ошеломляюще, внезапно возникают на нашей планете великие композиторы, писатели, живописцы. Бывали времена, когда один век дарил нам несколько гениальных имен. Таким стал итальянский Ренессанс. XIX век в России дал миру великолепное соцветие мастеров слова, кисти, музыки. Среди этого поистине замечательного потока творцов был и Орест Кипренский.

«Истинное же волшебство очертательного художества есть тьмо—свет»,— писал автор книги «Опыт науки изящного» в 1825 году. Борьба светлого с мраком, добра со злом включает в себя явления бытия самого широкого охвата и естественна для истинного искусства. Но в судьбе Кипренского это значение обрело особый смысл и пронизало всю его жизнь...

На крошечной части земли, на заброшенной мызе с чудесным именем «Нежинская» вблизи Копорья, на берегу Финского залива, в окрестностях Ораниенбаума, в поместье, принадлежавшем бригадиру Алексею Степановичу Дьяконову, 13 марта 1782 года родился мальчик. Назвали его Орестом. Мать малыша, Анна Гаврилова, была «крепостной девкой», и, чтобы скрыть факт незаконнорожденности, помещик выдает ее за своего дворового человека, в семье которого вырос будущий художник. Надо заметить, что сразу по рождении сына Дьяконов дал ему вольную, невзирая на все превратности судьбы. Он же дал Оресту фамилию Копорский, по имени местечка. Фамилию, которая с годами стала более благозвучной,— Кипренский. Так с первых шагов появления на свет биография Ореста была не совсем обычной и носила характер, связанный с некой тайной. Однако малыш рос, и его «вольное» положение позволяло ему на досуге бродить по песчаным дюнам, любоваться бегом волн, слушать пронзительные крики чаек. Он был обладателем бесценного богатства — свободы и делал что хотел: целые дни гулял по зеленым лугам и рощам, рвал цветы и приходил домой счастливый и усталый. Душа малыша была освящена чувством простора, неповторимым ощущением движения, которым полна природа. Бег скользящих теней от пухлых, плывущих в небе облаков сливался в его представлении с вечным колыханием моря, неутомимо гнавшего волны на берег. Шелест деревьев переплетался с шорохом трав и пением птиц, свежие зори сменял жаркий полдень, и вот уже вечерняя звезда загоралась в небе. Великий круговорот бытия стал с младенческих лет близок Оресту. Он полюбил природу, люди были добры с ним, и мальчик не познал в детстве горя. Хотя ничто не ускользало от пристальных глаз. Он видел слезы матери, не раз становился свидетелем сцен крепостного быта. Но Орест был слишком мал, чтобы вникать в эти сложности времени. А когда ему исполнилось шесть лет, его отдали в Петербург, в Академию художеств. Но всю жизнь он будет вспоминать мызу «Нежинскую», Ораниенбаум и один странный эпизод, который, как ему казалось, много дал для ощущения объемности мира.

...Прокряхтела узорная дворцовая дверь. Маленький Орест осторожно ступил на пыльный старый паркет. Немедля запела половица, одна, другая. В странном мерцающем свете высоких зашторенных окон выплывало ажурное огромное зеркало. На цыпочках, стараясь не шуметь, мальчик пересек пустой и казавшийся бесконечным зал. Вот, наконец, и зеркало. Густая пыль, как омут, затянула стекло. Малыш снял картуз и протер уголок зеркала. В небольшом круглом оконце вдруг появилась кудрявая всклокоченная голова Ореста, а позади, будто во сне, выросла стена картин в золоченых рамах — они тускло поблескивали в сумерках зала. Белокурая нимфа, рядом косит черным глазом сердитый вельможа, весь в звездах и регалиях, вот вздыбился горячий конь, неся грозного всадника. Жутко, одиноко стало Оресту. Но крошечный сверкающий колодезь будто манил малыша, и, как ни отклонялся от него Орест, всюду его настигали темные полотна в дорогих старых рамах...

Страшный, сиреневый грохот вывел мальчишку из оцепенения. За окнами хлестал ливень, сверкали молнии. Кое-как нахлобучив картуз, Орест уже без оглядки помчался прочь из дворца. Мелькнул полосатый шлагбаум, и малыш выбежал, вернее, вылетел на волю. Над ним неслось темное, все в рваных тучах грозовое небо. Оно внезапно встало впереди, ограниченное в водах канала легким мостком. Ветер выл в старых деревьях парка. Дождь срывал пригоршнями листья и кидал их к подножию мраморных античных богов. Когда вымокший насквозь Орест ворвался в свой дом, мать испугалась. Она прижала его к груди, пытаясь узнать, что случилось. Орест молчал, но наконец разрыдался.

Воспоминания детства. Все это, как далекие грезы, сливалось для мальчика в отдаленные представления о вечной жизненности природы, о временности людских усилий. Он рано понял истинную сложность этой природы, познал и усвоил стиль века минувшего. И когда ученик Академии, вдоволь надышавшись пылью в классах, нарисовавшись слепков с античных скульптур, вырывался на простор набережных Невы, то все воспоминания детства будто оживали вновь: он видел бегущую речную волну, тот же гортанный и пронзительный крик чаек тревожил его слух, он зрел бесконечную панораму дворцов, слонм, все в душе Ореста сливалось в единый поток бытия.

...Трепетный сине-розовый радугой опрокинулся в изумрудные воды пруда горбатый мостик. Словно в зеркале плыли по радуге белые, лиловые, серые облака — три девушки в пышных платьях. Они не шли, а словно скользили, их отражения сплетались с отсветами березовых стволов, и, казалось, что пруд не что иное, как перевернутая картина, написанная кистью старого мастера, потемневшая от времени и покрытая лаком...

Живой мир — свежий, яркий, с резкими гранями и мягкими касаниями цвета — окружал и брал в плен юного Ореста, глядевшего на пейзаж, будто проснувшись и удивившись в первый раз. Щебетали, пели птицы. Жар волнами обволакивал его. Ветер доносил горький, душный запах скошенного сена, он прилетел из березовой рощи. Природа летнего дня — роскошная, ленивая, томная — глядела на молодого художника с альбомом в руке и, казалось, тихо шептала на ухо юноше: «Ты понял меня?» Карусель солнечных бликов вертелась по зеленой лужайке, мелькала по нежным стволам берез, играла на листьях деревьев. Листок альбома менялся на глазах. Белая бумага сама как будто излучала свет. И каждое мгновение делало ее то солнечно-желтой, то серо-сиреневой, то голубой. Так изменяли цвет бумаги рефлексы, свет и тени. Позже это назовут пленэром. А сегодня Орест мечтал написать уголок природы. Был 1801 год.

Юный Кипренский превзошел всех своих сверстников в стремлении постичь законы красоты. Он проводил сотни часов за копированием холстов классиков мировой живописи. Академические профессора ставили ему первые номера за великолепные рисунки с античных слепков, за натурные этюды. И вот годы школы позади. Видит бог, он не жалел сил, отдал свою энергию познанию сложного ремесла живописца, стал изумительным рисовальщиком. Когда же по окончании Академии Кипренский не получил заграничной командировки, то молодой художник принялся с неистовством писать с натуры, и его зрелое, превосходное мастерство в соединении со свежестью и первичностью видения мира потрясло всех. Он очень быстро стал героем всех выставок.

«Автопортрет» 1808 года... Поразительно трепетна живопись этого холста. Легкие, как дымка, валеры смягчают энергичную и сочную кладку картины. Благороден колорит. Но особенную прелесть и живость изображению придают бегущие блики света, то легко скользящие, то глубокие.

Необыкновенно юн, по-детски открыт пристальный, чего-то ожидающий взгляд молодого человека. В нем ощущаются затаенная грусть и раздумья. Сам облик мастера, его курчавые каштановые волосы, красиво обрамляющие высокий, выпуклый, чистый лоб без единой морщины, лишь с еле заметной тенью забот, легшей между дуг бровей, нервные ноздри, будто вздрагивающие от напряжения, мягкая линия маленького рта, ямочка на подбородке, утопающая в свободно повя-

О. Кипренский. 1782—1836. АВТОПОРТРЕТ В РОЗОВОМ ШЕЙНОМ ПЛАТКЕ. Ок. 1808.

О. Кипренский. ПОРТРЕТ Е. В. ДАВЫДОВА. 1809.

занном розовом шейном платке, небрежно накинутый на плечи плащ — все, все рисует нам образ романтический, полный поэзии и тайны.

Неотразимый магнетизм юности чарует зрителя в этом автопортрете. Какая-то духовная открытость, приветливость отличают великолепно исполненное полотно. Живописец прожил всего четверть века и достиг той счастливой поры, когда годы учения в Академии художеств, кропотливого труда, изучения классиков и ожидания позади. И вот кисть виртуоза стремительно и непогрешимо намечает тончайшие валеры, создает тот драгоценный слиток света, теней, нюансов розового, серого, коричневого и умбристых цветов, ощущения впервые увиденного, прекрасного, что отличает жемчужину искусства от обычной картины.

Весь облик художника — непринужденность. Здесь полностью отсутствует скованность, которая порою присуща жанру автопортрета, когда живописец как бы невольно привязан к зеркалу и мольберту.

Сама жизнь была тогда восторгом. Радость встреч и печаль расставаний. Свежесть ранних зорь и прелесть вечерних закатов. Звуки клавесина и шорох атласных платьев. Чарующий аромат юности, неповторимость мгновений бытия. Все, все влекло душу молодого Ореста Кипренского, все звало к одному заветному желанию — творить, оставить людям свое изумление перед чудом ощущения непрерывности впечатлений, от всей этой радужной кантилены смен дня и ночи, весны и осени, смеха и слез. Кипренский далек от гражданственных раздумий, и хотя его молодость была небезоблачной и тягость будней, серость мизерной суеты ежедневно лезли в глаза, все же юноша жил в каком-то будто заколдованном мире грез наяву: сильная рука мастера, его трепетное сердце и острый взгляд были словно нацелены на одну лишь ему ведомую цель — писать, писать, рисовать изо всех нерастраченных сил, отдавать весь запас нестертых впечатлений творчеству. И он не покладая рук работал, изучал пластику старых мастеров, копировал шедевры Корреджо и Ван Дейка, рисовал слепки с античных скульптур, желая одолеть ремесло, чтобы получить высшее наслаждение — свободно петь, воспевать окружающую его красоту. Вот почему напрасно искать у Кипренского жанровые полотна, отражающие прозу будней. Молодой художник считал своей задачей видеть лишь прекрасное, отбрасывая все уродство, грязь и тщетную суету, владевшую большинством окружавших его людей.

Порою, разглядывая многочисленные портреты Кипренского, написанные в разное время, кажется, что в нем жили разные художники. Восторженный романтик молодого периода, далее зрелый живописец-реалист, а в конце судьбы полотна мастера скорее склоняются к давно им же забытому академизму. Странная эволюция... Но дело было значительно сложнее и трагичнее. Сама проза жизни заставила вдохновенного мечтателя стать скептически настроенным прозаиком, а далее равнодушным и даже циничным маньеристом.

Дар Кипренского напоминает чудесное дерево яблони, которое в пору весны чаровало нас свежими белопенными цветами. К лету поспели сладкие плоды, радовавшие своим совершенством. К осени плоды были сорваны, листья облетели, и мы увидели лишь остов стареющего дерева. Так художник, отдав все силы весенней поре и поразив всех красотой своих цветов, а далее гроздьями спелых плодов, разочаровал и даже ужаснул своих современников голой неприглядностью сухих голенастых веток. Но этот долголетний процесс мог быть другим. Если бы Кипренский встретил на родине истинное признание двора, имел бы заказы и славу, его жизнь оказалась бы совсем другой и не походила бы в конце на высохшую яблоню.

...Что потрясло современников в портретах Кипренского? Ведь русская школа имела уже до него блестящие работы таких корифеев живописи, как Левицкий, Рокотов, Боровиковский. Чем покорил зрителей молодой мастер?

В своих первых шедеврах, созданных в начале XIX века, он показывает нам новую красоту в искусстве русского портрета. Если его великие предшественники были во многом скованы условностями и часто их полотна носят следы комплиментарности, то холсты Кипренского с самого начала поразили неподдельностью восприятия мира, человека его души. Словно живая нить связывала художника с природой, окружающей его. Кипренский был сам частью этого чудесного мира, и любовь живописца, его светлое изумление перед дивом мироздания отразились в его картинах, дышащих каким-то щемящим откровенным удивлением живописца.

«Портрет Е. В. Давыдова», родственника знаменитого гусара-партизана. Сколько откровенной удали и ощущения собственного достоинства в облике этого молодого героя Отечественной войны 1812 года! Кипренскому удалось создать прототип воина-победителя, боевого офицера. Все, все в нем, начиная от шапки смоляных черных непокорных волос, огненного взора карих глаз, залихватских усов до жеста руки, подбоченившейся на округлое бедро, все по-мужски красиво и благородно. Великолепно написан этот портрет. Все детали — ярко-алый мундир, обшитый галунами, белоснежные лосины, сверкающая сабля и, наконец, сам пейзаж — таинственный, полный игры света и тени,— все наполняет холст неким скрытым, внутренним движением, говорит о недюжинной силе и храбрости героя. Эта картина была очень популярна и любима зрителем, но тем более странно и несправедливо, что заказные портреты героев 1812 года были отданы на откуп англичанину Джорджу Доу... Но с царями не спорят.

Кипренский на первых порах писал самых разных людей и по возрасту и по положению. Он далек от некоторых льстивых коллег, думающих лишь о славе. Орест был простодушен, нетороплив и, главное, верил в свою музу. Его произведения великолепно отражают чистоту помыслов художника, преданность высокому искусству, правде. В чем можно упрекнуть живописца, это лишь в откровенной приверженности романтическому взгляду на окружающий его мир. Образы его ранних портретов словно озарены каким-то дивным, ярким и в то же время нежным светом, их глаза, устремленные вдаль, словно поражены открывшемуся им чуду. Фонами же служат либо бурное, мятежное небо, словно символизирующее драматичность бытия, либо просто бездонная глубина, еще выпуклее заставляющая звучать сам характер портретируемого, его исключительность, жизненную значительность, «достоинство человека, как человека». Но самое примечательное, что гуманистическое возвеличивание личности никак не лишает портреты Кипренского особой трепетности «томления упованья», о котором писал властитель дум той эпохи Пушкин. Скрытая надежда, ожидание счастья, вера в светлое начало — все эти черты присущи большинству портретов Кипренского первого пятнадцатилетия его творчества. Это состояние «упованья», столь ярко выраженное в полотнах нового художника, и составило его крайнюю популярность в среде просвещенных кругов России. Успеху способствовал еще и сам ход истории нашей Отчизны. Казалось, столь удачно начатый путь, уже с первых шагов озаренный европейской славой, определил дальнейший расцвет искусства Кипренского. Однако суровые реалии назначили иной поворот. Уже отгремели победные салюты 1812 года, отзвучали пиры, отшумели кантаты, воспевающие героев. И все ярче стали проступать суровые будни того времени. Пора упования и надежд растаяла. Прекрасные иллюзии «дней александровых» рухнули. Все слышнее и убедительнее доносились грозы социальных бурь, сотрясавших Европу, все отвратительнее проступали крепостнические черты тогдашней России. Наступал 1825 год.

Как выразить загадочную многоликость первого поэта России в портрете? Ведь сколь глубинно и мастерски ни будет исполнена картина, она всего лишь однозначное изображение краской на полотне, не более. А сам Пушкин, по воспоминаниям современников, был крайне разнолик. То задумчив, то смешлив, то резок и вспыльчив, то дружелюбен и мягок. Самое трудное для Кипренского было то, что он знал меру гения поэта во всем величии, и это делало работу безмерно сложной. Хотя художник уже давно овладел секретами живописного мастерства и создал ряд немеркнущих творений, заслуживших справедливую славу, его как мальчишку волновал вопрос: как решит он этот портрет? Беспокоило не достижение сходства, или, как говорят, «похожести». Нет. Перед Кипренским стояла задача оставить в веках образ гения. Вглядитесь, какими сложнейшими средствами достиг этого художник. Прежде всего он должен был найти еще неведомое ему неоднозначное решение. Он должен был заставить зрителя проникнуть в бездну души своего героя.

Зыбкий свет озаряет задумчивый облик Пушкина. Далеко, далеко, куда-то вдаль устремлен взор светлых глаз. Невесело сомкнуты губы. Темные, негустые кудри свободно окаймляют задумчивое чело, заставляя еще выпуклее и значительнее выявлять лицо, словно заключенное в раму глубокого фона и темного костюма. Туго повязанный синий галстук и белоснежный воротник подчеркивают ровную смуглость словно чеканного образа создателя бессмертных шедевров поэзии. Высоко подняты брови, кажется, Пушкин чего-то ожидает или раздумывает над чем-то, только тонкие нервные пальцы подчеркивают напряжение, царящее на холсте. Мы не знаем, чего ожидает создатель «Онегина», не ведаем, о чем он думает в эти минуты.

Встреча двух великих художников — слова и кисти... Это всегда тайна. Ни один рассказ, никакие догадки, листки из дневников современников не передадут ту колдовскую атмосферу общения душ, которая создается подобным контактом. Мы можем только догадываться об обрывках фраз, коротких беседах, отдельных словах, которые подобно пламени вспыхивали временами в процессе работы. Одно можно предположить: невеселые это были беседы. Потому так затуманен лик Пушкина, потому так остраненно печален его искрящийся взгляд.

Кипренский не только чтил в Пушкине поэта. Он боготворил его как человека, друга. Поэтому можно только вообразить, что испытывал живописец в эти часы.

Кто мог предполагать, что им обоим отмерено судьбой всего лишь еще с десяток лет и что финал жизни каждого из них будет по-своему трагичен? Но состояние некоего томления, предчувствия почти неуловимого оттенка тревоги чувствуется и в колорите холста, и в темной фигуре музы на фоне, и, конечно, в жесте руки с крепко сжатыми пальцами. Нельзя забывать, что этот портрет написан всего лишь через год после гибели декабристов и тени друзей поэта витали совсем близко... Орест Кипренский писал портрет Пушкина долго. Не один и не пять сеансов. Он «торопился не спеша». Давно уже мастер сделал подмалевок. Поэт был похож, но острые глаза великого живописца и даже не столько глаза, сколько сама душа подсказывала, что это не то, что хотел он создать, о чем мечтал не один год. Читатель, русский, Кипренский грезил создать портрет с в о е г о первого поэта, многие стихи которого он знал наизусть.

Образ не удавался: полотно, краски, рисунок — все вместе, несмотря на иллюзию схожести, соединясь, где-то упустили главное, первейшее, кардинальное свойство Пушкина — его невероятную многогранность, а без нее, этой мерцающей, как волшебный кристалл, многогранности, не могла быть решена загадка обаяния поэта. Да, невыразимо тяжелая задача пала на плечи мастера...

Смеркалось, когда Пушкин уехал. Еще ладонь художника ощущала тепло крепкого, энергичного пожатия его руки. Давным-давно прозвучали звуки отъехавшего экипажа, а Кипренский стоял у незаконченного полотна. Быстро вечерело. И чем мягче становился свет, тем все живее и значительнее делался портрет. Вдруг ушли ненужные детали, блики, излишняя яркость красок, эффектные удары кисти. Темнее, глубже становился фон, еще светлее и прозрачнее смотрелись глаза. Художник будто очнулся. Ведь сам свет в студии подсказал ему решение общего тона портрета. Но это еще не все. Как далекие потомки угадают принадлежность Пушкина к поэзии? Ведь может пройти много лет, и пути истории неисповедимы. Чего не хватает в композиции холста? Музы. В этот вечерний час она пришла и стала рядом с поэтом. Навсегда, навечно.

Кипренский оставил нам целую галерею очаровательных женских образов. Но в отличие от своих предшественников его холсты лишены какой-либо напускной репрезентативности и сентиментальности. Каждая из его героинь — остро очерченная индивидуальность, мыслящая личность, обладающая обаянием, могущая возразить и поспорить. Им присуща иногда лукавая улыбка, глаза портретов мастера выписаны особенно выразительно, в них поистине таится сама душа. Мы публикуем на вкладке редко воспроизводимый «Портрет О. А. Рюминой». Это не самое лучшее произведение живописца, создавшего портреты Е. П. Ростопчиной, Д. Н. Хвостовой, Е. С. Авдулиной и многие другие. Но и этот холст прекрасен. С каким артистизмом написана каждая его прядь! Кисть безошибочно обозначает пышную прическу дамы, ее дивные глаза со взглядом бесконечно живым и как бы вопрошающим, ее тонкий нос, коралловые пухлые губы, мягкую линию шеи, прекрасно обрамленную меховой накидкой, кружева красного бархатного платья. Все показывает нам виртуозность кисти, сочную и правдивую палитру. Отличие любого портрета Кипренского — обостренное ощущение достоинства человека, которого он изображает. И дело не в том, насколько красива модель, а, пожалуй, в том, что художник почти не писал людей недалеких, неумных, неприятных. Мастер создавал свои портреты от всего сердца, делался пристрастен к своим моделям, и это его горячее чувство художника, преклоняющегося перед величием Человека, отличает все его произведения. В «Портрете О. А. Рюминой» видно, что Кипренский одолел школу Ван Дейка (он не зря много копировал его в молодости), и теперь, в этой картине, мы зрим живопись совершенно равную ему по благородству колорита, изумительному рисунку и той тонкости валеров, которыми пронизан весь холст.

Глядя на произведения Кипренского, вспоминаешь строки В. А. Жуковского: «И для меня в то время было жизнь и поэзия одно». Действительно, Орест Кипренский старался «как жить, так и писать». Александр Бенуа, обычно крайне тонко чувствующий искусство, мне думается, был

неточен, сказав: «Кипренский был натурой сентиментальной, склонной к романтическим порывам... скорее влюбленный во внешнюю прелесть, нежели вникающий в глубь явлений». Эти слова написаны в 1901 году. Мы славим ныне Ореста Кипренского, нисколько не сентиментального, а поистине объемно, поэтически мыслящего мастера, проникавшего в своих лучших полотнах в самую глубь человеческой психологии и давшего мировому искусству шедевры непреходящей ценности; в этом смысле ранние холсты Кипренского — эти небольшие по размеру портреты — вырастают до грандиозной по охвату и пониманию галереи современников: от пытливого и сокровенного «Мальчика Челищева», одного из лучших детских портретов мирового искусства, до вдохновенного и объятого всеми заботами своего времени гениального Пушкина...

Порою талантливые писатели в своих рассказах о Кипренском тщательно разрабатывают именно слабости художника, бесконечно измотанного и в какой-то степени потерявшего изначальную силу своего дара. Но вдумаемся в факты его жизни и творчества. Ведь, по существу, лучшие портреты написаны им в начале прошлого века или, во всяком случае, до его второго отъезда в Италию, куда уже прибыла скорее тень создателя Челищева, портрета Е. Давыдова, Ростопчиной. Что же тут мудреного? Человеческие запасы энергии, к сожалению, имеют свои ограниченные пределы и тот поистине поражающий молодой вулканический взрыв творчества, когда в какие-то полтора десятилетия Кипренский создает холсты, обеспечившие ему бессмертное имя, вполне оправдывает тот спад, который постиг его в конце жизни. Тому, кстати, были весьма веские исторические и иные обстоятельства...

Хотя бы такой факт: «В течение 25-летнего царствования Благословенного Александра я не имел ни самомалейшего пособия от Государя». Эти горькие строки пишет Кипренский в письме министру двора князю Волконскому.

Пособия... И это слово начертано первой кистью России, «надеждой» и «гордостью», как величали художника передовые люди того времени. Ясно, что за словом «пособие» не стоит просьба о денежном вспомоществовании. Дело идет о государственных заказах, справедливых отличиях. Самое главное, что эти «двадцать пять лет» падают на 1801—1825 годы, то есть пору высшего расцвета таланта живописца, не подличавшего и не искавшего «благословенного» покровительства.

Или другое: Николай I был весьма категоричен в своих суждениях и в 1828 году «повелеть изволил: живописца англичанина Дове назвать первым портретным живописцем его императорского величества». При живом-то Кипренском, получившем к тому времени европейское признание! Эти факты приведены для того, чтобы яснее можно было понять тот упадок дарования, который наблюдался у мастера после 1828 года. И дело тут совсем не в его приверженности к Бахусу. Причины и следствия, сломавшие ясное, пристрастное, полное жизнелюбия мировидение Кипренского, лежали во многих больших и малых препонах, которые, как ни странно, возникали на пути его творчества. Вот еще один документ, рисующий нам теневые стороны жизни российского государства той эпохи.

Давно уже стало нарицательным имя Булгарина и его «трудолюбивой» «Северной пчелы». Кипренский не избежал касания с этим литератором, совмещавшим вместе с занятием беллетристикой сотрудничество с третьим отделением. Вот что он писал о портретах мастера: «Нельзя не восхищаться трудами О. А. Кипренского, нельзя не порадоваться, что мы имеем художника такой силы, нельзя не погрустить, что он занимается одними портретами». И далее: «О. А. Кипренский, доставив наслаждение любителям художеств, заставя их желать, чтобы он произвел что-нибудь историческое, достойное своей кисти».

«Что-нибудь историческое»... Нетрудно представить, какой сюжет предложит автор романа «Иван Выжигин» Фаддей Булгарин портретисту Кипренскому. Но, думается, суть всей нелепицы не в этом. Дело в том, что, пожалуй, ничего более исторического и движущего историей, чем человек, нет. Поэтому именно портрет — истинный, глубокий, реалистический, пусть окрашенный романтическим гением автора,— и есть вершина искусства, ничуть не меньшая, чем иная академическая или ложноклассическая махина, облеченная в многопудовую золотую раму.

Трудно понять, чего больше у Булгарина: ханжества, лицемерия, фарисейства или подлости? Зачем требовать от соловья, чтобы он пел басом? Ведь подобные рецензии действовали угнетающе на художника, знавшего отлично цену редактору «Северной пчелы». Но вот в ряду с публикацией Булгарина, датированной 1827 годом, возникает другая статья, подписанная Сенковским. В ней, но уже на страницах «Библиотеки для чтения», автор критикует еще два портрета Кипренского. «Говорить ли здесь,— пишет Сенковский,— о двух портретах Кипренского? Это скорее... две картины частного рода. Вы спросите, какого же частного рода? Мы скажем **гнилого**». Самое зловещее то, что в момент публикации этих строк художник был уже мертв. И кляуза была как бы эпитафией журналиста на свежую могилу русского гениального живописца. Что касается Сенковского, чему здесь удивляться, ибо в свое время автор нашел, что замечательные творения молодого Гоголя «пахли дегтем». Но смысл развития истории культуры и искусства в том, что булгарины и сенковские «занимают свою полочку», а Пушкин и Гоголь, Кипренский и Александр Иванов становились гордостью России, невзирая на хулу своих недругов.

Так, только чуть-чуть приоткрыв биографию Кипренского, начинаешь понимать, под каким постоянным пристальным вниманием находился этот художник. И чем более неординарным и неподходящим под банальные мерки становился его дар, чем самостоятельнее и оригинальнее чувствовал он, видел и писал, тем прохладнее и равнодушнее делались официальные круги. Невольно приходит на память вся неприглядная история отношений Брюллова с Академией и двором. Да разве одного лишь Брюллова, когда буквально рядом мы видим мученическую фигуру Александра Иванова...

Покинув Петербург, серое небо, булгариных, казенную скуку, он оставил у берегов холодной Невы неверных почитателей, малую горстку друзей и не оставил ни одного любящего женского сердца. Он бежал в Италию, где надеялся найти тепло, синий небосвод, рассеять тоску и, прогнав хандру, взяться за работу. Таковы были мечты Кипренского. Но жизнь смела все эти непрочные расчеты. На первых порах (пока были какие-то деньги) вечный Рим, видавший много странников, улыбнулся художнику. Но что ни день, все яснее обозначалась коварная истина, он был полузабыт, все успехи молодости далеки, нужно было вновь блеснуть силой своей кисти, мощью таланта. А вот силы-то уже и не было.

Пожалуй, самое страшное в судьбе любого большого художника — пережить сознание разочарования собственным даром, когда, несмотря на еще далеко не преклонные годы, палитра становится тусклой, кисть теряет свою единственную остроту, и, что поистине жутко, видеть самому, предельно четко и обнаженно, свои вялые картины — переспелые либо недозрелые плоды горьких жизненных замет, разбитых либо неосуществленных желаний. Это чувство перерастает в болезнь, если живописец знал ранее, что такое триумф, то время, когда каждый почитал за счастье побывать у него в студии. Когда на вернисажах у холстов мастера царила праздничная суета и толчея, а многочисленные друзья и недруги, забыв будто о суете мирской, спешили заключить художника в объятия, поздравить его с победой. Все это испытывал ныне Кипренский. Да, в 1828 году, прибыв в Рим и понадеявшись на свой талант, он с ужасом обнаружил однажды, что его гладкие, зализанные, тщательно отлакированные работы, несмотря на уйму труда и тщания, лишь бледные тени былых его картин, в которых била ключом сама жизнь. Тогда, на родине, в годы успеха, добытого годами учения и беспрерывного труда, разве мог он представить, что наступит миг, когда вся эта толпа, некогда носившая его на руках, вдруг отвернется и справедливо отшатнется от его полотен?

Именно в Италии Кипренский понял, что произошло непоправимое. Здесь, на чужбине, несмотря на ласковое солнце и добрых старых знакомых, как никогда остро он ощутил: былого не вернешь. Никакая виртуозность, никакие кунштюки, замысловатые жанры не заменят самого простого и самого сложного — святого чувства прелести бытия, ощущения свежести, трепетности, неповторимости данного тебе природой мига, когда, осененный вдохновением, ты способен как бы остановить, запечатлеть на холсте это великое единственное диво — жизнь!

Ах, сколько раз он вспоминал портрет мальчика Челищева, десятые годы, годы, когда любые препоны казались преодолимы, когда труд был счастьем и самим бытием. И сегодня будто глядит на тебя этот русский родной мальчишка. Смотрит чуть раскосыми, как спелая вишня, широко открытыми, наивными, поблескивающими очами. Пухлогубый, курносый, с вздернутыми удивленно тонкими бровями, с еле заметным румянцем, он напоминал Кипренскому его детство, Россию, радость и счастье. Как уверен был этот малыш в своей значительности, и эта гордыня маленького человека была понятна ему самому — молодому, полному сил. Сколько прошло лет с тех пор, но ни разу он не испытывал такого чувства подъема и необъятности и загадочности образа личности. Да, личность — это не гербы и родословная, не капиталы или поместье, это Человек!

Кипренский взглянул в окно. Великий город жил своей жизнью. Солнце поблескивало на куполе собора святого Петра. Бесчисленная громада домов застыла в голубом сиянии утра. Наступал новый день — полный забот, мелких унижений, компромиссов и чувства безысходности. В просторной мастерской на мольберте художника ждал загрунтованный неначатый холст. Не писалось...

В остерии было шумно. В открытые двери тянулся дым. Окна, закрытые дешевыми занавесками, мерцали сумеречно. Смех, обрывки песен сливались в нестройный гул. Кипренский сидел в глубине харчевни. Его любимое место было у стены, откуда он мог видеть всех, оставаясь незамеченным. На деревянном столе перед ним стоял стакан с красным вином, рядом с большой флягой валялся белый платок.

Из полумрака глядело немолодое уже, несколько оплывшее лицо некогда знаменитого мастера. Поредевшие кудри прилипли ко лбу, иссеченному мелкой рябью морщин. Иронически вскинутые брови, глаза потухшие, прикрытые тяжелыми веками. Но пугала не усталость, сквозившая во взоре, а некая отрешенность живописца от всей этой шумной жизненной кипени. Он смотрел словно не на вас, а сквозь, и от этого взгляда становилось не по себе. Иногда его губы складывались в сардоническую усмешку, тогда физиономия Кипренского становилась неприятной и, как ни странно, холодной и печальной. Пухлый подбородок нависал над неряшливо повязанным галстуком. Все в облике этого человека говорило: он когда-то был красив. Однако глубокая меланхолия, сквозившая в каждой черте его лица, словно повторяла: был, был, был. Внезапно ветер захлопнул дверь и через миг снова отворил ее. Луч солнца, сверкнув по стеклу, побежал по грязному полу, осветил группу стариков, игравших в карты, скользнул по грифу гитары в руках молодого итальянца, вдруг блеснул в стакане вина и, прыгнув на белоснежный платок, мгновенно исчез... Кипренский вздрогнул. Этот световой эффект, длившийся секунду, показался ему вечностью. Он как никогда ярко увидел лучезарные, убежавшие от него колера, с какой-то щемящей грустью еще раз почувствовал, что ему никогда так уже не написать свет и тени, никогда так сильно не взять цвет. Жизнь забросила его, и он потерял нить, связывающую душу с Отчизной. Как далеко, безумно далеко Россия, Петербург, мыза, где он рос.

...Пепельный, седой мрак царил над старым Римом. Странные фиолетовые тучи мчались над городом, а вслед за ними по гулким плитам площадей, осколкам древних храмов, руинам форумов скользили ночные глухие тени. Кипренский шел домой. Его уже устала ждать Мариучча, жена,— свидетель его усилий, печальный свидетель всех его неудач. Силы были на исходе, а желания бороться с непримиримым роком становилось все меньше и меньше. Что только не испытал Кипренский за последнее время! И унизительные письма-просьбы в Петербург к высокомерным вельможным покровителям и долгие, топчущие достоинство беседы с неумолимыми кредиторами. «Кто сказал, что чувства обманывают?» — вспомнил художник свою давнюю запись в альбоме. Сегодня чувство ему говорило отчетливо и твердо: «Ты ошибся». Ветер, холодный ветер разогнал клочки туч, и старые как мир звезды взглянули на одинокую фигуру сгорбленного человека, бредущего в неродной, нелюбимый дом...

Теперь пожилой художник был готов на все. Он через силу кропал бирюзовые неаполитанские бухты с грозным, дымящимся Везувием. Эти базарные пейзажи раскупали приезжие богатые иностранцы. Он писал копии с шедевров итальянской классики и посылал их в Петербург в надежде поправить свои дела. Однако все было тщетно и не приносило ни больших денег, ни, естественно, славы. Покупатель оказывался скуп и холоден.

В сентябре 1836 года Кипренский простудился, слег. Горячка сделала свое дело, и вскоре художника не стало. Похороны были очень скромными. Вот что записал один из немногочисленных друзей покойного: «Жаль видеть стоящий на полу простой гроб с теплящейся лампадкой... Прискорбно смотреть на сиротство славного художника на чужбине». Петербург почти никак не отреагировал на это печальное событие. Пресса смолчала. Великий же Александр Иванов, много познавший на своем тернистом пути и обладавший опытом общения с Академией и вельможами Петербурга, гневно сказал: «Стыд и срам, что забросили этого художника. Он первый вынес имя русское в известность в Европе...»

ДОРОГИ ОТ ЯРОВ-КЛИНА

Александр КАРЕЛИН

«Родимый край! Здесь мои прадеды, деды и родители появлялись на свет, отвоевывали у глухомани землю метр за метром, выращивали хлеб и лен, справляли свадьбы, пели плавные песни, такие же мелодичные, как здешние реки».

Так, по-видимому, думалось Ивану Васильеву, как позднее и писалось, когда он по прошествии многих лет вновь по лесным проселкам, по росистой траве добирался до родной, полузаброшенной, в три избы деревушки Верховинино, чтобы поклониться на погосте родным могилам, полюбоваться леском, названным Яровклином, куда в детстве гоняли в ночное коней. Не тогда ли подспудно, в глубине сознания, возникали неясные еще очертания той книги, которую он потом назовет «Земля русская»? И почему-то мысли все время возвращались к Яров-клину, где высились в детстве могутные, раскидистые ели с такими отвесно уходящими в глубь земли стержневыми корнями, что одолеть, свалить дерево не было возможности... Не такими ли корнями крепились на этой земле его недюжинные земляки, красивые, сильные люди, о которых так хотелось ему рассказать?

«Наверно, всего понемногу есть в моем чувстве к деревне...— и опять я возвращаюсь к мысли, что всему причиной человек». К нему и обращаются авторские восторги, аналитические мысли, раздумья о жизни.

Запискам «Земля русская» (журнал «Наш современник» №№ 1 и 12, 1981) дан подзаголовок «В памяти живут люди». Люди среднерусской деревни чередой проходят на их страницах, и в этой многолюдности героев читателям открываются глубины народной жизни.

Вместе с тем «Земля русская»— не только лирическая исповедь много поработавшего и много сделавшего в жизни человека, но и книга широких раздумий о нашем времени, о судьбах современного крестьянства, о путях социалистического переустройства деревни. Писатель остро ощущает масштабы и глубокий смысл свершающихся коренных перемен, чутко всматривается в процессы великого созидания нового и решительной ломки старого уклада сельской жизни. Он пристрастно, увлеченно изучает уже четвертое поколение коллективистов, которое трудится на этой земле, вникает в то, как идет перепаладка всего сельскохозяйственного производства, как становится деревня все более образованной... Радуясь этим переменам, Иван Васильев не хочет оставаться лишь их созерцателем, он азартно, заинтересованно участвует в созидательных процессах, ратует за новизну, изобличает косность и рутину, страдает из-за просчетов и неудач, поддерживает истинных новаторов.

Все это ярко проявляется в записках «Земля русская», в которых причудливо и вместе с тем органично слились самые разные жанры — и художественная мемуаристика, и очерковые портреты, и лирические новеллы, и краеведческие экскурсы, и публицистические размышления по широкому кругу сельских проблем. «Это какая-то новая литературная форма, которой пока не найдено названия»,— сказал как-то о своих произведениях Валентин Овечкин. Эти слова можно отнести и к творчеству Ивана Васильева, продолжающего традиции Овечкина, но вместе с тем отнюдь не утративая своей оригинальности и творческой самобытности.

Не столько на широких шоссе, сколько на лесных, поросших травой проселках, по которым так приятно ходить босиком в летнюю пору, в дальних деревнях познавал писатель жизнь в глубинах России. До войны работал сельским учителем, в войну был пулеметчиком, командовал взводом и ротой, после войны работал директором сельского детского дома, сотрудничал в районной и областной печати. Уже много лет он безвыездно живет в деревне, деятельно участвует в сельских общественных делах и неутомимо продолжает свою повседневную, активную работу публициста. Иван Васильев создал свыше десяти книг, в их числе «Я люблю эту землю» (издательство «Советская Россия») и «Беру на себя» (издательство «Современник») удостоены Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького.

В «Земле русской» лучшие страницы посвящены «матерям нашим, крестьянкам». С редкой искренностью и благородством повествуется в них о нравственной высоте, духовной красоте женщин русских селений. Писатель видит образ матери-крестьянки одухотворенным, светлым и оттого бесконечно волнующим сердце.

«Профессия газетчика водила меня не столько большаками, сколько проселками да и тропинами, и там, в глухих деревеньках и маленьких городках, я встретил поистине Великую Русскую Женщину, в характере которой собралось и отстоялось все, чем одаривала человека земля на протяжении многих и многих веков. После таких встреч иной раз думалось: вымри все вокруг, но останься она, женщина-мать, и мы возродимся в том же качестве с тем же характером своих предков-русичей. Да ведь так оно и бывало... Как небесную голубизну глаз, как соломенный цвет волос, возрождали в нас матери добрую душу и широкую натуру».

С застенчивой скромностью и безмерной любовью Иван Васильев обращается прежде всего к памяти своей матери Аксиньи Васильевны не потому, что хочет выделить свою мать из всех других, а потому, что видит в ней общие черты деревенских женщин. Остановим взгляд на этом образе. Это интересно еще и потому, что помогает лучше понять истоки творчества самого писателя, его глубинные крестьянские корни.

На первый взгляд все обычно. Мать говорила образно, немного напевно, работала споро, любила рассказывать всякого рода бывальщины, приучала сына с малолетства быть «книгочеем», на вечерних посиделках понуждала его читать вслух разные книжки, учила видеть, думать, понимать. За всем этим видится главное: мать в доме была хранительницей красоты. И посмотрите, какие эстетические богатства открывала она сыну: «Во всем она умела видеть красоту: и в обильных дождях, и в цветении сада, и в отбеливании холстов, и в молотьбе цепами ржаных снопов, и в трепке мягкого, струистого льна. Она находила такие слова, такие присказки, такие поверья, после которых мне непременно самому хотелось пойти с отцом топить дымную ригу, взять отрывающий руки кленовый цеп и молотить в лад со всеми снопы, сесть на грохочущую мялку и до одури в голове гонять по кругу лошадей. И удивительно, не чугунная тяжесть рук и ног, не тошнотворное кружение в голове запоминалось после работы, а поющая в сердце радость, словно его, ребячьего сердца, коснулось что-то нежное и красивое».

В этих картинах заключено столько поэзии крестьянского труда и быта, что трудно отличить, где говорит публицист и где тонкий стилист-лирик.

Образы русской женщины чередой проходят по всему пространству этого повествования — среди них героиня луцкого подполья, девушка из-под Ржева Паша Савельева, партизанская мать Анна Дмитриевна Фролова, учительница Анна Ивановна Уткина и другие. Среди этих душевно щедрых женщин есть у Васильева особенно удавшийся ему образ учительницы Нины Шелковой, исполненный удивительного лирического обаяния.

«Сказать, что Нина была добра,— почти ничего не сказать. Она не просто понимала людей, относилась к ним с участием, а умела вобрать в себя чужую жизнь, сделать как бы своей, ею пережитой, и тогда совершенно забывала о себе. Нина была человеком, готовым к самопожертвованию. В наше время почему-то перестали употреблять это слово, слишком значительное, что ли. Я не сторонник употребления высоких слов.., если откажемся от них, то перестанем замечать высокие чувства».

Писатель познакомился с Ниной Шелковой и ее мужем в глухой маленькой деревеньке с названием Лесовые Горки — «песенное имя, красивое место, тощая земля». В доме Шелковых никогда не запирались двери, и писатель считает это совсем не пустяком. Имеется в виду не столько замок на двери, сколько приветливость гостеприимства. «Заприте душу — и не надо никаких замков к дверям, все равно никто не войдет. Положа руку на сердце, скажите, у многих ли ваших знакомых, случись в том нужда, найдете вы кров и приют... В силу особенности своей профессии я бывал в тысячах семей и могу сказать безошибочно, под которой крышей живет доброта, а под которой ею и не пахнет».

Радушие, конечно, встречается чаще — писатель уверяет, что не надо отчаиваться: никогда не будет на Руси такого, чтобы страждущий повсюду натыкался на запертые двери и глухие души. Русская изба во все времена держала двери открытыми, принимала и обогревала всякого путника, кого гнала беда и нужда или мытарила длинная дорога, для всех в избе находился кров и очаг...

Так от самого, казалось бы, мелкого факта — незакрытых деревенских дверей — мысль писателя, развиваясь, поднимается до широкого обобщения — в этом и заключена привлекательная черта творчества писателя-публициста.

Иван Васильев, вернувшись с войны, принял на себя заботы о детях-сиротах, стал директором детского дома. И встал перед ним вопрос: как оберечь детей. Он был за них в ответе перед погибшими фронтовиками, ему чудился их безмолвный вопрос: «Как там у тебя наши мальчишки?» Писатель повествует о своих высоких заботах тех дней несколько стесненно, застенчиво, излишне лаконично, но и в сказанном открывается читателям плодотворная система воспитания детей в обстановке труда и доброты. И до сих пор навещают умного и сердечного педагога выросшие его воспитанники.

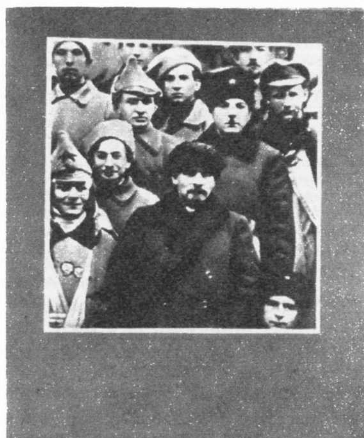
Не скрывает Васильев душевной боли — в современной нечерноземной деревне, в особенности маленькой, все меньше слышится ребячьих голосов. Особенное беспокойство писатель испытывает за тех сельских юношей и девушек, которые оторвались от родной земли и не пристали к другому — городскому — берегу. Иван Васильев выносит на обсуждение такую мысль, хотя и не считает ее бесспорной: «Долгие наблюдения привели меня к выводу: человек скорее всего срывается с нравственных якорей, когда уходит с родной земли... Он как бы отключается от источника, питающего его. Я знаю многих сверстников своих и людей помоложе, отвернувшихся от земли, встречаюсь с ними и вижу, как, обогащаясь вещественно, нищают они душевно. Утрачивается открытость души, ее мягкость, некоторая, если угодно, романтичность, доверчивость и милосердность, душа становится суше, расчетливей, эгоистичней».

Читателям эта мысль даст хороший повод для споров, и писатель, вероятно, улыбнется в ответ, если ему станут возражать, что от приобретательства и душевной нищеты отнюдь не застрахованы и люди, прочно осевшие на земле, что и там, бывает, они срываются с нравственных якорей. Все это так, и все же, и все же... Просто деревня, очевидно, дольше хранит свои традиции.

Тем и привлекательны записки Ивана Васильева, что он дает обширный материал для глубоких раздумий, не изрекает непререкаемых истин, не поучает, не навязывает своего мнения, нередко признает свою мысль движущейся, развивающейся, с допусками и коррективами и приглашает с доверием читателей в собеседники, нередко предоставляя им слово на своих страницах.

Писателю свойственно острое ощущение новизны и неповторимости нашего времени. Свое призвание Иван Васильев видит в том, чтобы способствовать освобожде-

В. И. ЛЕНИН — МОЛОДЕЖИ



В. И. Ленин с делегатами X съезда РКП(б) — участниками подавления кронштадтского мятежа. Москва, 22 марта 1921 года. Фотография помещена в книге «Ленин — молодежи».

Изучающе-внимательный, пристальный взгляд В. И. Ленина, увековеченный известной фотографией. Ею открывается интересное и необычное издание — сборник «Нашей смене...», куда вошли произведения В. И. Ленина, обращенные к молодежи. Явствен художественно-образный замысел такого решения — основатель партии и государства всматривается в будущее, в те поколения, кому доверена славная революционная эстафета...

В последние годы в пропаганде ленинских заветов подрастающим поколениям стал заметен постоянный поиск новых и более разнообразных научных, публицистических и даже издательско-оформительских и графических возможностей.

Двадцать пять работ В. И. Ленина — основа издания. Нетрудно, однако, припомнить, что обращенная к молодежи сокровищница его мысли и опыта несоизмеримо представительнее. Но задача книги, как оказывается, вовсе не в попытках исчерпывающей полноты.

Она в том, чтобы пусть и избирательно, зато более обстоятельно, чем это удавалось в любых до этого составленных для юношества сборниках произведений В. И. Ленина, представить историю создания тех или иных его работ, то, когда и с какой целью были написаны они, и их теоретическую и практическую актуальную значимость.

Потому-то мы и находим здесь не только сами 25 ленинских текстов, но и одновременно их факсимильное воспроизведение, а кроме того, фотоснимки, запечатлевшие вождя партии и революции в окружении молодых лиц, и сопроводительный очерк, достаточно полно и при этом публицистически живо рассказывающий на основе современных научных знаний обо всем, что вошло в сборник.

Такой своеобразный, стереофонический прием создает возможность личного приобщения молодого читателя к лаборатории гениального ленинского творчества, проявлявшегося даже в особенностях почерка и характере письма, различных поправках, дополнениях, сокращениях, подчеркиваниях, маргиналиях...

Как хорошо известно, В. И. Ленин все годы своей деятельности уделял огромнейшее внимание молодежи и ее положению в обществе, ее жизни и борьбе. Он основополагающе разработал генеральные задачи, которые должен решать на практике коммунистический союз молодежи.

Книга «Нашей смене...» позволяет лучше оценить непреходящую ценность его обращений к молодежи и к комсомолу и лучше понять, в каких условиях рождались эти обращения.

Первая по дате своего создания (1903 г.) публикация, включенная в книгу, — «План писем о задачах революционной молодежи». Это незавершенный, к великому сожалению, замысел пяти статей-писем в газету «Студент». В числе ничуть не потерявших своего значения тезисов-рекомендаций студенчеству — «...Распространение **способных вести вперед** идей, идей передового класса. Революционный марксизм...».

Письмо 4 декабря 1922 года «Третьему мировому конгрессу Коммунистического Интернационала Молодежи в Москве» завершает книгу.

Девятнадцать лет разделяют эти документы. Время первого — борьба за объединение вокруг партии всех передовых сил, в том числе и молодежи. Время создания второго совпадает с периодом, когда руководитель уже победившей революции обращается к молодым коммунистам мира с советом — «...деловым образом двинуть вперед подготовку молодежи и ученье». (Комментарий знакомит с ответным письмом конгресса — «Борясь, мы будем учиться, и, учась, мы будем бороться!».)

За каждой строкой В. И. Ленина, вошедшей в сборник, — громадный мир. Страстное желание приобщать молодые силы к революции в союзе с авангардом рабочего класса, с большевиками, и после победы — под руководством коммунистов к социалистическому переустройству страны и общества. Неубывающая даже в труднейших условиях войны и интервенции забота об образовании, культуре, отдыхе, быте детей и юношества, их общественной активности.

Познаешь это, вчитываясь, например, в слова письма 1905 года А. Богданову и С. Гусеву: «В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, **не боясь ее»,** — и в проект постановления СНК о необходимости первоочередного приема в институты представителей пролетариата и беднейшего крестьянства со стипендиальным обеспечением, и в остроплемическую переписку с И. Арманд в связи с ее намерением затронуть в брошюре тему «свободной любви», и в требовательную резолюцию о помощи детским домам, и в распоряжение о включении в кинохронику тем, рассказывающих об охране материнства и детей, и в послание V съезду РКСМ...

По-настоящему большую и творчески яркую работу осуществил коллектив, объединенный издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», — научный консультант Д. И. Антонюк, составители В. В. Володин и В. Ф. Юркин, автор вступительной статьи и историко-публицистического очерка-комментариев В. И. Десятерик, художник-оформитель и разработчик сложного (стоит подчеркнуть во многом новаторского), динамичного макета А. А. Рюмин. Добавим и то, что книга выполнена с хорошим полиграфическим вкусом — внеформатная вкладка, факсимиле, многокрасочная печать, целлофанированный переплет и т. д.

Издание 25 «молодежных», по генеральным идеям, заключенным в них, автографов В. И. Ленина в год XIX съезда ВЛКСМ — еще одно отличное свидетельство плодотворных усилий по пропаганде великого и нестареющего наследия.

Валентин ОСИПОВ

Нашей смене: Ленин — молодежи. Документы и фотографии. — М., «Молодая гвардия», 1982. 151 с.

нию людей от предрассудков, отживших схем, архаичных установлений, моральных аномалий.

Вместе с тем писатель настаивает на том, чтобы в новом укладе сельской жизни сохранились лучшие хлеборобские традиции. «Я ратую за сознательный и направленный отбор наиболее здоровых и сильных зерен для нового посева, как это делал всякий разумный крестьянин... Не все старое старо. Бережливость, совестливость и порядочность, душевная щедрость, сострадание и бескорыстие — такие зерна, которые отобраны и выращены народом и которые каждое новое поколение обязано воспроизводить в наичистейшем виде».

К сбережению на новой основе старых крестьянских обычаев и нравов писатель возвращается постоянно, из очерка в очерк, из статьи в статью. И. Васильев восторженно пишет о народных критериях разумного потребления, которые основываются на высоконравственном принципе — «для себя не в ущерб другим». Крестьянские матери из поколения в поколение учили не ломать, не топтать, не портить природу и все сделанное человеком, настойчиво наставляли: не жадничай, бери сколько съешь, другие после тебя придут, оставь им. Всегда в деревне считалось, напоминает писатель, непорядочным обобрать лес, вычерпать рыбу, съесть, захватить, скупить так, чтобы не досталось другим, всякая непомерность осуждалась. Народный принцип разумного потребления никак не вяжется с «культом вещи», с жадным, уродливым стремлением иметь непременно больше других.

Недавно газетный корреспондент спросил Ивана Васильева, какая из проблем Нечерноземья кажется автору самой сложной и большой. Писатель ответил резко, с некоторой даже запальчивостью:

— Равнодушие! Безразличие многих земледельцев к земле, к урожаю, к конечному результату труда. Скажу прямо: мы, публицисты-нечерноземники, недовольны работой ведомств, формирующих материальные интересы сельских тружеников. Плохо и медленно они решают эту проблему. Вместо того чтобы карман всех, причастных к сельскому хозяйству, напрямую связать с урожаем, колхозника от урожая отвязали. Платят ему за операцию. Этот просчет осужден партией, подвергнут критике.

Иван Васильев не устает в своих очерках настаивать, что земледельцу, как, впрочем, и всякому работнику, нужны максимальное уважение и максимальная требовательность, полная свобода действий и жесткая ответственность за их конечный результат. Только это, полагает писатель, даст стране максимум продовольствия, а человеку — ощущение полнокровной жизни, подлинного хозяина на земле.

На страницах книги Ивана Васильева «Земля русская» причудливо сливаются в общую эпическую картину среднерусской деревни исповедальные размышления о прошлом, раздумья о настоящем и с широкой перспективой расчеты на будущее. Оттого так высоки и просторны своды произведения, рубленные по-крестьянски добротно, во много венцов на несколько поколений.

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

Начало см. на 2-й стр. обложки.

И. МОРАРЬ

Семья наша была небогатой и многодетной — восемь детей. Чтобы хоть как-то прокормить нас, отец работал с утра до ночи. Он надорвался, умер в сорок седьмом году, когда новая социалистическая действительность только утверждалась в молдавском селе. Несомненно, сказались прежние беспросветные годы. Мать осталась одна с нами.

Став старше, я понял, что самой своей жизнью семья наша во многом обязана Родине, государству. Если бы с первых же после освобождения дней мать не начала получать материальную помощь, мы бы попросту умерли с голоду. Но тогда, естественно, эта мысль не могла нам и в голову прийти. Да, было трудно, да, после жатвы приходилось выходить на поле и дочиста подбирать колоски, да, приходилось не только учиться, но и работать, но новая жизнь так сплотила людей, дала им такую веру в счастливое будущее, что они по-братски делились друг с другом последним, трудились и жили в каком-то едином порыве, и это, несомненно, помогло выстоять, залечить нанесенные войной раны. Были разграблены и разрушены промышленные предприятия, превращены в руины Кишинев, Бельцы, Бендеры, Тирасполь, многие другие города и села. А еще борьба за ликвидацию военной разрухи совпала с жесточайшей засухой... Своими силами, конечно, обойтись было трудно, и нам на помощь пришли все народы Страны Советов. Они помогали чем могли, спасая молдавский народ от голода. Но все это я понял позже. В те первые послевоенные годы каждый новый день казался мне, ребенку, чудом. Вот к нам в село привезли первый фильм — до этого, что такое кино, мы не знали! — кажется, «Два бойца», показывают вечером под открытым небом на белой стене амбара... Вот приехали в село учителя — большинство жителей не знают грамоты,— и в нашей избе каждый вечер собираются люди, учатся читать и писать... Вот едет по полю первый трактор, и мы, мальчишки, совсем как наши русские сверстники, но только они на двадцать лет раньше нас, бежим за ним следом, удивляясь и восхищаясь... И все это я прекрасно помню! Вот сколько исторических событий произошло за жизнь одного только поколения молдаван!

Несмотря на то, что родился и вырос я в селе, я очень любил мастерить — делал модели самолетов, машин, младшим — игрушки. На выпускном вечере — я окончил семилетку — учитель истории Иван Андреевич посоветовал: «Слушай! А поезжай-ка ты в город! Мне кажется, из тебя получится хороший рабочий». Сказано — сделано. И вот я в Кишиневе у дверей ремесленного училища номер один. Училище тогда давало специальность слесаря по ремонту автомобилей и тракторов. Каждому, кто покидал родное село и оказывался в городе, знакомо это двойственное чувство. С одной стороны, ощущение безграничности своих сил: перед тобой открываются такие широчайшие перспективы! А с другой — какая-то робость, неуверенность: я вспоминал родное село, оранжевые и красные по осени склоны — все в виноградниках, какой терпкий, пьянящий запах плывет над ними! Вспоминал тихие вечера, когда малиново-красное солнце садится, напоследок пронизывая рощи теплым, нежным светом, и... жалел, что ушел из села... Но мне было четырнадцать лет, пора было начинать самостоятельную жизнь.

В училище, однако, принимали только с пятнадцати лет. Что делать? Я отправился... к министру трудовых резервов республики. Министр — Вера Ивановна Поян — приняла меня, выслушала и дала разрешение на поступление в училище. Хочу сказать, такая вот решительность, стремление быстрее стать на ноги, получить профессию — все это было весьма свойственно в те годы молдавской молодежи, как бы проснувшейся для новой жизни. Раньше нам была уготована одна участь — с утра до ночи гнуть спину на чужом поле, теперь же открылись все пути.

Днем мы учились, а по вечерам все, как один, выходили на стройки. Такое участие трудящихся, молодежи в решении неотложных задач, стоящих перед республикой, стало своеобразной школой воспитания, политической закалки, сплоченности людей. Это рождало особенное, приподнятое настроение.

В 1956 году я окончил училище, получил разряд и поступил работать на Кишиневский тракторный завод (тогда он назывался ремонтным), где и работаю по сей день. Шел мне в ту пору семнадцатый год. В училище преподавание велось на русском языке, и к этому времени я уже неплохо знал русский, ставший впоследствии для меня вторым родным языком.

Наставниками (тогда, правда, это слово не употреблялось), людьми,

Старое село Ниспорены переживает вторую молодость.

Фото Б. Кузьмина

с которых хотелось брать пример, для меня стали Федор Чебан — через несколько лет, когда я служил в армии, именно он собирал первый молдавский трактор, газосварщик Федор Кожухаренко. Когда я думаю о заводе, то обязательно вспоминаю и этих людей — рабочих не только по профессии, но и по духу.

История Кишиневского тракторного завода насчитывает немногим более трех десятилетий, но, несмотря на это, она чрезвычайно богата событиями, наполнена героикой труда, пафосом строительства новой жизни. Столь мощное и стремительное развитие завода — от ремонта двигателей к созданию удостоенных Знака качества современных тракторов — во многом характеризует положение дел в молдавской промышленности, наглядно подтверждает темпы ее роста. В недалеком прошлом в Молдавию завозили даже самые простые изделия. Сейчас в республике выпускаются тракторы и комбайны, литейные машины, мощные электромоторы, разнообразные насосы, счетные машины, бытовая техника... Все и не перечислишь. Быстрыми темпами развиваются машиностроение и металлообработка. За последние двадцать лет в Молдавии в этих отраслях построено около сорока крупных предприятий. Среди них такие уже известные на всю страну предприятия, как кишиневские «Виброприбор» и «Микропровод», тираспольские заводы литейных машин, «Электромаш», «Молдавизолит», в Бельцах завод сельхозмашиностроения имени Ленина, бендерский завод «Молдавкабель» и многие другие. Машиностроительные предприятия Молдавии выпускают продукцию высокой точности и надежности, которая пользуется широкой популярностью как в нашей стране, так и в почти семидесяти странах мира. В послевоенные годы в Молдавии практически заново была создана легкая промышленность. Ее продукция рассчитана не только на местное, но и общесоюзное потребление. Взять хотя бы Бендерский шелковый, Тираспольский хлопчатобумажный комбинаты, Тираспольскую швейную фабрику имени 40-летия ВЛКСМ... Столь бурный рост, конечно же, был бы невозможен без братской помощи народов СССР.

Больше четверти века я проработал на Кишиневском тракторном, и, можно сказать, помощь эта осуществлялась у меня на глазах. В 1961 году решено было наладить выпуск виноградниковых тракторов. Неоценимую помощь оказали тогда Молдавии тракторостроители братских союзных республик. Из Харькова, Барнаула, Минска, Челябинска приехали в Кишинев конструкторы, технологи, токари, фрезеровщики, кузнецы, которые щедро делились с молдавскими рабочими своими опытом и знаниями. Через год с конвейера сошел первый молдавский виноградниковый трактор Т-50В. А впоследствии тысячи этих машин хорошо показали себя на плантациях Украины, Молдавии и Российской Федерации. С тех пор завод освоил несколько видов тракторов — виноградниковых, свекловичных... Сейчас мы стоим на пороге новой модели, созданной уже в соответствии с программой СЭВа.

Вот уже несколько лет я работаю в литейном цехе бригадиром стержневого участка. Без стержня нет и детали. Бригада — пятнадцать человек, все работают хорошо, почти у всех — личное клеймо. Третий год уже трудимся по единому наряду, если раньше с прогульщиками и бракоделами трудно было бороться, то теперь каждому рабочему Совет бригады определяет коэффициент трудового участия. Хотя, конечно, и недостатков много, но они преодолимы. Говорить же сейчас хочется о главном. Я вновь и вновь пытаюсь перебросить мостик к рассказу о республике, а почему-то все время возвращаюсь к родному заводу. Но с другой стороны: а как иначе? Ведь профессия — стержень, определяющий личность. Промышленность — стержень, определяющий уровень развития республики. Завод — стержень моей жизни. Именно здесь произошли важнейшие в моей жизни события — здесь меня приняли в ряды КПСС, здесь избрали делегатом на XXVI съезд нашей партии, здесь выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета республики... Вот и получается, что от завода мне легко протянуть ниточку в любую отрасль, в любую сферу жизни Молдавии...

Сельское хозяйство? Но ведь наши тракторы идут именно в сельское хозяйство, способствуют неуклонному его развитию.

Культура? Не так давно к нам приезжала Мария Биешу — прекрасная певица, лауреат Ленинской премии. А сколько побывало у нас писателей, поэтов, ученых! Когда-то в деревенской избе, где я жил, собирался кружок по ликвидации неграмотности, а сейчас, когда я рассказываю об этом молодым рабочим, они не верят.

Сейчас тиражи книг, изданных в Молдавии, исчисляются миллионами и миллионами экземпляров.

Невозможно объять необъятное. Хочется сказать и о Дубоссарской ГЭС, и о писателях Андрее Лупане и Емилиане Букове, книги которых мне очень нравятся, и о многом-многом другом. Жизнь республики — это море, и сколько бы ни черпал — все равно всего не расскажешь. И что самое удивительное, огромнейшие наши достижения измеряются не веками, а одной человеческой жизнью! Нас у матери восемь детей — братьев и сестер,— и каждый нашел свое место в жизни, любимую работу, у всех растут дети. Когда я приезжаю к маме, то обязательно заходят односельчане, большей частью пожилые люди. Они, как известно, скептики, их чем-нибудь удивить трудно. Но сейчас у них один разговор: никогда еще молдаване так хорошо и счастливо не жили. Только бы не было войны! А со своими трудностями мы уж сами справимся...

И я сейчас, когда у меня самого подрастают дети, думаю, что самое главное зло в жизни человека — война. Ведь все, кто, не жалея сил для процветания Советской Молдавии, строил ее города и села, создавал заводы и колхозы, учил детей, двигал вперед науку,— все они смогут удовлетворенно и гордо сказать, что трудились не зря только в том случае, если плоды их трудов не будут уничтожены, сметены с лица земли войной.

Я люблю мою Молдавию — ее города и села, ее людей, ее поля, ее землю и небо. И я верю, что мои дети и внуки будут так же счастливы на этой земле, под этим небом.

СТИХИ

Андрей ЛУПАН

ДОВЕРИЕ

И было так...
Возмездие настало.
Металась слепо правящая стая,
история рванулась ураганом,
всех временных правителей
сметая.
И только Ленин, лишь рассвет
забрезжил,
с порога будущего оглашая зал,
с доверием и твердостью
безбрежной
«Есть такая партия!» — сказал.
Вся правда в этой истине
крылатой!
Гляди,
вокруг цветут поля без меж...
Здесь новый плуг налаживал
оратай
и посадил сады больших надежд.
И люди не склонят уже голов:
хозяевами будущего стали.
Спроси у них про тех
большевиков,
что первыми в далеких битвах
пали.
Спроси о пролетариях простых,
которые пришли в наш край
впервые,
сзывая самых стойких и прямых
под Ленина знамена молодые.
«Вы не томитесь в дебрях
жалких грез,
добудьте правду собственной
рукою,
вот — над мерцаньем
распыленных звезд
восходит ярко солнце трудовое».
Да, есть такая партия!
Она
открыла миру творческие выси,
из кремня, что сложили времена,
живую молнию она сумела высечь.
Грядущее растет в лучах восхода,
и голос Ленина еще слышней
сейчас,
он подтвержден доверием
народа:
да, есть такая партия у нас!

Перевел Б. МАРИАН.

КРУЖКА

Ничего в ней нет такого —
золотого, дорогого,—
просто сделана толково.
Нет, не краской золотою —
знаменита простотою,
грубоватой красотою.
Передал ей мастер местный,
тот умелец неизвестный,
нрав прямой, характер честный.
Чтоб сотню лет и двести
из нее с друзьями вместе
пил достойный этой чести...
Но берут ее в ладони
не ослабясь, как в притоне,
среди ругани и вони.
Если б пил я с кем попало,
где попало, как попало —
от стыда б она пропала.
Из нее в пристойном месте
лишь достойный этой чести
может пить с друзьями вместе!
Так возьми ж и выпей стоя
кружку крепкого настоя
ливня, зелени, и зноя,
и душевного участья,
и сердечного пристрастья...
Многих лет тебе и счастья!

Перевел Ю. ЛЕВИТАНСКИЙ.

Емилиан БУКОВ

И СТАЛ СВЕТ...

То было в годы, когда Бессарабия
Рабства груз волокла на горбу.
С красными зорями,
с волнами радио
Тщетно вела сигуранца борьбу,
Чтоб мощью мысли мышц
не налило,
Чтоб ветер свободы не дунул
за штык,
Чтоб бессарабец молчал,
как могила,
Мертвым узлом завязавши язык.

* * *

Детство с зорями пепельными,
зольными...
Быстро был я утром забыт.
Не успел наиграться —
ударив больно,
Дверь отворилась
во взрослый быт.
Однажды попович неугомонный
(Росточком, помнится,
был невелик)
Сказал мне, таращась:
я-де ученый,
А ты и читать не умеешь, мужик...
Я ему задал, понятно, перцу —
И «мужиков» будет впредь
почитать.
Но как тоска резанула по сердцу:
«Посмотрим, кто не умеет читать!»
И вот перед мамой я
с просьбою хныкаю:
Отдай да отдай, мол, меня
в науку!
Потом подумал: «Дело великое!
Сколько же можно держаться
за юбку?
В грузчики надо
в порту попроситься —
Деньжат заработаю, накуплю
себе книжек
И покажу поповичу-паразиту,
Кто чего стоит и кто кого выше!»...

Перевел А. БРОДСКИЙ.

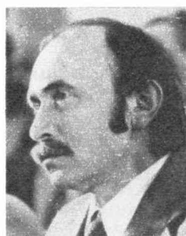
Петря КРУЧЕНЮК

ЕГО ВЕРА

Порою в жизни всякое бывало:
крутые спуски, скользкие пути...

МОЛДАВСКИХ ПОЭТОВ

Но вера в человека диктовала:
не падать на колени, а идти.
И шел он независимо и гордо,
неся высоко вольное чело,
и помогал советом, хлебной
коркой...
И, помогая, верил — повезло!
Да, повезло, что поровну
с другими
делил чужую радость и беду,
что слезы чьи-то называл своими,
что жил не отдыхая — на ходу.
Лишь только бы в сердцах
людских светлело,
лишь только бы их жизнь
была не зря...
Он верил в человека, верил
в дело
и в красные листки календаря.
Не убивайся в горестях — не надо,
трудом своим твори свое добро,
не жди наград — сама придет
награда,
коль крепко держишь плуг,
штурвал, перо...
Порою в жизни всякое бывает:
крутые спуски, скользкие пути...
Но вера в человека призывает:
не падать на колени, а идти!



Георге
ВОДЭ

ПРИЗЫВ

Не забывай, что время
быстротечно...
И если ты сегодня сыт, одет —
не думай о прошедших днях
беспечно:
мол, было так всегда...
Неверно, нет!
Не забывай, что в мире
мы прожили
уж тридцать лет, и более того...
Лишь потому, что кровью
заплатили
отцы и деды наши за него!
Не забывай, что в светлый День
Победы
чернели материнские платки...
Что и сейчас под синим мирным
небом
похожи обелиски на штыки.
Не забывай, не забывай о детях:
они расправят крылья
в свой черед!
В ответе ты за крепость крыльев
этих,
в ответе ты за будущий полет.
Не забывай, что время
быстротечно,
что все дается в муках и борьбе,
что мир и хлеб не будут сами
вечно,
что мир и хлеб отстаивать тебе!

Перевел В. ЧУДИН.

Архип
ЧИБОТАРУ

ВМЕСТО АВТОГРАФА

Пионеру Иону Морару, который попросил меня подписать ему книгу «Как закалялась сталь».

Что же написать тебе, мальчишка,
Чтобы не сфальшивила строка!
Порохом пропахла эта книжка,
Прорываясь к нам издалека.
Видишь, под конями шлях
дымится,
Тучи рассекает эскадрон.
Это скачут по сердцам страницы
В урагане, красном от знамен.
Это по крутым, по скользким
тропам
Между строк горячих, между слов
Мчится ветер прошлого галопом,
Ветер трудной юности отцов.
Пулеметной лентой бьются строки,
Отдаваясь эхом по земле.
Эта книга о прямой дороге,
Той, что начиналась на заре.
На которой падали солдаты,
Не успев пожить, недолюбив.
Эта книга из больших двадцатых
Шла узкоколейкой через тиф.
Чтобы где-то там, за дальней
далью,
Светлые и звучные, как стих,
Пролегли стальные магистрали
Беспокойных сверстников твоих.
Время дралось, обнажая нервы,
Чтобы были солнечными дни.
Поклонись узкоколейке первой,
Павлу, Павке руку протяни.
Это книга многих поколений.
Ты входи в накал ее строки.
По ее страницам, по ступеням
Отдаются времени шаги.

Павел
БОЦУ

ОТЕЧЕСТВО

Отечество хранит в звучанье слов
Живую память об истоках самых.
Так росписи великих мастеров
Века соединяли в древних храмах.
Слова, их собирал отцовский край
На площадях, в толпе,
на поле сечи.
Они кипели, лились через край
И трепетали колоколом речи.
И речь людей, и шелест трав
в ночи,
И звезд полет, и птицы голос
чистый,
И бьющие из-под земли ручьи —
Все на счету у матери-Отчизны.
Все на учете: и осенний стог,
И весь в цветах весенний
холм пологий,
И нищий чародей — чертополох
С протянутой колючкой у дороги.

И песни, всколыхнувшие
сердца,—
Те, что сейчас ветра уносят
в дали,
И те, что с черной каплею свинца
В тяжелый час Отечества упали.

Перевел Р. ОЛЬШЕВСКИЙ.

ПРОНЗИ МЕНЯ...

Пронзи меня, чистое чувство
печали,
При виде отцовского
старого дома,
Печали, что окна его источали,
Печали, что стены его источали.
Что всем уходившим из дома
знакома.
Пронзи меня, дух беспокойства
и странствий,
При виде летящей над пашнями
птицы,
Тот дух беспокойства, тревожный
и странный,
Что нас с очагом заставляет
проститься.
Пронзи меня, светлая горечь
грустинки,
При воспоминанье о милом
пороге,
О деревце каждом, о каждой
тропинке,
О каждой травинке... А сам я
в дороге.
Пронзи меня, гордое чувство
Отчизны,
Отцовского, древнего,
доброго края,
От плача до песни, от свадьбы
до тризны,
От детства до бедствий, от ада
до рая!

Перевел Вл. СОЛОУХИН.

Нина
ЖОСУ

НА ПОСИДЕЛКАХ

На посиделках женщины прядут —
струятся нити прожитых
мгновений,
и в пряжу вплетены
то грустный вздох,
то колокольчик сказки,
то раздумье...
Становится грубей и толще нить,
все утолщается,
грузнея, как змея,
как мертвая луна,
круглей свинцовой пули...
Вновь утончают женщины ее,
глаза свои ладонью вытирая.

Перевел П. ПАРХОМОВСКИЙ.

Григоре
ВИЕРУ

ТИШИНА

Тишина.
С медовыми сотами губ.
С золотом глаз —
Подсолнухов.
Тишина — как поцелуй,
Как пунцовая роза
Под бременем благоуханья.
Как румяное тесто в печи,
Как душа прибрежного камня.
Как голос, зовущий маму.
Как поляна,
Где спрятались мины
Соловьиных яиц.
Как предутренний сон планеты,
На которой все страны
Помирились друг с другом.
Тишина.

Перевела А. СТАРОСТИНА.

Ливиу
ДАМИАН

МАМЕ

Мама, мы были твоими руками,
доставали яблоки с вершины
дерева,
до которых не дотянулась бы ты.
Мама, мы были твоими ногами,
ловили в поле шальную козу,
которую ты не поймала б.
Мама, мы были твоими глазами.
Мы первыми замечали дядину
шапку
в самом конце дороги.
Мама, мы были смехом твоим.
Он рассыпался звонко среди
холмов
серебряным колокольчиком
у родников.
Мама, мы были твоими словами,
мы называли по имени
каждый цветок и травинку,
любую птицу в нашем небе,
любую вещь в доме и в мире.
Мама, мы были твоими мечтами.
Перемахнув холмы,
мы отыскивали село с белыми
хатами,
с колосьями, как воробьи,
и где все отцы дома.
Мама, мы еще не были
ни твоим молчаньем, ни твоей
слезою,
ни твоей сединою,
ни шелестом листьев,
ни веткой с плодом
в последний день лета
с дождем за окном.

Перевел К. КОВАЛЬДЖИ.

ВИНОГРАДНИК В ПОЛДЕНЬ

Николай БЫКОВ,
фото Бориса КУЗЬМИНА

— Будет дождь — будет дойна,— услышал я в Кирютне, что в Чадыр-Лунгском районе. Дождя нынче не было больше пяти недель, и я сразу понял, о чем речь; майский дождь поднимает озимые, гарантирует хлеб. Здесь, в Молдавии, и без дождя научились собирать по пятнадцать центнеров зерновых и бобовых, но чтобы взять втрое больше, то бишь взять запланированные сорок — пятьдесят центнеров пшеницы с гектара, а кукурузы и того более, дождь нужен, хороший дождь и обязательно в мае...

Нельзя в подражание известной сказке думать, что в Молдавии все села молдавские, а все жители в них молдаване. Нет, еще издавна поселились здесь и русские, и болгары, и украинцы, и гагаузы, и сербы... Кирютня, например, село болгарское, а в Этулии с неаполитанским ее небом живут гагаузы... Но сами-то жители Молдавии никогда приезжего не поправляют, и в этом тоже есть правда, потому что для всех них тут родина — Молдавия.

...Прекрасна Молдова в пору молодого лета, когда пьянят запахи белой акации и винограда. Цветут они долго и буйно. Полдень на винограднике — самое сильное впечатление от этого времени года. Почти физически ощущаешь, как толчками поднимается к широченным пятипалым листьям благородная зеленая кровь лозы. Солнце обрушивает свою энергию на древние растения винограда, творя из нежнейших душистых соцветий грядущие грозди. А будут грозди — будут и песни в сентябре, потому что виноград—главное богатство республики.

Старые виноградные кусты заставляют вспомнить стариков, тех, кто был молод в сороковом году и в далеком от нас двадцать четвертом... Старики Молдавии — они ведь жили до Советской власти; когда они сравнивают настоящее с прошлым, понимаешь, как беспощадна память. Слезы, то ли беспричинные, то ли безотчетно благодарные, вызывали встречи со стариками Молдавии. Старенькая, с руками жилистыми, как узловатые стебли виноградного куста, Домна Григорьевна Митиш на рассвете уже мотыжит междурядья на своем винограднике. Мама председателя колхоза и директора совхоза, который еще и кандидат наук, не умеет жить без работы по дому... Алексей Иванович Панчев с правнуком Ваней под счастливые посвисты ласточек выпиливает узорчатый, как виноградный лист, наличник. Константин Захарович Топор-Гилка со своей Марией Михайловной, тоже чьи-то прадед и прабабушка, на месте не посидят: у них, кишиневских пенсионеров, через день золотая свадьба, дел не переделать, только своих придут в гости семнадцать человек!.. Иван Захарович Карафизий из села Кирютня тоже с восходом солнца на ногах: он готовится к пионерскому костру, где должен выступить перед ребятами, рассказать им, что было сорок два года назад. Дед Карафизий на деда не очень-то похож, он давний общественник, первый здесь председатель колхоза; Иван Захарович крепок, краснощек, а усы его называют буденновскими. Обо всем давно прошедшем он может говорить часами:

— Я помню, как записывались отчаявшиеся голодранцы в Америку, как они покидали родную Бессарабию. Наша семья осталась; отец только что вернулся из румынской тюрьмы и нам, детям, сказал, что в той Америке наверняка тюрьмы побольше и еще страшнее... Знаете, когда я стал большевиком? Когда меня в румынскую армию забрали. Еще на призывном пункте спросил офицер: «Откуда? Из Бессарабии? Значит, большевик. Забрить, оружия не выдавать, пусть землю роет...» Так я заинтересовался, кто есть большевик, почему ему опасно дать оружие, чем вредны жители Бессарабии. Серьезная школа; я ее быстро прошел и, когда Красная Армия нас освободила, знал, что я и есть тот большевик, коллективист...

Старики Молдавии... Слушать их в полдень на винограднике, возле колодца, раскрашенного во все цвета радуги, очень интересно — как живую воду, пьешь, родниковую. У старого Никодима Таукчи сыновья тоже в люди давно вышли, а старший, Афанасий Никодимович, Герой Социалистического Труда, возглавляет прославленный мехотряд межхозяйственного Кирютненского севооборота. В семье кишиневца Топор-Гилки есть и хирург, и строитель, и художник, и медработник, и музыкант, и преподаватель университета, и режиссер телевидения.

Молдаване начинали с «нуля» еще совсем недавно, даже и не в сороковом, а в сорок пятом, в сорок шестом годах... А что произошло за последние годы, лучше всего видно в Кишиневе, в таких районах, как Каларашский, Ниспоренский, Чадыр-Лунгский...

Ниспорены. На башне райисполкома бьют куранты. Горячая, в цветах, широкая площадь. Новые универсам, гостиница, кинотеатр и Дом культуры, великолепные школа и интернат, многоэтажные дома... Все это на месте невзрачного села. А на околице прекрасный стадион и рядом спортзал, а чуть подальше — слепит белизной стен и огромными окнами новый (впрочем, старого вовсе не было) больничный городок. Детище главврача Григория Ивановича Нистерюка. Нельзя не проникнуться уважением к этому подчеркнуто спокойному, неразговорчивому человеку с тихой обаятельной улыбкой. Первое впечатление — устал человек. Сильный человек устал. Очень сильный, волевой, целеустремленный — и очень устал. Понимаешь, что́ он, Григорий Иванович, сделал, только тогда, когда обойдешь все корпуса центральной районной больницы, все ее отделения; когда узнаешь, что все здесь построено взамен подслеповатого саманного фельдшерского пункта без водопровода; когда узнаешь, что все построено за четыре года и что в год Нистерюку удавалось освоить до миллиона рублей. Да, помогали и республиканское министерство здравоохранения, и лично министр, и все, кто мог; и кто не мог — те тоже помогали: уж такой характер у Григория Ивановича — сокрушительный при встрече с бюрократией и созидательный при воплощении замысла в действительность. Пример? Надо было в считанные дни оштукатурить и покрасить многие сотни квадратных метров стен и столько же выложить кафелем, и вот главврач (точнее, главпрораб в белом халате) организовал на своем объекте республиканское соревнование отделочников из строительных училищ. В ходе острой борьбы соревнующиеся сдали корпуса с оценкой «отлично». Победа! Чья? Григорий Иванович посмеивается... Потом звонит кому-то, подсказывает мягко, как лучше принять гостей: в Ниспорены едут все главврачи районных больниц республики; важно продумать встречу, чтобы без бахвальства показать коллегам практические пути к совершенствованию медицинского обслуживания на селе. А я подумал: «Был бы учрежден орден доктора Антона Павловича Чехова, Нистерюку первому вручил бы...» За подвиг милосердия, за то, что поднял Нистерюк престиж сельского врача на такую высоту.

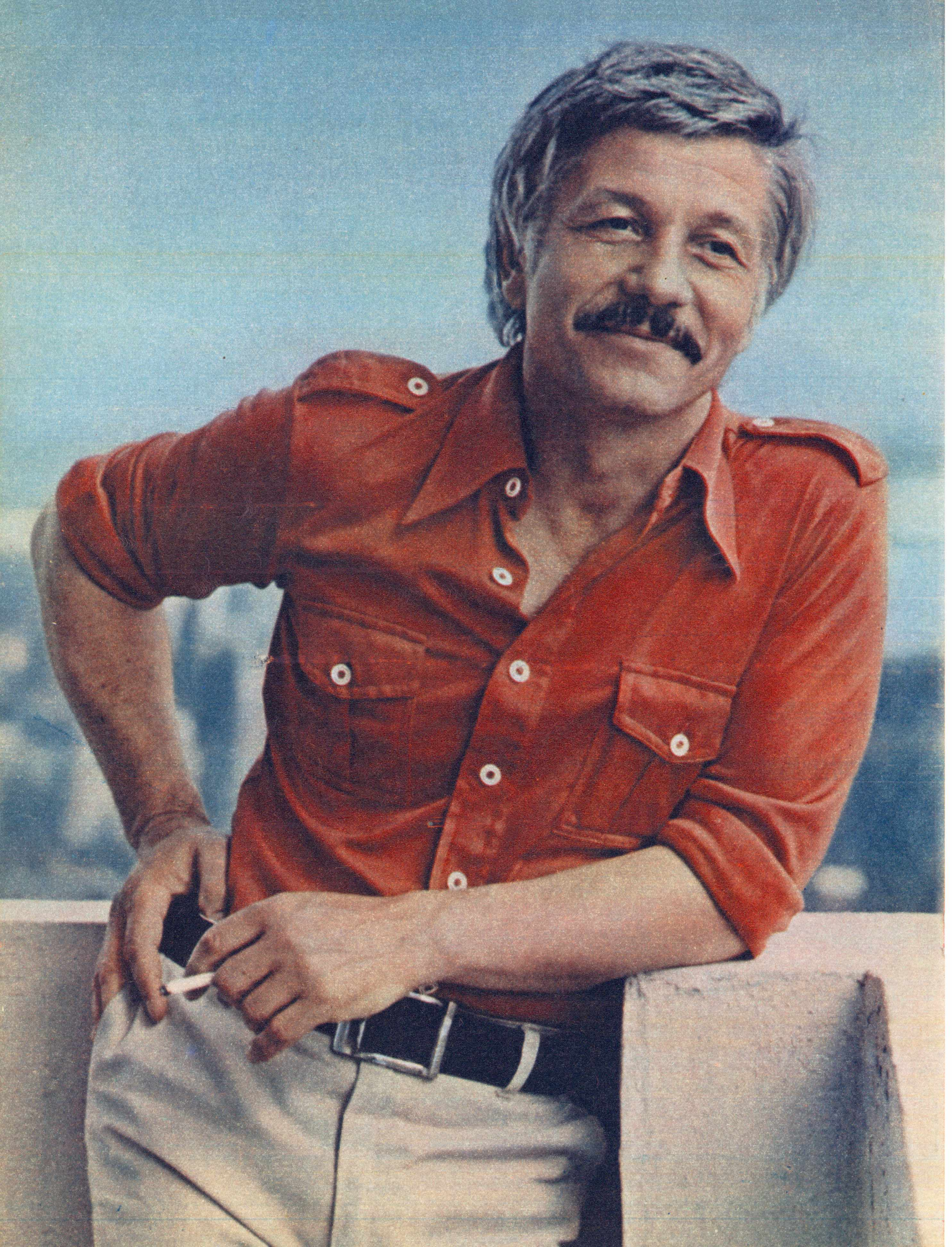
Сегодняшняя Молдавия — страна современных городов и поселков среди виноградников и садов. Конечно, проблем в республике немало. Но и опыт строительства на селе, но и опыт аграрно-промышленного единения города и деревни здесь тоже немалые. На примере Молдавии учились и учатся другие республики. Но сами молдаване знают, что им предстоит отработать, скорректировать собственную модель, добиваясь заметного роста производства зерна, мяса, молока. Без новых усилий в кормопроизводстве реальна задержка с развитием животноводства. Такие асы зеленых севооборотов, как известные всей стране Савелий Пармакли, Афанасий Таукчи, Степан Хаста и Захарий Паскалов, давно освоили новую технологию выращивания пшеницы, кукурузы, подсолнечника, гороха... Дело за их последователями.

Не окинуть взглядом поля мехотряда № 7 ордена Трудового Красного Знамени колхоза имени Ленина. Здесь хозяином богатырь Захарий Паскалов. Его севооборот занимает более восьмисот пятидесяти гектаров. Здесь высеваются только сорта тех культур, которые освоил и сам Захарий Георгиевич и его дружина механизаторов. Сорт «Чайка» дал на участке размножения по семьдесят шесть центнеров с каждого гектара. Пшеница догнала кукурузу. Правда, замечена многими в Молдавии беда: тяжелая современная техника, особенно колесная, утоптала землю полей. Паскалов вместо плуга одним из первых стал применять венгерский виброрыхлитель, который отлично готовит давно уплотненную колесными тракторами почву. Это еще один факт последовательного внедрения промышленной технологии выращивания зерновых. Севооборот Паскалова и его «экипаж» вселяют надежду на близкое освобождение хлеборобов от погодной зависимости. Вот почему начальнику мехотряда № 7 ученые Кишинева, Одессы и других селекционных центров доверяют испытание своих новых сортов. Их на двадцати гектарах здесь каждый год высевают с дюжину. А уж как они себя покажут, так тому и быть, тут слово Захария Паскалова авторитетное.

Ниспорены, Гиска, Этулия, Кирютня, Валя-Пержий — красивые села красивой республики. Ленты быстрых дорог, бесконечные шпалеры на отцветающих виноградниках, холодные родники и традиционно праздничные приветливые колодцы; пушкинские места в кодрах, завороженные ниспоренскими соловьями, и дом в Кишиневе, где в начале века печаталась «Искра»; песни птиц и детей; мирные аисты над людскими гнездовьями... Все это и есть сегодняшняя — в июне 1982 года — счастливая Молдавия. Счастливая в труде — единственном источнике незаемных радостей. Тех самых, которыми одарил меня полдень на винограднике.

Первый председатель колхоза в селе Кирютне, Чадыр-Лунгского района, Иван Захарович Карафизий. * Красиво живут в селе Валя-Пержий; особенно хороша беседка у колхозника Алексея Ивановича Панчева. Здесь собирается семья по вечерам в будни и праздники. * Сбор черешни в колхозе «Красное знамя», Чадыр-Лунгского района.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Готовы к отправке на село тракторы Кишиневского завода. * Девушки из районного центра Ниспорены и поют и хороводы водят. На переднем плане — методист по новым обрядам Нина Гуйдя. * Отлично ухожены виноградники совхоза-завода «Шишканы», Ниспоренского района.



СВЕТЛО И ВОЛЬНО...

Н. АЛЕКСЕЕВА

Доброта. Бескорыстие. Верность... И еще немало лучших человеческих свойств называют телезрители, когда речь заходит о полюбившемся им герое многосерийного фильма «Цыган» по повести А. Калинина. Но существует одно, на мой взгляд, главное качество, которое, словно сильнейший магнит, более всего притягивает к Будулаю, каким его сыграл Михай Волонтир. Это — стремление к гармонии, ко всему прекрасному, что есть в жизни. Причем стремление к цели, в общем-то недостижимой для смертного. К ней он идет всю жизнь, так и не добираясь до конечного пункта под названием, скажем, «Исполнение всех желаний». Не превратности судьбы тому виною, а такова уж человеческая природа: чего бы ни достиг человек, какую бы мечту ни осуществил, он не должен останавливаться. Он должен идти дальше, вслед за новой мечтой. Потому-то не случаен финал «Цыгана»: дорога, по которой мчится Будулай к своему счастью. И нет ей конца... Таким видится артисту жизненный путь человека.

Но есть зрители, которые воспринимают буквально то, что происходит на экране. Посему у Михая Ермолаевича не было отбоя от взволнованных писем типа: остался ли он, Будулай Волонтир, жив; как его встретила Клавдия и его сын и т. п. Забавно? Для Волонтира — скорее сложно. И дело тут не в том, чтобы убедить каждого доверчивого поклонника, что в жизни он не Будулай, а Михай; что жену его зовут Евфросиньей, а не Клавдией; что у него взрослая дочь, а не сын... К чему разубеждать? Уж коли стал актер столь нераздельным в глазах зрителя со своим героем, то воспринимать это, очевидно, нужно как высшую, стихийного размаха, форму зрительской признательности — форму признания актерского таланта. Сложность для Волонтира, великая ответственность заключены в том, чтобы оправдать такое доверие зрителя дальнейшими своими работами. Особенно теперь, когда об актере Волонтире в Молдавии говорят: он никогда не обманывает. А в переводе на язык молдавских театроведов это называется «школой Волонтира».

Под «школой» имеются в виду актерская органичность, естественность, искренность в сочетании с точностью и лаконичностью, высокой культурой в отборе выразительных средств. Умение ЖИТЬ на сцене. Жить правдиво, просто и — богато.

Я говорю о внутреннем, душевном богатстве, которое обнаруживает Михай Волонтир в любом своем сценическом персонаже, пришедшем ли к нам из далекого прошлого или существующем сейчас, рядом с нами. Вернее, даже среди нас — так, как, например, Кузьма Кузьмич Тудышкин (одна из последних работ Волонтира) в спектакле «Святой и грешный» М. Ворфоломеева никак не воспринимается лишь типизированной фигурой, сценическим обобщением. Кузьма Кузьмич — очень знакомый и близкий нам человек, который пытается найти смысл жизни. К нему то приходит бог с попыткой сделать из него святого, то является дьявол, суля ему любые материальные блага, лишь бы сантехник Тудышкин забыл о чести и порядочности. Волонтир вместе со своим героем проходит все муки исканий Кузьмы, появляющегося в начале спектакля под хмельком, растерянным и затюканным женой, которая пилит его за излишнее бескорыстие и неумение жить.

Но постепенно Тудышкин «трезвеет», выпрямляется, твердо становится на ноги. Мало-помалу улетучиваются его мягкость, нерешительность, уязвимость. Пробовал он быть и святым и грешным, но в конце концов пришел к выводу: жить надо не по-божески и не по-дьявольски, а по-человечески. Честно, смело, сохраняя личную независимость, нерушимость своего «я», умея отстаивать свои принципы. «Живите светло и вольно...» — обращается в финале к зрителям Кузьма – Волонтир. И ему верят, очень внимательно его слушают, потому что он действительно не обманывает, на наших глазах выстрадав право сказать свое слово людям.

Спектакль, отлично поставленный заслуженным деятелем искусств Молдавии Н. Аронецкой, позволяет Волонтиру продемонстрировать все свои возможности. Тут и чрезвычайно непринужденная пластика, и тонкое ощущение партнера, и умение удерживать в своих руках «нерв» происходящего, постоянную напряженность действия...

«Школа Волонтира». Создавал ее актер, сам того не осознавая, двадцать пять лет — на сцене Бельцкого музыкально-драматического театра, куда его привел из самодеятельности (Михай заведовал сельским клубом) главный режиссер Борис Харченко. Именно привел, так как застенчивый, молчаливый юноша не думал о профессиональном театре.

В Бельцах Волонтир долгое время был «весь в себе», суховат, строг. Не мог «ломать» себя на сцене, то есть быстро меняться, перевоплощаться, как это делали иные ребята, тоже приглашенные из самодеятельности (театр открылся в 1957 году). Михай играл во втором составе, был осторожен.

Осторожен был и Харченко, говорил: «Делай пока, что скажу».

Режиссер сумел определить, что для этого парня время «плодоношения» настанет не скоро. Такой уж характер. Михай должен был не спеша во всем разобраться, должен был вжиться в театр, как сейчас вживается в роли; пустить в нем корни, то есть почувствовать взаимную необходимость себя и театра.

А через шесть долгих лет... «Теперь ты все можешь», — сказал однажды Борис Дмитриевич. Дал трудную роль Иона Сумасшедшего в «Напасти», где Волонтиру надо было в одной из сцен изобразить танец гнева и мщения, танец человека, изуродованного жестокостью. До генеральной репетиции режиссер упорно не хотел репетировать эту сцену, казавшуюся Михаю самой трудной. Актер был в отчаянии. «Что я делал на сдаче спектакля, не помню, — признается Михай Ермолаевич, — только Борис Дмитриевич был очень доволен. И не надо ничего помнить, сказал он, ты просто танцуй. Ты сам лучше чувствуешь, что тебе нужно».

Вот этой импровизационности, полному самозабвению на сцене тоже учатся теперь у Волонтира молодые актеры театра, для которых Михай Ермолаевич с первых дней автоматически становится как бы учителем. Он же видит свою основную задачу не в том, чтобы передать чисто актерские навыки и приемы, а в формировании творческого мироощущения актера, образа мыслей... «Для меня не важно, как он или она знает текст роли, а важно, как мыслит». Да, это слова воистину мудрого учителя.

Я же пытаюсь себе представить совсем молодого, восемнадцатилетнего учителя начальной школы, настойчиво преодолевающего в любую погоду по восемнадцать километров в день из своего родного села Глинжены в то село, где его ждут ученики (и обратно). Кто знает, может быть, так и остался бы Михай сельским учителем (параллельно с преподаванием он заканчивал педагогическое училище), тем более что были заложены в нем для этого многие необходимые качества, такие, как терпеливость, внимательность, любовь к детям. Помешала тяжелая болезнь: сказались многокилометровые зимние «прогулки». Так он стал заведующим клубом.

Школа Волонтира... Его жизненная школа началась в одиноком домике отца-лесника. Началась общением с невозделанной землей, с шершавыми неохватными стволами деревьев, со звонкоструйным родником... В селе он впервые появился перед учебой. И узнал, что на свете существует много замечательных людей и среди них — его первый учитель Тома Шаптефраць.

— Он дал мне очень много, — со сдержанной нежностью вспоминает Михай Ермолаевич, — знаете, это человек, который все умеет! Учить, выращивать сады, строить дома... Ему все небезразлично, на все отзывается его сердце. Идет он, скажем, по дороге и видит, что у кого-то во дворе непорядок. Войдет и сделает все, что нужно, хозяин так и не узнает, кто ему помог. Так же ему была небезразлична и судьба каждого из учеников. Многие из них сейчас нужны людям! Именно Тома Иванович заставил меня заниматься в школьном драмкружке. Только однажды я его не послушался, после школы ушел работать в известняковый карьер. Семье жилось трудно, нас семеро детей...

Тома Иванович до сих пор радуется успехам Михая, иногда потихоньку, чтоб тот не знал, приезжает на его спектакли, так и не сказавшись, уезжает, а потом звонит и высказывает свое мнение. До сих пор выполняет миссию наставника.

Волонтир любит сниматься в фильмах, посвященных деревне. В каждую роль старается внести ту или иную черточку, особинку, заимствованную, подсмотренную у реального человека. Общим же для его героев были и остаются правдивость, естественность и простота. Они немногословны, но много делают для людей с желанием понять человека, разделить его печаль и радость. И более всего их роднит любовь к родной земле.

Михаю Волонтиру дорог его первый фильм — сказка «Нужен привратник», в котором он снялся пятнадцать лет назад. Образ солдата Ивана во многом символичен для творчества актера, — Иван возглавляет весь последующий ряд его киногероев (артист снялся почти в двадцати фильмах), определяя их жизненную позицию.

При всей близости к земле им присущи высокая духовность, романтика. Их даже трудно назвать просто положительными героями — Петра Вершигору («От Буга до Вислы») или колхозного бригадира («Один перед любовью»), революционера по прозвищу «Панцирная спина» («Это сладкое слово — свобода») или прапорщика Волентира («В зоне особого внимания»)... Почти что сказочные рыцари, богатыри духа, мужества и стойкости, доброты и самоотверженности, но Волонтир всегда показывает это ненавязчиво, исподволь, словно скупясь на внешние выразительные средства, стараясь изнутри осветить человека...

Со стороны, на той же съемочной площадке может показаться, что у Волонтира все получается легко. Потому что работает почти без репетиций. Но он очень долго вынашивает роль. Поэтому так сложно бывает ему переключаться со съемок на спектакль и наоборот. Поэтому так странно бывает ему смотреть на иных партнеров, которые, «забегая» на съемки, постоянно смотрят на часы, — мол, у меня еще запись на радио. «Буфетной» жизнью называет подобное явление Волонтир: «Он говорит «я люблю тебя», а сам думает... про шашлык! Да мне не нужна твоя реплика — мне нужны твои глаза, твоя жизнь!» — резко, горячо срываются слова.

Похвалы, а их много, Волонтир «приемлет равнодушно». Создается впечатление, что он слышит только то, что по-настоящему интересно для него, содержательно. Вот это его слух улавливает безошибочно. И сразу следует ответная реакция, очень живая, щедрая на эмоции. Его чуть грустные глаза светятся. При каких-либо второстепенных словопрениях скучнеет, замыкается в себе. На необязательные вопросы отвечает неопределенно, то ли в шутку, то ли всерьез. Например, на вопрос, когда родился, ответил: «По документам в марте, а хотелось бы осенью. Прекрасное время года. Такой уж я невеселый...»

В повседневном общении внешне спокоен, негромок, внимателен. В любом человеке старается увидеть прежде всего хорошее. Ценит в людях чувство чести.

...Естественно, что лауреату Государственных премий России и Молдавии, народному артисту Молдавской ССР Михаю Волонтиру уже не раз предлагали перейти в другой театр, перебраться ближе к центру. Не так давно Волонтир действительно уходил из театра на несколько месяцев. В никуда. Как объясняет, уходил потому, что стал сам себе надоедать. Хотелось разобраться в сделанном. Ушел, чтобы вновь вернуться в театр, с которым связано больше половины жизни. А между прочим, уже несколько лет Бельцкому театру приходится существовать в тяжелых условиях: он не имеет своего здания и на «птичьих правах» ютится во Дворце культуры.

Своих героев Михай Волонтир любит именно на том месте, на той земле, где они родились и выросли. Любит за постоянство. И, наверное, сам не может быть иным.

Видно, недаром некоторые зрители верят, что актер и созданный им образ — одно и то же.

Народный артист Молдавской ССР Михай Волонтир.

Даже среди самых значительных явлений русской литературы нашего столетия Марина Ивановна Цветаева занимает особое место. Поэт трагической, точнее, жестокой судьбы, прошедшая сложный жизненный путь, она прожила менее полувека, начала серьезно писать приблизительно в шестнадцать лет и за три десятилетия непрерывного, напряженнейшего труда оставила богатейшее литературное наследие. Постепенно мы открываем это наследие: выходят книги Цветаевой, недавно был издан двухтомник ее избранных произведений, куда включены стихи и проза, все чаще появляются публикации из ее творческого архива. Можно сказать, что сбывается поэтическое пророчество Цветаевой, написавшей в Коктебеле в 1913 году: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

Пришло время для осмысления роли и места Цветаевой в истории русской литературы, всесторонней оценки ее незаурядной личности. Такая работа ведется. О Цветаевой пишутся книги, в периодике появляются статьи о ее жизни и творчестве. И все же сейчас особенно актуален вопрос о возможно полной публикации всего созданного Цветаевой. Это поэмы «Мо́лодец», «Поэма Воздуха», пьесы «Фортуна», «Каменный ангел», «Феникс», проза, отрывки из дневников и, конечно, письма — замечательное эпистолярное наследие. Огромный материал находится в черновых тетрадях Цветаевой и ее записных книжках. Черновых тетрадей сохранилось сорок три (ЦГАЛИ). В них не только наброски и черновики произведений, сюда Цветаева заносила мысли, записи дневникового характера, варианты писем (например, Пастернаку) и т. д. Эти тетради Цветаева берегла, вела последовательно, ежедневно, особо отмечая редкие перерывы в работе. В сообщении «Об архиве Марины Цветаевой», включенном в последний сборник материалов Центрального государственного архива литературы и искусства СССР «Встречи с прошлым», Е. Б. Коркина пишет: «Тетради свои, наряду со своими детьми, Цветаева считала своей единственной собственностью, они так и идут в нераздельной паре по многим статьям, письмам, высказываниям — дети и тетради — единственное земное достояние. К ним она рвалась из любых гостеприимных мест — «домой, к тетрадям, к детям — строительству жизни».

Дочь Цветаевой А. С. Эфрон расшифровала семь черновых тетрадей поэта. Многие годы отдала Ариадна Сергеевна работе над литературным наследием Цветаевой. Она всегда, в самые трудные годы, верила в то, что произведения Марины Ивановны увидят свет в Советском Союзе. Узнав о елабужской трагедии, дочь Цветаевой писала: «Скоро-скоро займет она в советской русской литературе свое большое место, и я должна помочь ей в этом. Потому что нет на свете человека, который лучше знал бы ее, чем я». Вместе с братом Георгием она собиралась написать книгу о матери, но этому не суждено было случиться. Сын Цветаевой, студент 1-го курса Литературного института имени Горького, был в 1944 году призван в армию и в июле того же года погиб на фронте.

Мы публикуем некоторые материалы из творческого наследия Цветаевой. Публикацию подготовила А. А. Саакянц, наиболее компетентный и авторитетный исследователь жизни и творчества поэта. Ею выполнены составление и комментирование (вместе с А. С. Эфрон) произведений Цветаевой в Большой серии библиотеки поэта. А. Саакянц — составитель и комментатор цветаевского тома Малой серии библиотеки поэта, двухтомного «Избранного», прозы «Мой Пушкин», ее перу принадлежат многие исследования о Цветаевой.

В эту публикацию вошли несколько стихотворений, отрывки из писем и записи, в которых говорится о призвании поэта и его труде. Открывается подборка ответом Цветаевой на анкету для предполагавшегося издания «Словаря русских революционных писателей XX века», в нем содержатся интересные биографические сведения о Цветаевой, особенно о ее отце, сыне бедного сельского священника, ставшем основателем и организатором всемирно известного ныне Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, которому в этом году исполнилось 70 лет.

Все материалы публикации, ранее неизвестные, печатаются впервые.

М. И. Цветаева была бесконечно талантлива. Один из своих очерков она назвала «Герой труда». Талант и совершенно поразительный, ежедневный, ежечасный труд дали русской литературе феномен ее поэзии. Она и сама была героем труда и каждой своей строкой, каждой афористически точно выраженной мыслью утверждала его величие и необходимость для человека-творца.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Марина **ЦВЕТАЕВА**

Я БУДУ ЖИ

* * *

Марина Ивановна Цветаева.

Родилась 26 сентября[1] 1892 г. в Москве.

Отец — сын священника Владимирской губернии, европейский филолог (его исследование «О с с к и е н а д п и с и» и ряд других), доктор honoris causa Болонского университета, профессор Истории искусств сначала в Киевском, затем в Московском университетах, директор Румянцевского музея, основатель, вдохновитель и единоличный собиратель первого в России музея Изящных искусств (Москва, Знаменка). Герой труда. Умер в Москве в 1913 г., вскоре после открытия Музея. Личное состояние (скромное, потому что помогал) оставил на школу в Талицах (Владимирская губерния, деревня, где родился). Библиотеку, огромную, трудо- и трудноприобретенную, не изъяв ни одного тома, отдал в Румянцевский музей.

Мать — польской княжеской крови, ученица Рубинштейна, редкостно одаренная в музыке. Умерла рано. Стихи от нее.

Библиотеку (свою и дедовскую) тоже отдала в музей. Так, от нас, Цветаевых, Москве три библиотеки. Отдала бы и свою, если бы за годы Революции не пришлось продать.

Раннее детство — Москва и Таруса (хлыстовское гнездо на Оке), с 10 лет по 13 лет (смерть матери) — заграница, по 17 лет вновь Москва. В русской деревне не жила никогда.

Главенствующее влияние — матери (музыка, природа, стихи, Германия... Heroïca). Более скрытое, но не менее сильное влияние отца. (Страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешенность.) Слитое влияние отца и матери — спартанство. Два лейтмотива в одном доме: Музыка и Музей. Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский — рыцарский. Жизнь на высокий лад.

Постепенность душевных событий: все раннее детство — музыка, 10 лет — Революция и море... 11 лет — католичество, 12 лет — первое родино-чувствие («Варяг», Порт-Артур), с 12 лет... Наполеониада, перебитая в 1905 г. Спиридоновой и Шмидтом, 13, 14, 15 лет — народовольчество, сборники «Знания», Донская речь, ...с 16 лет по 18 лет — Наполеон (Виктор Гюго, Беранже, Фредерик Массон, Тьер, мемуары...), Французские и германские поэты.

...Последовательность любимых книг (каждая дает эпоху): У н д и н а (раннее детство), Г а у ф - Л и х т е н ш т е й н (отрочество), Aiglon[2] Ростана (ранняя юность). Позже и поныне, Г е й н е — Г ё т е — Г ё л ь д е р л и н. Русские прозаики (говорю от своего нынешнего лица) — Л е с к о в и А к с а к о в. Из современников — П а с т е р н а к. Русские поэты — Д е р ж а в и н и Н е к р а с о в...

Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: «Нибелунги», «Илиада», «Слово о полку Игореве»...

Стихи пишу с 6 лет. Печатаю с 16-ти. Писала и французские и немецкие... Литературных влияний не знаю, знаю человеческие...

Любимые вещи в мире: музыка, природа, стихи, одиночество.

Полное равнодушие к общественности, театру, пластическим искусствам, зрительности. Чувство собственности ограничивается детьми и тетрадями.

Был бы щит, начертала бы: «Ne daigne»[3]

(Из «Ответа на анкету», 1926.)

* * *

Скульптор зависит от глины, мрамора, резца и т. д.

Художник — от холста, красок, кисти — хотя бы белой стены и куска угля!

Музыкант — от струн...

Скульптор может ваять незримые статуи — от этого их другие не увидят.

Художник может писать невидимые картины — кто их увидит, кроме него?

Музыкант может играть на гладильной доске — но как узнать: Бетховена или Коробушку?

У ваятеля может остановиться рука (резец).

У художника может остановиться рука (кисть).

У музыканта может остановиться рука (смычок).

У поэта может остановиться только сердце.

Кроме того: поэт видит неизваянную статую, ненаписанную картину, слышит неигранную музыку.

* * *

Я начинена лирикой, как ручная граната: до разорватия!

* * *

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
— Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же темен,
Как шум молодой листвы.
Вы — точно портрет в альбоме, —
И мне не узнать, кто Вы.

. . . .

Здесь всё — говорят — случайно,
И можно закрыть альбом...
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

Мой дух — не смирён никем он.
Мы — души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

— «Так что ж это было?» — Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать — кто я.

1914.

* * *

«Пока не требует поэта
К священной жертве...»

— А меня — в с е г д а требует! И я в с е г д а погружена (в заботы суетного света). И не м а л о д у ш н о (гениальное слово!), а — великодушно: потому что м н е ничего не нужно (из сует).

* * *

Я Вас люблю всю жизнь и каждый день.
Вы надо мною как большая тень,
Как древний дым полярных деревень.

Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.
Но мне не надо Ваших губ и глаз.
Все началось и кончилось — без Вас.

---

[1] Дата приведена по старому стилю.

[2] «Орленок» (фр.).

[3] «Не снисхожу» (фр.).

М. И. Цветаева с сыном Георгием. 1929 год. Публикуется впервые.

ТЬ...

Я что-то помню: звонкая дуга,
Огромный ворот, чистые снега,
Унизанные звездами рога...

И от рогов — в полнебосвода — тень...
И древний дым полярных деревень...
— Я поняла: Вы северный олень.

1918.

* * *

Все в мире меня затрагивает больше, чем моя личная жизнь.

* * *

А следующий раз — глухонемая
Приду на свет, где всем свой стих дарю,
свой слух дарю.
Ведь все равно — что говорят —
не понимаю.
Ведь все равно — кто разберет?—
что говорю.

Бог упаси меня — опять Коринной
В сей край придти, где люди тверже льдов,
а льдины — скал.

Глухонемою — и с такою длинной —
— Вот — дó полу — косой, чтоб не узнал!

1920.

* * *

...Когда мне, после чтения стихов, говорят: «какая музыка», я сразу заподазриваю либо себя — в скверных стихах, либо другого — в скверном слухе. Музыка — не похвала, музыка (в стихах)— это звуковое вне смысла (осмысленное звуковое — просто музыка!). Музыка, в стихах, это перелив — любой.

* * *

— Я не верю стихам, которые — льются. Рвутся — да!

* * *

Времени у нас часок.
Дальше — вечность друг без друга!
А в песочнице — песок —
Утечет!

Что меня к тебе влечет —
Вовсе не твоя заслуга!
Просто страх, что роза щек —
Отцветет.

Ты на солнечных часах
Монастырских — вызнал время?
На небесных на весах —
Взвесил — час?

Для созвездий и для нас —
Тот же час — один — над всеми.
Не хочу, чтобы зачах —
Этот час!

Только маленький часок
Я у Вечности украла.
Только час — на
Всю любовь.

Мой весь грех, моя — вся кара.
И обоих нас — укроет —
Песок.

1920.

* * *

Если кто-нибудь чрезмерно восхваляет вам свою ненаписанную вещь,— не возмущайтесь: это замысел.

Каждая мать вправе надеяться, что родит — гения. Жалка и отталкивающа только переоценка данного, материнская (вернее, отцовская) слепость на сбывшееся. (Не сбывшееся.)

Но ребенок растет и может вырасти. Рукопись же создана — раз навсегда.

* * *

Смерть — это нет,
Смерть — это нет,
Смерть — это нет.
Нет — матерям,
Нет — пекарям.
(Выпек — не съешь!)

Смерть — это так:
Недостроенный дом,
Недовзращенный сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнутый крик.

Я — это да,
Да — навсегда,
Да — вопреки,
Да — через всё!
Даже тебе
Да кричу, Нет!

Стало быть — нет,
Стало быть — вздор,
Календарная ложь!

* * *

Душе, чтобы писать стихи, нужны впечатления. Для мысли впечатлений не надо, думать можно и в одиночной камере — и, может быть, лучше, чем где-либо. Чтобы ничто не мешало (не задевало). Душе же необходимо, чтобы ей мешали (задевали), потому что она в состоянии покоя не существует...— Чтó сказать о соли, которая не соленая?.. Чтó сказать о боли, которая не болит?.. Покой для души (боли) есть анестезия: умерщвление самой сущности.

* * *

Все сызнова: опять рукою робкой
Надавливать звонок.
(Мой дом зато — с атласною коробкой
Сравнить никто не смог!)

Все сызнова: опять под стопки пански
Швырять с размаху грудь.
(Да, от сапог казанских, рук цыганских
Не вредно отдохнуть!)

Все сызнова: про брови, про ресницы,
И что к лицу ей — шелк.
(Оно, дружок, не вредно после ситцу,—
Но, ах, все тот же толк!)

Все сызнова: вновь как у царских статуй —
Почетный караул.
(Я не томлю — обычай, перенятый
У нищих Мариул!)

Все сызнова: коленопреклоненья,
Оттолкновенья — сталь.
(Я думаю о Вашей зверской лени,—
И мне Вас зверски жаль!)

. . . .

Все сызнова: что мы в себе не властны,
Что нужен дуб — плющу.
(Сенной мешок мой — на альков атласный
Сменен — рукоплещу!)

. . . .

И сызнова: между простынь горячих
Ряд сдавленных зевков.
(Один зевает, а другая — плачет.
Весь твой Эдем, альков!)

И сызнова: уже забыв о птичке,
Спать, как дитя во ржи...
(Но только умоляю: по привычке
— Марина — не скажи!)

1920.

* * *

Живу, созерцая свою жизнь,—**всю** жизнь — Жизнь!— У меня нет возраста и нет лица. Может быть — я — сама Жизнь. Я не боюсь старости, не боюсь быть смешной, не боюсь нищеты — вражды — злословия. Я, под моей веселой, огненной оболочкой — камень, то есть неуязвима...

— Пусть я завтра проснусь с седой головой и морщинами — что ж!— я буду творить свою Старость — меня все равно так мало любили!

Я буду жить — Жизни — других.

* * *

Волос полуденная тень,
Склоненная к моим сединам.
Ровесник мой год в год, день в день —
Мне постепенно станешь сыном.

Нам вместе было тридцать шесть,—
Прелестная мы были пара!
И кажется — надежда есть —
Что все-таки — **не** буду старой!

1921.

* * *

...Я видала людей, которые прекрасно писали стихи — прекрасные стихи. А потом жили, вне наваждения, вне расточения, копя всё в строчки: не только жили — наживали (наживались!). И, достаточно пожив — разрешали себе стихи, как маленький чиновник — поездку на дачу, после департаментской зимы!

* * *

«Что с ним сделала жизнь»... Жизнь — но ведь это весны и лета и осени и зимы, и разливы реки, то есть опять весны — и лета — чтó они с нами — нам — делали, кроме доброго?

«Что со мной сделала жизнь?» — Стихи.

* * *

Так, заживо раздав
Жизнь: смехотворный скарб свой
Памятей — песен — слав...
Шагом царицы Савской,

Спускающейся в пруд
Лестницей трав несмятых
И знающей, что ждут
Ризы, прекрасней снятых

По выходе из вод...
Так стихотворный скарб свой
Раздариваю: вот! —
Жестом царицы Савской...

1922.

* * *

Есть священный инстинкт — и в этом меня подтвердит каждый пишущий — оберегающий нас от доверия к слишком легко давшемуся. Стихотворения, написанные в десять минут, всегда подозрительны.

Тот же священный инстинкт оберегает и настоящего читателя (т. е. не трутня) от доверия к слишком легко в него льющемуся.

* * *

...Слова в Ваших стихах большей частью заместимы, значит — не те. Фразы — реже. Ваша стихотворная единица, пока, фраза, а не слово. (NB! моя — слог.) Вам многое хочется, коечто — нужно, и ничего еще не необходимо — сказать.

...Вы еще немножко слишком громки.

* * *

Вот: слышится, а слов не слышу,
Вот: близится и тьмится вдруг...
Не знаю: с поля — или свыше —
Тот звук — из сердца ли тот звук...

— Вперед на огненные муки! —
В волнах овечьего руна

ОСТРОВ, ОМЫВАЕМЫЙ ПОЭЗИЕЙ

Сергей МАРКОВ

— Я помню себя маленьким ребенком четырех-пяти лет,— говорил Николас Гильен.— В моих воспоминаниях всплывают всадники, звон шпор, широкополые белые шляпы с дырочками на тулье и приветственные крики в честь генерала Гомеса. Мой отец в юности, до ухода на войну против испанцев, был серебряных дел мастером. Вместе с ним ушел на войну и мой дед — плотник. Дед мой был поэтом, хотя не напечатал ни одной книги. Я читал его стихи, сложенные в честь рек, птиц и красивых женщин. О моем деде рассказывают, что у него был индейский тип лица, смуглая кожа, черные шелковистые волосы и тонкие правильные черты. В ту эпоху он был для своего социального положения человек образованный, большой любитель книги. Многие побаивались его острого и беспощадного языка. Испытывая неистребимую ненависть к господству испанских колонизаторов, он отпустил бороду и поклялся не брить ее, пока на острове останется хотя бы один из них...

— Когда это только возможно,— улыбался Николас Гильен из-под своих старых толстых очков в массивной роговой оправе, в которых он почти на всех фотографиях,— я стараюсь не говорить о себе. Для меня это величайшая мука. Честное слово. Но я уважаю нашу с вами профессию — журналистику, я занимаюсь ею — страшно и смешно сказать!— больше шестидесяти пяти лет. Так что спрашивайте, молодой человек, постараюсь ответить на те вопросы, на которые сумею.

— Однажды я уснул,— отвечал Николас Гильен на мой вопрос о том, как родились его знаменитые «соны», короткие стихотворения с поразительно кубинским, ни на что другое не похожим ритмом; они и прославили Гильена на весь мир.— Уснул крепко, но вдруг проснулся. Показалось, что я слышу голос, отчетливо произносивший два слова: «негро бембон», «негро бембон» («негр-губошлеп»). Я встал и больше уже не мог уснуть. Всю ночь звучали во мне четыре слога, мои губы повторяли эти звуки, хотя и не было в них никакого смысла. К утру я написал стихотворение «Негр Бембон», потом еще восемь в этой же ритмической манере. Странное дело. Меня долго не оставляло чувство недоверия к своему авторству. Будто стихи мне не принадлежали, я только вытащил их из самых глубоких тайников моей памяти. Действительно, ведь я не изобрел ничего нового. Подобные стихи, поэмы писали и другие авторы — не только на Кубе, но и в Испании. Лопе де Руэда, Гонгора, Лопе де Вега... Но я хотел не только по содержанию, но и по форме выразить в поэтических образах кубинский национальный характер, ввести в старинный испанский романс напевы «сонов», которые народ Кубы распевает на улицах. Я хотел создать кубинское стихотворение.

Всю свою жизнь и всей своей жизнью Гильен создавал «кубинское стихотворение».

Я читал его воспоминания, встречался с ним несколько раз — в кабинете председателя Союза писателей и деятелей культуры Кубы и за столиком его любимого кабачка в Старой Гаване — «Бодегита-дель-медио». А дополнением и продолжением этих встреч были гаванские улицы, площади, парки, пляжи. Его стихи звучат всюду.

...На небольшом рыболовном сейнере «Аделита» мы рыбачили в Мексиканском заливе с Себастьяном, Федерико и Армандо. Ночь была парной, необыкновенно тихой. Мы разговаривали, рыбаки расспрашивали меня о Москве, о том, какие деревья у нас растут и какая рыба водится в реках и озерах... Потом Армандо принес из спального трюма гитару и запел грустную и очень красивую песню про остров Туригуано, и Себастьян с Федерико сразу ее подхватили:

...Остров Туригуано,
если бы стал ты свободным,
сбросив пиратов на дно,
встал средь морей полноводных,
остров Туригуано!
Да, сеньор,
так быть должно.

— Ты знаешь,— говорил мне Армандо,— Николас совсем непохож на других поэтов. Читаешь или поешь какой-нибудь «сон» и кажется, что... сам его написал, этот «сон». Все так просто и так здорово...

...Как-то на пляже я познакомился со стариком негром и его маленькой внучкой, похожей на куклу. Старик сидел в кресле и задумчиво смотрел на воду. Девочка что-то строила из мокрого песка. Я проходил мимо — он попросил спички. Мы разговорились.

— ...Ну, а с кубинской поэзией вы знакомы?— спросил он погодя.— Стихи Николаса знаете? Удивительный поэт, наш Гильен! Задумаешься — и не верится, что когда-то его не было на Кубе.

В рассветный час, в безмолвии глубоком,
бог знает, на каком пути далеком,
мне возвращает нежность детских грез...

Голос у старика был довольно сильный и точный, но иногда срывался, тряслась его худая морщинистая шея, то ли от дыма, то ли от старости слезились глаза; подошла внучка и, сделавшись сразу серьезной, запела вместе с дедом:

...когда, спеша на ветхий полустанок,
внезапно пробормочет спозаранок
«качу-лечу-калечу» паровоз...

...Много говорили мы о Гильене с певцами из музыкального движения «Нуэва трова», необычайно популярного на Кубе, особенно среди молодежи. Почти в каждом их концерте звучат «соны», элегии, баллады на слова Николаса Гильена.

— В нашем творчестве основную роль играют тексты песен,— говорил Пабло Миланес, один из основателей движения.— И этим мы отличаемся от обычной эстрады. Никогда не используем тексты, написанные так называемыми поэтами-песенниками. Мы пишем музыку на большую поэзию, на слова Сесара Вальехо, Лорки, Неруды и, конечно, Николаса Гильена. Кстати, ты знаешь, как Неруда назвал Кубу? Куба — это остров, омываемый поэзией Гильена...

Запомнился концерт на Кафедральной площади. Жаркими субботними вечерами там устанавливают эстраду и включают все прожектора. Артисты пантомимы показывают сценки из новых спектаклей, поэты читают стихи... В тот вечер, незадолго до моего отъезда в Москву, на площади выступали Пабло Миланес и Сара Гонсалес. На два голоса они пели песню на стихотворение Гильена «Порой». Было очень много народу.

Порой мне хочется банальным быть,
чтобы сказать: люблю вас больше жизни!
Порой я стать хотел бы сумасшедшим —
кричать: я вас люблю, люблю, люблю!
Порой мне стать хотелось бы ребенком —
свернувшись, плакать на груди у вас.
А иногда хочу я умереть,
чтобы в земле, впитавшей кровь мою,
почувствовать, как из груди моей
пророс цветок. Сказать:
он ваш, возьмите...

В тени аркады старинного, колониальной эпохи дома стоял и слушал певцов небольшого роста, очень пожилой человек в очках с массивной роговой оправой. Он только вышел из «Бодегиты-дель-медио». Я стоял неподалеку, и в какой-то момент — или показалось?— блеснуло что-то под стеклами очков. Он поспешно достал из кармана носовой платок, поднес его к лицу, повернулся и пошел по узенькой кривой улочке Эмпедрадо, ведущей от Кафедральной площади к центру Старой Гаваны.

Гавана — Москва.

Я к небу воздеваю руки —
Как — древле — девушка одна...

1918—1939.

* * *

...Моя неудача в эмиграции—в том, что я **не** эмигрант, что я по духу, т. е. по воздуху и по размаху — **там, туда, оттуда.** А содержания моего она, из-за гомеричности размеров — не узнала. Здесь преуспеет только погашенное и — странно бы ждать иного!

Еще — в полном отсутствии любящих мои стихи, в отсутствии их в моей жизни дней: некому прочесть, некого спросить, не с кем порадоваться. Все (немногие) заняты — другим.

...Не знаю, сколько мне еще осталось жить... но знаю, что до последней строки буду писать сильно, что слабых стихов — не дам.

* * *

Плотогон

В моей отчизне каждый
Багром и топором
Теперь работать волен.
Как я — своим пером.

Взгляни на плотогона!
Как бронзовый колосс
Стоит — расставив ноги!
Такой — доставит тес!

Работает шестом
Он — что скрипач смычком!

Когда в своем затворе
Сижу над словарем,
И бьюсь — и еле-еле
Уже вожу пером —

Я знаю: на реке
Есть те: с шестом в руке!

И если над строкою
Я слеп, и сох, и чах —
То лишь затем, чтоб пели
Меня — на всех плотах!

(Из тетради переводов.)

февраль — март 1941 г.

* * *

Никогда не забывай, что каждое мгновение твоей жизни ты — на самом переднем крае времени, что каждая точка земного шара, на которой ты сейчас стоишь,— это крайний край горизонта.

Ты сам — передний край времени.
Ты сам — крайний край горизонта.

Публикация, подбор и подготовка текстов А. А. СААКЯНЦ.

Ричардсон улыбнулся, вспомнив, как недавно пошутил в разговоре с Хейли. Точнее, не столько пошутил, сколько дал неплохой совет в несколько завуалированной форме. Глядишь, энергия майора обратится в другую сторону, подальше от дел его самого, полковника Ричардсона.

— Скажите, Стив,— спросил Ричардсон Хейли как бы вскользь,— вы когда-нибудь интересовались историей патентного дела?

На грубоватом — солдатский вариант внешности Гарри Купера — лице Хейли мелькнуло выражение растерянности.

— Да нет, Энтони. А в чем дело?

— Напрасно, Стив, напрасно. В ней много поучительного. Есть, в частности, очень важная для предприимчивого человека закономерность. Даже специалистам бывает порой трудно определить, насколько осуществима на практике идея, закрепленная патентом, тем более, каков будет эффект, если таковое осуществление все-таки последует. Как вы думаете, когда был выдан патент на флюоресцентную лампу? Не пытайтесь угадать, ошибетесь на целый век — в 1859 году! А коммерческий выпуск таких ламп в Америке начался лишь в 1938 году. Патент на автоматическую коробку скоростей датирован 1925 годом, а реализовали его автомобильные фирмы в массовом производстве только в пятьдесят третьем. Даже застежка «молния» пылилась в патентных архивах лет тридцать, пока не попала на первые джинсы. Причем, заметьте, речь идет не о каких-то изобретениях узкоспециального значения. На всех этих вещах заработаны миллионы, сотни миллионов!

Теперь уже лицо Хейли выражало крайнюю степень неподдельного внимания.

— Никогда не задумывался над этим, Энтони,— признался он.

— Патенты сегодня — это золотое дно, Стив. То, что сейчас можно купить за сто долларов, завтра принесет сто тысяч чистой прибыли. Точь-в-точь как с Модильяни. Когда-то в Париже в кафе «Ротонда» его рисунок мог получить за рюмку коньяку и чашку кофе любой турист. Теперь такой рисунок на бумажной салфетке — целое состояние.

Ричардсон развивал свою мысль уже вполне серьезно, забыв, что начал с шутки.

— Рекомендую вам обратить самое пристальное внимание на состояние патентного дела у русских. У них твердая государственная дисциплина, но есть возможности хорошо заработать. Сейчас они практикуют широкую торговлю патентами и лицензиями. Мы сами купили в России патент на способ и устройство для автоматической присучки оборвавшейся нити на прядильных машинах. Наши фирмы благодаря этому патенту освободились от тысяч работниц. Где секрет, где не секрет? Грань тут порой очень условна.

Ричардсон рассмеялся.

— Вам известна, Стив, моя записка о методах обработки в СССР зарубежной научной информации?

— Конечно, Энтони. Мы все пользуемся ею в своей работе.

— Так вот, она составлена на основе четырех популярных брошюр, которые мой человек купил в книжном киоске Политехнического музея в Москве за два рубля одиннадцать копеек...

Тут уж рассмеялся Хейли:

— Представляю, полковник, во сколько эта операция влетела нашим налогоплательщикам!

Энтони дружелюбно похлопал майора по плечу.

— Но ведь вы не сообщите об этом газетчикам?

Они расстались, вполне довольные друг другом...

Этого, к сожалению, Ричардсон не мог сказать о заключительной части разговора с Миллсом, когда шеф от благодушных рассуждений перешел к установке. Конкретной, четкой, обязательной к исполнению.

— Мы опасались,— говорил шеф,— что русская контрразведка подставила нам своего человека. Но подлинность метода получения замороженной крови заставила нас отказаться от такого предположения. Правда, чтобы проверить правдивость информации, пришлось пойти на риск — наши биохимики подняли в печати небольшой шум по поводу «своего» успеха. Судя по беспокойству в России, Советы никак не ожидали, что мы их опередим в этом деле. Проверили и по другим каналам. Русские только гадают, действительно ли мы опередили их или увели их собственное открытие.

Подозрительна разносторонность информации, полученной от этой мадам: первая ее передача содержала рецептуру нового лака для электроизоляции и конструкцию нового аппарата для промывания ран в полевых условиях. Вторая — кровь...— Миллс, пренебрегая правилами хорошего тона, запросто откусил кончик сигары, прикурил, стрельнув в потолок кольцом упругого сизого дыма.— Конечно, обе передачи могли быть организованы русскими, но безусловная подлинность данных, засекреченность работы по этим темам вроде бы исключают возможность дезинформации. Понятно, в таких случаях подмешивают для правдоподобия определенную порцию подлинных материалов, но именно определенную, не более того, иначе опасно.

— Значит, я могу продолжать акцию? — спросил Ричардсон.

— Непременно! От услуг Баронессы не отказывайтесь ни в коем случае. Только не довольствуйтесь тем, что она соизволит передать по собственному усмотрению. Приберите ее к рукам. С каким статутом она приезжает?

— Групповой туризм.

— Прекрасно! Встречу с ней не прерывать. Завершить договоренность в течение одной беседы. Все записать на магнитофон. Полученный материал постарайтесь оценить сразу. В случае затруднений срочно свяжитесь со мной, чтобы прийти к каким-либо выводам до того, как Баронесса покинет страну. Тщательно разберитесь в обстоятельствах, которые заставили Баронессу сотрудничать с иностранной разведкой. Узнайте ее биографию или версию таковой, выявите возможности в разведывательном плане, связи в советских научных сферах, круг знакомств.

— Условия сотрудничества?

— Можете не скупиться. Источник того стоит. Дайте Баронессе точные оперативные инструкции, договоритесь о паролях, местах встреч, сигнализации, тайниках и тому подобном. Ну, этому не вас учить.

«Слава богу, признал!» — с раздражением подумал Ричардсон.

— Самое главное,— сказал, завершая беседу, шеф,— создайте впечатление у этой русской, что вы представитель крупного европейского концерна. Это крайне важно для нас, ибо сейчас, как никогда раньше, мы не можем компрометировать себя.

Шеф попрощался и уехал на аэродром — у него были дела в других странах.

...Ричардсон машинально допил джин. Лед в стакане давно растаял. Смешать новый коктейль? Пожалуй, не стоит. Надо сохранить ясную голову.

Вчера Баронесса впервые появилась в салоне. Сегодня она придет снова. Что встреча состоится с ним, а не со старухой, она не знает, но, видимо, догадывается и готова к ней. Энтони взглянул на часы — в его распоряжении сорок минут. Вполне достаточно, чтобы доехать до салона старухи и войти в роль.

...До поздней ночи Ричардсон ходил по кабинету, обдумывал результаты встречи с Баронессой. Черт бы ее побрал, произошло именно то, чего опасался шеф. Баронесса пришла не одна — с приятельницей, сказала, что так надо: в группе могут обратить внимание на то, что она ушла из гостиницы куда-то одна. Разумно. Баронесса оказалась действительно умной, логично рассуждающей и решительной женщиной. С ощущением собственной вины Ричардсон вынужден был признать, что инициативой в разговоре владела Баронесса, навязывала ему свой план разговора. Старуха точно характеризовала ее, но он недооценивал наблюдательности старой женщины.

Он вошел в комнату после того, как мадам Дальберг по его незримому сигналу увела приятельницу Баронессы в помещение мастерской, где они и провели более часа.

Ричардсон представился красивой, по европейской моде одетой женщине как сотрудник международной посреднической фирмы, занимающейся внедрением в странах свободного мира технических изобретений и открытий. Говорил по-русски умышленно плохо, с ошибками.

— Надеюсь,— с некоторой иронией в голосе сказала собеседница,— ваша фирма пользуется достаточным весом в официальных кругах. Потому что мой друг и я не намерены мельчить. Нас интересует не только материальное вознаграждение, но и перспективы.

— Прошу уточнить.

Баронесса назвала многотысячную сумму — в любом западноевропейском банке на предъявителя.

— У моего друга,— продолжала она,— крупного ученого, есть в запасе и другие технические идеи. Их мы бы хотели реализовать. Разумеется, при вашем посредничестве, здесь, на Западе.

Дальнейший разговор продолжался в том же духе. Баронесса твердо стояла на своем.

— Мне почему-то кажется — и мой друг того же мнения,— что уже готовыми результатами его работы и его идеями могут заинтересоваться не только в этой стране и не только ваша фирма. Желаю успеха! — саркастически заявила Баронесса и встала.

Ричардсон вынужден был принять все ее условия.

Баронесса полагала, что дело сделано. Но она не была профессионалом в разведке. Она не заметила ловушек, расставленных опытным шпионом, сказала о своем друге

Теодор **ГЛАДКОВ**,
Аполлинарий **СЕРГЕЕВ**

ПОВЕСТЬ

Последняя акция Лоренца

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—27.

больше, чем следовало, и, наконец, проявила свой строптивый характер.

«Она слишком опасный партнер. На нее нельзя положиться,— рассудил Ричардсон.— Поняв, что ее обманули, такая не смирится. Будет искать другие контакты и рано или поздно найдет, если не провалится. Нет, если проблема сплава действительно так важна, надо добыть всю основную документацию по его изготовлению, а не только половину, которую передала эта бестия. Но как это сделать? Какое предложение по делу представить шефу? Послезавтра, получив определенные гарантии, Баронесса улетит. Времени на работу с ней не остается.— Ричардсон резко остановился посреди комнаты.— Черт побери, в конце концов научную работу ведет не она, а ее друг. Не сегодня, так завтра она захочет бежать с ним и с его помощью устроить свою судьбу. Нам нужен именно он — источник информации, а не она — всего лишь посредница, которая может провалить нашу операцию».

Доктор Визен, технический эксперт, с которым Ричардсон работает много лет, даже растерялся, настолько ценной уже при беглом ознакомлении оказалась информация, доставленная Баронессой. Очевидно, что источником может быть только весьма крупный специалист. Такой не иголка в стоге сена. Выйти на него можно будет и без помощи Баронессы, тем более что круг, где искать, уже обозначен (то самое «кое-что»).

Да, Баронесса — опасная женщина, очень опасная. И, в сущности, сама по себе она уже не нужна. Кроме хлопот и лишних улик, она с собой ничего не несет. Значит, другого выхода нет. Очень удачно, что в группе оказалась ее близкая приятельница. Получится загадка с двумя неизвестными.

Ричардсон разделся, принял душ, выпил два крепких дайкири и лег спать. Но уснул только к рассвету. Приказы, подобные тому, что он отдаст утром, ему приходилось в последние годы отдавать не так уж часто. И не любил он этого делать...

ГЛАВА 8

Незаметно жаркий август сменился бархатным сентябрем. Можно было продолжать работу по получению недостающей части технической документации. Для этого необходимо было непосредственно выйти на Барона — так полковник Ричардсон назвал для себя того русского ученого, который стоял за спиной Баронессы и был не только настоящим источником ее информации, но и автором или одним из авторов самой разработки сплава.

Получив одобрение шефа на осуществление своего плана, Ричардсон вернулся в столицу небольшой европейской страны для встречи с Лео Дальбергом. Сын Елизаветы Аркадьевны, которого молодой американский студент некогда учил боксировать и говорить по-английски, стал теперь преуспевающим дельцом. Он заведовал отделом сбыта одной из крупнейших в стране фирм, имеющей филиалы и за границей. Фирма была уважаемая, основанная еще в прошлом столетии, но ее отдел сбыта с той поры, когда его возглавил молодой и энергичный Лео Дальберг, стал не чем иным, как резидентурой Координационного центра научно-технической разведки, добывающей секреты в СССР и других европейских странах социалистического содружества. Директора фирмы, кроме генерального директора, об этой стороне деятельности заведующего отделом сбыта и не подозревали.

Ричардсон остановился в том же особняке, в котором жил и раньше. В его распоряжении было два свободных дня — Лео задерживался в служебной командировке в Гамбурге. Энтони использовал эти дни, чтобы отдохнуть и дочитать роман советского писателя Чаковского «Блокада». Книга навела на многие размышления, и Ричардсон невольно вернулся в памяти к тем предвоенным годам, когда он начинал свою работу против СССР с территории Финляндии, Эстонии и Латвии.

Да, ни он, ни тем более его тогдашние руководители в разведке не знали по-настоящему и не понимали Советской России. Зря они убеждали себя в том, что СССР — это колосс на глиняных ногах. Ноги у колосса оказались стальными, и он выстоял. Немцы и их сателлиты не смогли взять ни Москву, ни Ленинград, близ которого начиналась разведывательная биография Энтони Ричардсона.

Теперь этот сплав. Зачем, спрашивается, красть у русских их производственные секреты, пускай даже очень важные, если мы сильнее? Естественно, кто-то в чем-то сильнее, в чем-то отстает. Но в таких случаях покупают патенты, лицензии, в ряде случаев готовые изделия. Значит, дело много сложнее. Политическое противостояние обусловливается экономическим, техническим, научным противостоянием. Это аксиома. Разведка не министерство внешней торговли. Она не покупает патенты даже на сверхвыгодных условиях, у нее другие цели и соответственно иные методы. Важно не только усиливать свою экономическую и промышленную мощь, нс и ослаблять противника. С точки зрения разведки мы с русскими не друзья-соперники, как спортсмены на Олимпийских играх. Мы враги. Мы не соревнуемся, а воюем. Кто кого. Отличие нашей войны от обычной лишь в том, что она не заканчивается мирным договором. Она вообще бесконечна. Удачами или поражениями в ней заканчиваются лишь отдельные схватки, операции, сражения, но не сама война.

Металлы, сплавы, сталь — одно из магистральных направлений экономики любой страны. Наряду с энергетикой они определяют все и вся. И он, полковник Ричардсон, должен внести свою лепту в экономическое развитие Запада. Разумеется, он будет вознагражден за это. Его сыну обеспечена карьера. Все будет, вот только... справится ли с задачей местное бюро службы во главе с Лео? А если случится провал? Провалы в разведке не новость, за это, конечно, по головке не погладят. Дело тут не в Лео и его сотрудниках. Беда, если потерпит неудачу на финише разведывательной деятельности он, Ричардсон. Времени, чтобы поправить дела, компенсиро-

вать неудачу «другим разом», у него уже не будет. Хорошо, что магнитофонную запись беседы с Баронессой он успел уничтожить, имитировав технический брак, и доложил шефу дело куда оптимистичнее, нежели оно того заслуживало. Но, спрашивается, во имя чего? Во имя чего он вообще работал всю жизнь, если колосс на глиняных ногах становится год от году все сильнее?

Старушка Европа переживает тяжелые дни. Из Вьетнама американцам пришлось уйти далеко не с почетом. Из Камбоджи тоже. Какие-то слаборазвитые страны стали развивающимися и начинают выдвигать свои условия, как, например, в истории с нефтью. О Ближнем и Среднем Востоке вообще лучше не думать. Работать становится все труднее. Может быть, он, Ричардсон, просто постарел и безнадежно отстал? Но в Координационном центре и сравнительно молодые разведчики мыслят так же. И зачем только господь бог дал ему разум? Неужели лишь затем, чтобы на старости лет внести смятение в его душу?

...Энтони Ричардсон и Лео Дальберг встретились на Торговой набережной, неподалеку от причалов Лесной гавани. Сырой и холодный ветер неприятно сек лицо. Не верилось, что какой-нибудь час назад, перед закатом солнца, стоял теплый день и можно было купаться. Собеседники были вынуждены поднять воротники плащей и плотнее надвинуть шляпы, чтобы не сорвало порывистым нордостом.

Говорил главным образом Ричардсон:

— Итак, Лео, на долю твоего бюро и тебя лично выпала очередная, исключительно важная задача. В России успешно работают над сплавом ответственного назначения, в котором чрезвычайно заинтересованы и мы. Научным учреждением в этом деле у них является институт, который возглавляет твой дядюшка Осокин. Видимо, ты плохо изучал своего знаменитого родственника, если не знал до сих пор такой важной вещи.

— Но он не говорит со мной на научные темы. И потом, Энтони, вы мне сами не рекомендовали...

— Ладно-ладно, рекомендовал, не рекомендовал... Не будем спорить. Ты правильно вел себя, был предельно осторожен. Так вот, сам понимаешь, нам пришлось потрудиться, чтобы, располагая только отрывочными сведениями, составить программу, вложить ее в ЭВМ и получить данные, необходимые для оперативных действий. Итак, директор института, как я уже сказал, твой дядя. Не буду называть всех его основных сотрудников, секретаря парткома и председателя профсоюза. Они к делу отношения не имеют. По нашим данным, логике и расчетам ЭВМ, человек, которого мы ищем,— это заместитель Осокина по науке. Его зовут Михаил Семенович Корицкий. Он сын известного в прошлом покойного профессора Корицкого. Мы постарались навести о Корицком Михаиле справки, насколько позволяло время. Доктор наук, талантлив, честолюбив, но слабоволен. Я особо подчеркиваю — слабоволен.

— Что-то зябко очень,— перебил Лео, впрочем, слушавший шефа очень внимательно.— Может быть, зайдем к нам, Энтони? У Кристины готов ужин. Отогреемся и продолжим разговор.

— Что ж, согласен,— махнул рукой Ричардсон.— Я тоже окоченел на этом ветру. Пара рюмок русской водки и ужин сейчас будут как нельзя кстати.

Более похожая на южанку, нежели на уроженку Севера, очаровательная Кристина Дальберг встретила гостя чрезвычайно радушно. Она прекрасно знала, что материальное благополучие ее мужа зависит от этого седовласого, но еще крепкого и моложавого американца. Знала она также, что как женщина очень нравится Ричардсону, но знала и то, что, несмотря на это, сразу после ужина ей следует удалиться и оставить мужчин вдвоем для делового разговора.

На сей раз Кристина ошиблась: после ужина мужчины снова ушли. Из конспиративных соображений Ричардсон предпочел инструктировать Лео не в его доме, и не в гостинице «Эксельсиор», где он про запас снял номер, и не в ателье госпожи Дальберг, где была установлена совершенная записывающая аппаратура, вовсе, как мы знаем, не повинная в том, что запись беседы с Баронессой оказалась уничтоженной.

Комнаты для конспиративных встреч в самой квартире владелицы салона регулярно и тщательно проверялись офицерами безопасности Координационного центра — не появились ли в них чужие подслушивающие устройства. Всего можно ожидать, если салон посещает столько иностранцев.

Как бы то ни было, Ричардсон предпочел продолжить инструктивную беседу с Лео на набережной. Благо после нескольких рюмок «Московской» и сытного ужина ветер с моря уже не казался таким пронизывающим. Разговор, неторопливый и обстоятельный, длился около часа. Затем Ричардсон и Дальберг расстались. На следующий день сотрудник отдела сбыта Хассо Моргенштерн, свободно владеющий русским языком, получил задание шефа немедленно отправиться по служебным делам в Москву.

По странному совпадению, в тот же день и час (с учетом разницы поясного времени), когда названный выше Хассо Моргенштерн покидал здание советского консульства, где получал визу на въезд с деловой целью в Советский Союз, генерал Ермолин вызвал к себе полковника Турищева. Пожав Григорию Павловичу руку и пригласив сесть, Владимир Николаевич неожиданно для того сказал:

— Вчера вечером я перечитывал Лукреция «О природе вещей». И напал на одно прелюбопытнейшее место. Вот послушайте, специально выписал.

Ермолин извлек из кармана аккуратно сложенный вчетверо листок бумаги, развернул и, приложив к глазам очки, раздельно, даже с некоторым пафосом прочел:

«Вещи есть также еще, для каких не одну нам, а много
Можно причин привести,
но одна лишь является верной.
Так, если ты, например,
вдалеке бездыханный увидишь
Труп человека, то ты всевозможные смерти причины
Высказать должен тогда, но одна только истинной будет.
Ибо нельзя доказать, от меча ли он умер, от стужи,
Иль от болезни какой, или, может быть также, от яда,
Но, тем не менее, нам известно, что с ним приключилось
Что-то подобное...»

Владимир Николаевич положил очки, свернул листок и сунул в стол.

— Вот так, Григорий Павлович. Перевернем мысль Лукреция. Что получим? Истинная причина чего-либо одна, но, чтобы найти ее, высказать надо много. А мы уткнулись в одну-единственную...

— Лукреций, конечно, прав, но я не совсем понимаю вас, Владимир Николаевич,— пожал плечами Турищев.

— Не в стихах дело, Григорий Павлович, даже если это гениальные стихи. Но они повод для размышления. В данном случае это важнее. Вы знаете, какой завтра день?

Дожидаться ответа Ермолин не стал.

— Я знаю, что знаете. Но не это имел в виду. Завтра сороковой день с кончины Котельниковой, сороковины. В бога нынешние москвичи в массе своей справедливо не верят. Но обычаи чтут. И в этом ничего плохого нет. Так вот, по этому старинному, не нами придуманному обычаю завтра на Головинском кладбище соберутся все, кому при жизни Котельникова была близка и дорога.

В каком-то смятении Турищев приподнялся даже несколько со стула.

— Вот вы и поняли меня, Григорий Павлович. Я должен послезавтра иметь фотографии каждого, кто завтра приблизится к могиле Котельниковой. Впрочем, мать и мужа можно не снимать.

...Через день генерал разбросал по столу ворох фотографий. Среди них сразу выхватил взглядом одну. На ней было запечатлено горестно растерянное лицо человека, которого он видел на юбилее в осокинском институте. В президиуме, рядом с Осокиным...

ГЛАВА 9

В тот день случилось событие чрезвычайное, хотя и не столь уж неожиданное, как выяснилось позднее.

В одиннадцать часов семнадцать минут утра в приемной Комитета государственной безопасности раздался телефонный звонок. Подняв трубку, дежурный услышал глухой мужской голос:

— Говорит профессор Корицкий.

— Здравствуйте, товарищ Корицкий, слушаю вас.

— Прошу дать мне номер телефона какого-либо ответственного сотрудника, с которым я мог бы поговорить об одном важном деле.

— Сообщите номер вашего телефона, и наш сотрудник сам позвонит вам,— вежливо ответил дежурный.

Собеседник, видимо, не ожидал такого поворота. Он несколько растерялся, но все же назвал номер служебного телефона, повторил фамилию, назвал имя и отчество: Михаил Семенович.

В одиннадцать часов сорок минут о звонке Корицкого знал полковник Турищев, в одиннадцать сорок пять — генерал Ермолин.

— Что будем делать, Владимир Николаевич?— спросил Турищев.

— Нужно немедленно встретиться с Корицким, Григорий Павлович. Мы не знаем, что он имеет сообщить нам, но, без сомнения, нечто весьма важное. К нам его приглашать не стоит. Лучше всего побеседовать с Корицким у него в институте. Позвоните ему. Пусть закажет нам с вами пропуска.

Через час Ермолин и Турищев входили в кабинет заместителя директора научно-исследовательского института. Навстречу им из-за письменного стола вышел крупный, хорошо, даже изысканно одетый мужчина, несколько рыхловатого, правда, сложения. Он держался уверенно, но от внимательного взора Ермолина не укрылось, что внешнее спокойствие и уверенность даются этому человеку с огромным трудом.

Мужчины представились друг другу, а затем уселись в кресло возле большого, выходящего во внутренний институтский двор окна.

— Так слушаем вас, Михаил Семенович,— осторожно начал разговор Ермолин.

Не глядя ему в глаза, Корицкий быстро выговорил фразу, которую, должно быть, приготовил заранее:

— Я должен заявить о совершенном мною государственном преступлении. Преступлении, стоившем жизни женщине, которую я любил больше всего на свете...

...Источник информации, проходивший у полковника Энтони Ричардсона под псевдонимом Баронесса, никак не мог вызывать даже малейшего подозрения у советских органов безопасности. Человек, укрытый за этим «титулом», оставался вне поля зрения контрразведки отнюдь не потому, что обладал большим опытом или каким-то особым талантом конспиратора.

Просто-напросто он не являлся шпионом в привычном смысле слова. Это не был заброшенный из-за кордона в Советскую страну иностранный разведчик, прошедший профессиональную подготовку. Этот человек не служил в рядах Советских Вооруженных Сил, не являлся работником какого-либо важного государственного учреждения, оборонного предприятия или закрытого научного центра. Он никогда бы не привлек к себе никакого внимания, если бы в целях личной наживы не встал на путь предательства интересов нашей страны.

Как Баронесса стала предательницей?

Никакое самое тщательное изучение ее анкет, родословной, характеристик, внешних событий прошлой жизни не позволило бы зацепиться за какой-нибудь крючок, способный дать хотя бы видимость объяснения самого тяжкого преступления, которое только может совершить человек,— измены Родине.

Баронесса по своему происхождению вовсе не была баронессой. Этот псевдоним Ричард-

сон дал ей просто так, за осанку и властные манеры. Не была она и внучкой замоскворецкого купца-миллионщика, потерявшего в октябре семнадцатого года свои миллионы и передавшего через поколение ненависть к Советской власти. Она не имела богатой тетки в Израиле или дядьки в Канаде. Никто из ее близких не служил в так называемой РОА, более известной под названием власовской, не был в бандеровских бандах.

«Яблочко от яблони недалеко падает», «Каков поп, таков и приход» — эти и другие подобные поговорки много лет облегчали жизнь людям, привыкшим всегда и во всем находить готовые объяснения. Куда как легче что-либо скверное, происшедшее в нашем доме, просто объяснить тлетворным влиянием Запада или «не тем происхождением». Конечно же, в жизни Баронессы должны были быть и определенные обстоятельства, толкнувшие ее в конце концов к измене. К этому Баронессу подвела собственная логика развития ее характера.

Означает ли все это, что никак нельзя понять, объяснить поступки человека?

Можно. Но лишь до известной степени. Потому что никогда нормальный человек, для которого любить свою Родину столь же естественно, как дышать, не поймет изменника и предателя, даже если и найдет точное объяснение самому факту предательства и измены.

Не один день впоследствии бились сотрудники генерала Ермолина, восстанавливая шаг за шагом жизненный путь Баронессы. Снова беседовали с немногими ее родственниками, а также редкими приятельницами, одноклассниками и бывшими сослуживцами, изучали сохранившиеся документы и письма, делали определенные выводы, анализировали обстановку, в которой она жила и работала.

...Баронесса родилась в 1932 году на окраине Москвы, в Черкизове. Отец ее — Александр Петрович Локтев — работал наладчиком станков на тонкосуконной фабрике близ нынешней железнодорожной платформы Электрозаводская. Мать на той же фабрике стояла за станком. Детей в семье было двое: она, Инна, и брат Олег, старше ее на семь лет. Жили Локтевы в небольшом собственном домике на Шитовой набережной. Дом этот построил своими руками еще дед Локтев, купив на многолетние сбережения участок на берегу Архиерейского пруда. В таких домах здесь, в Черкизове, селились мастеровые с достатком и ломовые извозчики. Дом стоял на высоком кирпичном фундаменте с добротным подполом. Почти все черкизовские держали кур, уток и гусей. Птица эта с ранней весны и до поздней осени свободно разгуливала по Шитовой, Обуховской и другим улочкам, сбегавшим к пруду. Утки и гуси бороздили спокойную воду, уплывая к другому берегу, где на косогоре в окружении лиственных деревьев стояла, сияя позолотой куполов, церковь. Яйца, а осенью и битую птицу иные черкизовские ели сами, иные же продавали на Дангауэровском или Преображенском рынках.

В тридцатые годы на Преображенке и в Черкизове стали строить пятиэтажные дома. На Семеновской площади появился двухзальный кинотеатр «Родина» — один из лучших в Москве, рядом вырос наземный павильон станции метро. Но в целом район оставался одноэтажным, тихим уголком довоенной столицы.

Главным человеком в семье Локтевых была мать — Павла Игнатьевна. На ее энергии держались в доме и порядок и достаток. А достаток был, и по тем временам немалый, хотя и тщательно охраняемый от постороннего глаза. Основой этого достатка была вязальная машина — единственная ценная вещь, которую Паша Субботина принесла в дом Локтевых в качестве приданого. Сноровистая и хозяйственная Паша умела вязать на этой машине и чулки, и платки, и полушалки, и даже кофточки. И все это — между работой на фабрике и домашними заботами.

Первые годы Паша вязала для своей семьи, иногда для соседей и подруг. Но потом у нее стали появляться и клиенты со стороны. Платили они не только деньгами, но и дефицитными продуктами и ширпотребом. Доход от машины стал превышать общий семейный заработок Локтевых, о чем, правда, бесхитростный Александр Петрович долгое время и не подозревал. Только жившая вместе с ними мать Паши, Евдокия Васильевна, говорила ей иногда:

— И что ты так маешься, дочка? Нельзя ж так, вон какие подглазищи у тебя. На фабрике работаешь и дома не отдыхаешь. Ну, вязала бы немного, чтобы сытыми быть, и ладно.

— Не твое это дело, мать. Сколько хочу, столько вяжу. Не из дому ведь, а в дом,— отрубала Паша.

Евдокия Васильевна только качала укоризненно головой, дивилась, откуда у дочки такая жадность взялась. Ни у самой, ни у ее покойного мужа — рабочего такой жадности не было.

Жизнь постепенно улучшалась, но хороших вязаных вещей в магазинах было мало, и спрос на Пашины изделия даже возрос: денег свободных у людей стало больше. Чтобы управляться со всеми выгодными заказами, Павла Игнатьевна уволилась с фабрики и устроилась в промартель, где ткали суровье и грубошерстные одеяла. Часть этой продукции кустари производили на дому: одни ткали, другие красили, третьи сушили суровую ткань в сушильных машинах, установленных в сараях и полуподвалах.

Александру Петровичу было стыдно за жену. Но что ей скажешь, если Олежка и Инночка учатся, ходят чистенькими, ухоженными, дома порядок и достаток.

Началась война. Сразу обезлюдело Черкизово. Мужчин почти вовсе не стало на улицах — одни старики, женщины да подростки. В середине июля в армию призвали и Александра Петровича, а в октябре Павла Игнатьевна получила похоронку — извещение, что красноармеец Локтев пал смертью храбрых под Смоленском. Последнее письмо-треугольничек пришло от мужа уже после похоронки...

С этой поры, по существу, началась для Инны самостоятельная жизнь. Детство кончилось. Мать, сравнительно молодая женщина, заметно осунулась и поседела. Черты лица, некогда красивого, заострились, и раньше-то неулыбчивая, она стала еще строже и черствее. Работала много в артели и еще больше — дома. Вязала теперь только толстые мужские носки и платки для женщин — самый ходовой товар в ту первую военную зиму, как никогда морозную. Под Новый год умерла бабушка, Евдокия Васильевна. Вместе с нею ушло из дома и последнее тепло.

Школы в Москве той зимой не работали. Олег поступил учеником на авторемонтный завод. Дома не бывал сутками. Приходил лишь помыться, переодеться да чуть поспать. Мать спешила накормить его посытнее. Провожая на завод, вкладывала в оставшуюся от отца рабочую сумку полбуханки хлеба, банку мясных консервов, завернутый в тряпицу кусочек сала, еще что-нибудь.

— Мам, куда мне столько? Я же не съем. У меня рабочая карточка, нас в столовой кормят.

— Молчи уж! Дают, так бери. Знаю, как в вашей столовке кормят. А тебе еще расти надо. Да смотри, ешь потихоньку, других не угощай, нелегко мне эта еда достается,— сурово напутствовала она сына.

Опустив голову, Олег выходил из дому. В цехе его уже ждали — рабочий класс из таких же, как он, подростков моментально уничтожал содержимое сумки.

Инна продолжала ходить в школу, хотя занятий и не было. Здесь девочки из старших классов, не уехавшие в эвакуацию, вязали для красноармейцев носки и варежки, шили вещмешки и кисеты. Работали девочки старательно, Инна — лучше всех. В свои девять лет она умела и шить и вязать.

С вечера мать наказывала Инне, что надо с утра сделать, какие продукты выкупить по карточкам после школы. А потом... Потом она допоздна работала с матерью на вязальной машине, помогала ей прятать готовые изделия и мотки ниток в чулане.

Старых заказчиц уже не было. Вместо них приходили какие-то две пожилые женщины, торопливо забирали от матери платки, носки и чулки, так же торопливо отсчитывали деньги и выкладывали продукты. Это были посредницы, мелкие хищницы. Кто-то за ними действовал ловко и изворотливо. Павла Игнатьевна получала за левую работу немало, но основной куш срывали невидимые организаторы этой черной фирмы.

Так незаметно, исподволь Инна усвоила, что прожить можно всегда, в любых условиях и везде. Была предусмотрительна: отправляясь в школу (осенью сорок второго года они снова открылись), заготовляла небольшие бутерброды, чтобы можно было потом незаметно съесть. Училась Инна хотя и не на круглые «отлично», но все же лучше многих одноклассников, потому что знала цену времени. Мать часто приговаривала: «Раньше встанешь, больше напрядешь. Наживать — так рано вставать».

В сорок третьем году ушел на фронт Олег. В боях за Будапешт его ранило. После госпиталя воевал еще и с японцами. Демобилизовавшись после второго ранения, снова стал работать на авторемонтном заводе. Вскоре он женился и перешел жить к жене: там он чувствовал себя проще и свободнее, чем дома.

Куда больше, чем уход сына, потрясла Павлу Игнатьевну денежная реформа 1947 года. Денег в сберкассе она не держала — считала, что ненадежно, да и боялась, что поинтересуются, откуда у нее столько. Сколько потеряла Павла, никто не знал, но удар выдержала. Оставались скупленные по дешевке возле пивной на Преображенском рынке облигации и сундуки с «трофейным» барахлом — приобретенными на той же Преображенке и в комиссионных магазинах Столешникова переулка немецкими отрезами и другими вещами. Среди них были даже два аккордеона, роскошно отделанных под перламутр с серебром. Имелось у Павлы Игнатьевны даже кое-какое золотишко, а также платиновые кружочки. Их одно время свободно продавали в ювелирных магазинах на вес — для зубных коронок.

Ценности эти были приданым для Инны и запасом, надежным капиталом на черный день. Инне нравилось и ее приданое, и просто те вещи, которые она могла бы надеть. Таких вещей никто из соседей не только не носил, но и не видывал. Но осторожная Павла Игнатьевна не давала их Инне. Только Олегу к свадьбе отдала заранее приготовленные пальто, костюм из коверкота, три рубашки, два галстука, четыре пары белья и ботинки. Невестке подарила связанную самой шерстяную кофточку и кожаные добротные сапожки с меховой оторочкой, очень тогда модные.

В последнюю школьную зиму Инна неожиданно увлеклась кино. В ту пору экраны московских клубов буквально захлестнула волна так называемых «трофейных» кинокартин. «Девушка моей мечты», «Индийская гробница», «Не забывай меня» и другие фильмы стали для Инны настоящим откровением. Скромное черкизовское существование после шикарной киножизни казалось Инне до невыносимости убогим и обидным. Эти чувства усилились и окрепли, когда девушка установила, что она красива. Инна была приятно польщена, что мальчишки из соседней мужской школы прозвали ее Зиттой по имени героини нашумевшего трофейного боевика «Индийская гробница». Прозвище закрепилось за ней прочно и надолго.

Школу Инна закончила с серебряной медалью. Это раскрывало перед ней любые двери, так как медалистов тогда принимали в институты без экзаменов. Ребята из мужской школы поголовно несли свои аттестаты в технические вузы и военные училища, большинство одноклассниц колебалось между медицинским и педагогическим. Анатомичка заранее вызывала у Инны отвращение, к технике она просто не питала никакой склонности, против педагогического резко восстала мать:

— Да как они живут, твои учителя? Домой приносят меньше нашего Олега.

Конец колебаниям пришел, когда подруга Инны Танечка Александрова, тоже не знавшая, куда поступать, поведала ей с чьих-то слов, как интересно учиться в полиграфическом.

— Фамилию твою будут на книгах печатать, с писателями познакомишься. Красота!

Так Инна Локтева стала студенткой Московского полиграфического института.

Продолжение следует.

О. Кипренский. ПОРТРЕТ А. С. ПУШКИНА. 1827.

О. Кипренский. ПОРТРЕТ О. А. РЮМИНОЙ. 1826.

ЗЕМЛЯ ЕМУ — ВЛАСТЬ И СПАСЕНЬЕ

Полтора десятилетия назад в центральной печати появилась статья, которая называлась «Живет в Вологде поэт...». В статье говорилось о том, что «размышляя о судьбах страны, поэт замечает все перемены, которые принесла революция, гордится ими, видит, как преображается его родная северная деревня, и не может не сказать: «И когда я кричу, что деревню люблю,— это значит, Россия, я тебе в этом чувстве признаться хочу. Ты иная сегодня. Ты в космос врубилась... Но и громом ракетным встречая свой день, я хотел бы, Россия, чтоб ты не забыла, что когда-то ты вся началась с деревень...» «Живет в Вологде поэт Сергей Викулов,— писал Николай Асанов,— и пусть у него будет как можно больше читателей, ибо это поэт глубокого чувства, любви к людям и миру».

Известный советский поэт, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького, секретарь Правления Союза писателей РСФСР, главный редактор журнала «Наш современник» Сергей Васильевич Викулов давно уже живет и работает в Москве, но, пользуясь названием той давней публикации, по-прежнему можно сказать, что «живет в Вологде поэт...». Точнее, он живет Вологдой, родиной своей малой, памятью о ней, свиданиями с ней. Поэт Сергей Викулов — певец русского Севера, Белозерья, края первозданной красоты, восславленного сказами, стихами, песнями. Вслед за одним из своих героев, деревенским кузнецом, он может воскликнуть:

Я от земли, от дел моих
привычных
Свободы не хотел и не хочу!

А вот строки, ставшие известными читателю:

Стихи мои о деревне,
И радость моя, и боль!

В них все: и любовь поэта к деревне, где он родился и вырос, и его поэтическая судьба, накрепко связавшая его музу с деревенской темой, с размышлениями о нелегком труде крестьянина, с нежной заботой о том, чтобы выжила мать-природа, и, наконец, в этих словах выражено художническое постоянство поэта. Чувство природы, чувство Родины и народа слиты воедино и навсегда в творчестве Сергея Викулова. Это чувство не умозрительно, а обнаженно-конкретно: он воспевает не только Россию-Родину, так сказать, живую и близкую всем, кто ее «населяет», но и вполне конкретный, географически обозначенный край — Вологодчину, конкретную ее природу, вот эту реку, это озеро, этот луг, это небо, это дерево. Я уверен, что даже в названии одного из последних сборников поэта «Прости, береза» зафиксирована «судьба» вполне реальной, имеющей конкретную прописку русской березы. Это качество в особенности привлекает читателя. Как часто мы замечаем, что нас раздражают стихи, написанные вроде бы гладко и красиво о таких святых всем и каждому понятиях, как Отечество, Русь, Родина, но не трогающих, не волнующих, не обжигающих нашу душу. Потому что стихи ни о чем, они вроде бы о некоем чувстве любви, но этого осязаемого чувства любви нет. Сергей Викулов в своих стихах предстает перед читателем ревностным патриотом воспевания народной жизни. Источник его поэтического вдохновения — природа, деревня, человеческая красота. Считают, что после Исаковского, Прокофьева, Твардовского он один из самых искренних, самых последовательных певцов крестьянской России на новом ее этапе. В его стихах не пассивная созерцательность, не любование пейзажами, а глубокое проникновение в народную душу, осмысление социальных, нравственных и патриотических ее начал.

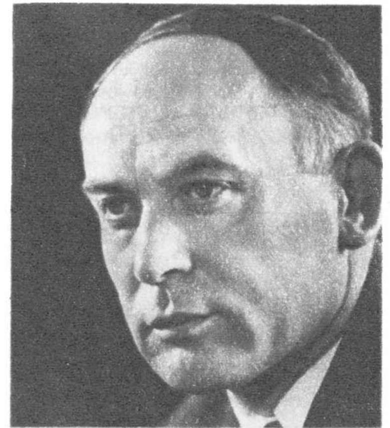
— У людей моего поколения,— говорит Сергей Васильевич,— очень длинная «лента» памяти. Можно сказать, «многосерийная». Все, чем мы жили, осталось в памяти навечно. Родившиеся в начале двадцатых годов, мы помним еще своих меринков, на коих держалось немудрящее мужицкое хозяйство, свои наделы в поле, свои сенокосы в лугах; помним, уже более отчетливо, шумные сходки, на которых на все лады склонялось новое и незнакомое для деревни слово «колхоз»; помним, как лошадки, которых мы, бывало, подкармливали с рук корочками хлеба, стали для нас не своими, а *нашими*, колхозными; помним первые, в ту пору очень многолюдные и потому веселые и шумные выходы на работу...

Да мало ли чего помним мы, выходцы из крестьян — и те, что остались в деревне, и те, что, подучившись, ушли в города.

Наша память, моя память, как человека и писателя, замешана на цементе самой высшей марки, название которому — любовь к отчему краю... Наверное, поэтому все или почти все мои стихи посвящены деревне, родным местам, родной вологодской земле.

Есть у поэта стихотворение «Моя родословная». В его строках — гордость за все, что дала современному поэту судьба, чувство собственного достоинства человека, родословные корни которого уходят в самую гущу народа:

Оглядываюсь с гордостью назад:
прекрасно родовое древо наше!



Кто прадед мой? — Солдат
и землепашец.
Кто дед мой? — Землепашец
и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец...

И все ж я горд,—
свидетельствую сам! —
что довожусь тому сословью
сыном,
которое в истории России
не значится совсем по именам.

Не значится... Но коль невмоготу
терпеть ему обиды становилось,
о, как дрожать вельможам
доводилось,
шаги его расслышав за версту!

Ничем себя возвысить не хочу.
Я только ветвь на дереве
могучем.
Шумит оно, когда клубятся
тучи,—
и я шумлю... Молчит — и я молчу.

Феликс МЕДВЕДЕВ.

Г. ГОГОТИШВИЛИ

ГАМЛЕТ В БАЛЕТЕ

...Тишину зрительного зала прорежут три резких, тревожных аккорда, три возгласа оркестра, как крик души,— трагический лейтмотив вступления. Уйдет в стороны занавес, открыв взгляду почти пустую сцену; только задник с прописанными на нем суровыми, мрачными стенами Эльсинора, которые неожиданно кажутся объемными, да огромная решетка — нечто вроде подъемного моста, на тяжелых цепях медленно уходящая к колосникам. И когда мост поднимется, на темной сцене яркий луч высветит одинокую фигуру Гамлета. Медленный проход к рампе... И вдруг, окутанный густой мглой, глубокий двор-колодец эльсинорского замка словно взрывается трагическим монологом Гамлета, узнавшего о смерти отца. Скорбь и отчаяние владеют его танцем, словно бросают его в вихревые вращения на сцене.

Так начинается новый балет «Гамлет» Р. Габичвадзе, поставленный на сцене Саратовского театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского А. Дементьевым (либретто А. Хандомировой и В. Чабукиани).

Суровая эмоциональность музыки, сумрачная окраска лаконичного оформления с первой же сцены, как камертон, дают настрой спектаклю. Начав его высокой трагической нотой, балетмейстер не снижает страстный накал вплоть до финала.

Разумеется, при перенесении на балетную сцену пьеса неизбежно что-то теряет. И это нельзя объяснить только «вольностью» обращения с классикой. Нет, Дементьев поставил высокую трагедию, образы ее поднимаются до символического обобщения. А, скажем, сцена с могильщиками, опущенная в спектакле, неизбежно бы потянула за собой какой-то бытовизм, снизила бы в определенной мере трагедийность спектакля.

Балетмейстер не ставит перед собой задачу пересказать сюжет трагедии, перевести каждое ее слово в танцевальную речь: это повело бы, возможно, к созданию балетной иллюстрации к шекспировской пьесе. Дементьеву удалось главное — сохранить внутренний смысл событий, показать движение человеческих характеров. Он поставил Шекспира, открывая его шекспировским же «ключом», оставаясь верным стилю и духу великого драматурга. Не спектакль интриги, а «жизнь человеческого духа», трагедия человека в мире лжи, разврата и зла интересуют балетмейстера.

«Гамлет» получился не «отанцованной» пьесой, а полноценным художественным полотном, при композиционном единстве музыки, хореографии и сценографии.

Художник В. Коршикова создает образ шекспировской эпохи. Клубящиеся над неприступными стенами Эльсинора мрачные тучи, решетка-мост, решетки в руках придворных — метафорический образ Дании-тюрьмы; жемчужная гамма костюмов придворных дам, тревожно перебитая ало-золотым всполохом королевского плаща Клавдия и платья Гертруды,— все соответствует характерам героев, взаимодействует с трагической, насыщенной философскими раздумьями музыкой известного советского композитора Р. Габичвадзе, хорошо чувствующего специфику балетного театра. Музыка основана на ярких контрастах, на сочетании острых драматических ситуаций с лирико-задушевными. Таковы дуэты Гамлета и Офелии.

Эпизоды первого действия даны в сложной последовательности, оправданной балетмейстерским решением. Что не вызывает никаких сомнений, так это выразительная режиссерски, абсолютно «шекспировская» находка балетмейстера с траурными лентами, которые он талантливо обыгрывает. Эти ленты на рукавах придворных — траур по королю, отцу Гамлета.

Гамлет осыпает траурными повязками брачное ложе Гертруды, упрекая ее в измене памяти мужа. В траурных лентах, а не в цветах выходит несчастная Офелия... Многозначное использование лент подчеркивает, усугубляет трагедийность настроения, психологическую насыщенность балетного действия. Вообще у Дементьева много прекрасно поставленных эпизодов (сцена Гертруды и Клавдия в первом действии; «мышеловка»; сцена дуэли Гамлета и Лаэрта; финальная сцена).

Главная же удача спектакля — роль Гамлета, созданная Г. Альбертом. Сочетание высокого актерского мастерства и великолепной техники ленинградской школы (Г. Альберт — ученик знаменитого педагога А. И. Пушкина) позволило создать психологически интересный образ, живой, наделенный глубокими чувствами.

«Станцевать» Гамлета сможет любой артист балета, обладающий техникой определенного уровня. Но создать роль так, чтобы зритель принял Гамлета в балете, дано не каждому. Здесь нужен актер, которому есть что сказать зрителям. Альберт, мне кажется, и есть такой актер — думающий, размышляющий. И таков его Гамлет, в характере которого актер удивительно тонко передает сплав психологических противоречий. Он мститель. И при этом — незащищенность души, которую смертельно ранит предательство; презрение к матери — и нежность к ней... Малейшие, едва уловимые оттенки переживаний отражаются на его лице. Гамлет смягчается, светлеет в адажио с Офелией; торжеством сверкают его глаза, обращенные к уличенному им Клавдию в сцене «мышеловки»... Он весь в движении, даже когда бездействует. Роль, бесспорно, стала победой талантливого танцовщика.

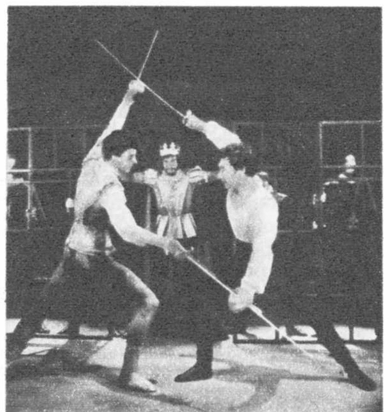


Фото О. Полянского.

В спектакле много актерских удач. Это и чистая, светлая Офелия — Н. Трофимова, и Гертруда — Т. Попова (я говорю только об одном составе, который видела — всего их три), и яркий В. Багашев — Клавдий.

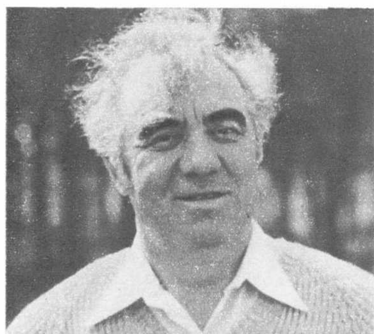
Да, он олицетворяет зло. Но Клавдий — страдающий человек, страдающий от желания властвовать, от любви к Гертруде, даже от жестокости своего преступления... Это образ подлинно шекспировский.

Необходимо отметить звучание оркестра под управлением Е. Хилькевича, проделавшего огромную работу над сложной партитурой.

Премьера «Гамлета» — событие. Уйдут досадные мелкие погрешности, артисты «обживут» спектакль, и он займет достойное место в советском балетном искусстве.

ПЕВЕЦ ШАХТЕРСКОГО КРАЯ

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ДЕМИДОВА



Он родился в рабочей Горловке в том памятном 1932 году, когда в этом городе на всю страну зазвучало имя шахтерского богатыря Никиты Изотова. А через десять лет его отец, в прошлом смоленский крестьянин, коммунист ленинского призыва, в бою с фашистами погиб на Мамаевом кургане, где теперь на одном из каменных знамен начертана его фамилия. Много нелегких испытаний выпало на долю будущего поэта: голод и холод военного детства, насилия оккупации, детский дом. В неполных четырнадцать лет он уже приобщился к труду — слесарил, работал лудильщиком, токарем. И не случайно первыми его стихами были строки о войне:

Вчера пришел ко мне отец
Такой, каким его убили:
Пилотка, темная от пыли,
И через все лицо рубец.

Сознание личной причастности к горю и радости всего народа придало высокое гражданское звучание и художественное своеобразие стихотворениям о мужестве и героизме советских солдат. Они всегда емки по мысли и афористичны: «На село пехота наступала, тяжело на белый наст упала. Так трава ложится под косой, ровно, полоса за полосой. Но траве не встать в степи усталой, а пехота-мать взяла да встала. И пошла вперед. И все трудней таял лед, и таял снег под ней».

Значителен вклад В. Демидова в советскую поэзию, посвященную шахтерам. Своими книгами «Солнечные недра», «Беспокойство», «В краю огня», «Березовый свет», «Моя биография», «Высоты и глубины», «На расстоянии любви» он достойно продолжает литературные традиции, заложенные в Донбассе такими его предшественниками, как П. Беспощадный, Б. Горбатов, А. Ионов, Л. Жариков.

В тот знаменательный день, когда весь мир встречал первого советского космонавта, в «Правде» было опубликовано посвященное Юрию Гагарину стихотворение В. Демидова. Более двадцати лет его стихи регулярно печатаются в главной газете страны.

Много сил отдает поэт воспитанию литературной смены. Он возглавлял комиссию по работе с молодыми Донецкой писательской организации, свыше двадцати лет руководил старейшим в стране горловским литературным объединением «Кочегарка».

За тридцать пять лет литературной деятельности им издано тридцать книг стихов, повестей и очерков о жизни рабочего класса его родного Донбасса. Творчество В. Демидова было высоко оценено такими мастерами, как А. Твардовский, М. Исаковский, Я. Смеляков, А. Жаров.

Но самая высокая оценка для него — любовь земляков, которые в день пятидесятилетия своего поэта желают ему с шахтерским радушием новых поэтических высот и глубин.

Однажды Владимир Демидов написал о подземных дорогах, что «каждая из них к солнечному свету поднимала и меня, и сверстников моих». Это же можно сказать и о многих его книгах.

Александр ФИЛАТОВ

театр

ФРАНКОВЦЫ В БЕЛОРУССИИ

В Минске с большим успехом проходят гастроли Киевского академического украинского театра имени И. Франко, посвященные 60-летию образования СССР и 1500-летию Киева.

В репертуаре франковцев их лучшие спектакли: «Украденное счастье» И. Франко в новой постановке народного артиста УССР, лауреата Государственных премий СССР и УССР главного режиссера С. Данченко; «Дядя Ваня» А. Чехова, «Дикий ангел» А. Коломийца.

Привез театр также «Вассу Железнову» М. Горького, «Пору желтых листьев» Н. Зарудного. Кстати, в Минске же премьера его новой пьесы — «Обочина».

В спектакле «Ретро» А. Галина играют народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда Н. Ужвий, народные артисты СССР Е. Пономаренко и П. Куманченко, народная артистка УССР Н. Копержинская.

Франковцы побывали в гостях на предприятиях Минска. Тепло прошла встреча на автозаводе.

Знаменательно, что в дни, когда франковцы выступают в столице Советской Белоруссии, на сцене Киевского театра имени Франко играют артисты Белорусского академического театра имени Купалы.

Ю. ЯГНИЧ

На фото: украинские гости в Минске.

Фото А. Николаева

ВАЖНА

О ПЕРЕБРОСКЕ ЧАСТИ СТОКА СЕВЕРНЫХ РЕК И ОЗЕР НА ЮГ

На Вологодской земле развертывается подготовительная работа по переброске части стока северных рек и озер на юг. Недавно эта проблема обсуждалась специалистами, учеными, общественностью области на конференции по охране природы.

Об этом рассказывает вологжанин, писатель Н. МЕЛЬНИКОВ.

Пожалуй, за всю историю в Вологде еще не было столь необычной конференции по охране природы. Еще бы, обсуждался вопрос переброски части стока северных рек на юг! С началом подготовительных работ на трассах системы у вологжан вспыхнул особенный интерес к происходящему. Это и понятно: основной театр действий выпал на Вологодскую область. Почти все озера и реки, намеченные к переустройству, лежат на ее территории. Какими они будут после возведения каналов, плотин, водохранилищ? Конечно, другими, но не отразится ли все это серьезно на природе области? В последние годы и без большого вмешательства в природную среду на Вологодчине получилось «не совсем так» — загрязнены некоторые реки, заметно поредели лесные массивы... Теперь же беспокойство за возможные последствия от перестройки рек возросло еще больше.

На конференцию собралось огромное количество людей: вопрос интересовал многих. Доклад заместителя главного инженера института «Союзгипроводхоз» А. С. Березнера слушали в полной тишине. Он обрисовал суть проекта. Главная цель — водой северных рек пополнить Волгу и Дон. Это даст новые возможности для развития орошаемого земледелия. Выручит наиболее водообильный северный бассейн, пока недостаточно работающий для нужд народного хозяйства. Первая очередь к концу девяностых годов должна давать Волге и Дону около 19 кубических километров воды в год. На первом же этапе предусматривается переброска 5,8 кубического километра воды в год.

При первом этапе переброски намечено частично забрать воду из озер Лача, Воже, Кубенское, рек верхних течений Онеги, Сухоны. Вода пойдет по трассе Волго-Балт, из Лачи—в Воже с помощью насосной станции, а оттуда по каналу длиной в 86 километров и по рекам Ухтомице и Уфтюге в озеро Кубенское, из него по каналу в Шексну и далее в Рыбинское водохранилище. С востока подкрепит систему река Сухона с гидроузлами и насосными станциями. Второй этап еще прорабатывается как более далекая перспектива.

Надо сказать, что проблема переброски воды северных рек на юг не нова. Еще в тридцатые годы был составлен первый проект. Второй, сегодняшний, в чем-то похож на него, но в нем уже учтены некоторые требования времени.

Руководитель проекта, в частности, говорил и о экологических проблемах переброски вод с севера на юг. Проект разработан как комплексный: наряду с проектированием сооружений на трассе переброски намечены и водохозяйственные мероприятия, аспекты мелиорации, энергетики, рыбного хозяйства и т. д. Приоритет отдан природным и хозяйственным вопросам области, приняты предохранительные решения — уменьшены площади затопления реки Сухоны, горизонты воды озер и рек не выйдут за пределы прежних отметок, затопляется не так уж много площадей — до 7,5 тысячи гектаров, в том числе 2,5 тысячи гектаров сельхозугодий. При первой очереди перераспределение стока рек не окажет влияния на изменение климата в глобальном масштабе. Ущерб рыболовству тоже менее значительный, чем допускалось раньше. Руководитель проекта закончил свое выступление успокоительными словами: «Нет оснований ожидать каких-либо серьезных последствий, нежелательные изменения в природной среде будут носить локальный характер и в значительной степени могут быть предотвращены, ограничены или компенсированы при осуществлении водоохранных и природоохранных мероприятий». Те же слова записаны и в технико-экономическом обосновании проекта.

И вот тут полетели с мест реплики: «Хорошо, если так...», «А все же какие могут быть отрицательные последствия?». Докладчик не назвал ни одного из них, как будто они мало что значили. А они, эти теневые вопросы, больше всего и беспокоили участников конференции. Меня, например, особенно тревожила судьба прекрасного Кубенского озера. На конференции вспыхнули сомнения и в более широком плане: получат ли Волга и Дон чистую воду? Вопрос о качестве воды — один из самых ключевых в проблеме переброски части стока северных рек на юг. Да, качество ее — это главное. Воды на суше, может быть, и немало, но чистой, пригодной для питья остается все меньше. Об этом теперь с беспокойством говорят на различных конференциях, симпозиумах. Основания для тревоги вологжан тоже вполне реальны. Река Сухона, по которой перебрасывается вода с востока, загрязнена сверху донизу. Один из выступавших на конференции врач-

Я ПРОБЛЕМА

Земля Вологодская — Фото М. Савина

но пошутил, что исполнилось семьдесят лет, как ее начали засорять своими отбросами два целлюлозно-бумажных комбината и вдобавок лесосплавы — бревнами, древесной корой. Да и берега реки во многих местах стали сплошь деревянными. На дне реки образовались отложения до двух-трех метров, бескислородная, мертвая зона из вредных бактерий, различных сернистых соединений, токсичных веществ, которые, подмываясь, распространяются по всей реке. В технико-экономическом обосновании проекта намечена очистка Сухоны. И целлюлозно-бумажные комбинаты, можно сказать, «исправились» — построили очистные сооружения, сплав на реке прекращен. Отпала тревога?

Только отчасти. А. С. Березнер в беседе со мной сказал, что, возможно, Сухону вообще не будут очищать. Что же тогда? При повороте реки загрязненные воды хлынут в чистое Кубенское озеро, засорят его основательно. Ну, а оттуда, понятно, они потекут в Рыбинское водохранилище. Кого обрадует такая, мягко говоря, некачественная вода? Возможно, кое-кому может показаться, что озеро быстро очистится от загрязнения под напором вод из других озер и рек. Напрасные ожидания. Северные проточные озера и реки очищаются в десять раз медленнее, чем южные. В общем, уже теперь ясно: река Сухона заметно обостряет проблему переброски северных вод на юг.

И еще одно отрицательное последствие, которое, на взгляд многих ученых, вполне вероятно, отразится в будущем. Я изучал этот вопрос и возьму на себя смелость сказать о вероятных подтоплениях, просачиваниях грунтовых вод на трассах переброски. Чтобы такое не случилось в районе переброски рек, надо серьезно изучить подъем грунтовых вод. Но, как говорят многие специалисты, пока не сделано углубленного научного обоснования. Площади, которые могут быть подтоплены, требуют уточнения. Нет точных данных. Никто не моделировал возможных изменений. Конечно, это дело трудное, новое, но без моделей и вовсе не предсказать, какие могут быть неожиданности. Произошел разрыв: технико-экономические обоснования проекта подготовлены, а научные рекомендации отстали. Подобные разрывы всегда приводят к неоправданным потерям. Природа не прощает прорех, сделанных по неведению. Раньше мы многое не знали в экологических проблемах, учились на ошибках. Теперь у нас нет права на ошибки.

Мы сами не подозреваем, сколько еще может возникнуть отрицательных последствий. «Вы думали, на чем и как будут перевозиться грузы по трассам?» — спрашивал меня один ученый на конференции. «По дорогам, на машинах»,— ответил я. «А где эти дороги?» Верно, в области немного шоссейных дорог. Одна из них, Вологда — Кириллов, по которой добираются до озера, построена с легким покрытием, для туристских поездок. Для тяжелых грузовых машин она непригодна. А по ней в связи со строительством Кубенско-Шекснинского канала, гидроузла и пойдет транспорт большой грузоподъемности. Легко предугадать, что от нее останется — одни обломки. А другие дороги? Все они тоже с легким покрытием. После я видел письмо Вологодского облисполкома Госплану РСФСР, Министерству мелиорации и водного хозяйства СССР о реконструкции дорог. И вот что странно: ответа до сих пор не получено. Где-то в московских канцеляриях застряли рекомендации вологодских руководителей, не дошли и до института «Союзгипроводхоз», занятого проектированием переброски вод. Та же участь постигла и рекомендацию о доставке грузов по Кубенскому озеру, по рекам, для чего в городе Соколе следовало бы построить порт для перевалки строительных материалов с железнодорожного на водный транспорт.

Другой вопрос — о рабочей силе. Суть его в том, что в народном хозяйстве области большой дефицит трудовых резервов. Везде недостает рабочих рук, тем более квалифицированных,— ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности. Облисполком предлагает строить объекты переброски вод силами подрядных организаций, перебрасываемых из других районов страны. К сожалению, у руководителя проекта по этому вопросу другая позиция. «Мы построим капитальные жилые поселки, и к нам пойдут люди»,— сказал он. Откуда пойдут — из колхозов, совхозов, различных предприятий? Оголить народное хозяйство, поставить под угрозу преобразование Нечерноземья — не может быть такой экономики и нравственности. Это не государственный подход: спасать одно за счет провала другого. На весах истории нет разновесок.

Нас всех, и особенно вологжан, беспокоит судьба исторических, архитектурных памятников. Особенно Кирилло-Белозерского монастыря, основанного в 1397 году. Через Сиверское озеро, на берегу которого он стоит, пройдет транзитная вода, вблизи планируется построить гидроузел. Уникальный, всемирно известный комплекс нуждается в срочной помощи уже сегодня, а через несколько лет, когда уровень озера поднимется, могут пострадать храмы, росписи, да и стены монастыря. Ведущие реставраторы, ученые-искусствоведы говорят, что уже повышение уровня озера хотя бы на полметра будет иметь для ансамбля монастыря серьезные последствия. Проектанты успокаивают: все будет в порядке, уровень воды останется в пределах нынешних естественных колебаний. Все-таки беспокойство остается: это очень ценный памятник древней архитектуры.

Вспомнилась народная мудрость: что посеешь, то и пожнешь. Наверное, наиболее полно она выражается в строительстве больших водных систем. Строители знают по собственному опыту, что все упущенное в подготовительном периоде неимоверно трудно наверстать, исправить. А иногда и невозможно. Уже после завершения стройки приходится расплачиваться за ошибки, недостатки. Начало большого дела вселяет определенные опасения. Хотя в проекте «экологическое обоснование» занимает немало места, но, как видно, некоторые проблемы еще не проработаны до конца.

Сейчас мы говорим о предварительных разработках. Еще есть время на «экологическое обоснование» их, есть время довести до полной ясности, учесть все разумные советы, предложения. Мы вправе требовать, чтобы проект был безукоризненным. Потом, когда он вступит в стадию реализации, говорить будет поздно.

Родина вешняя

Геннадий **МОРОЗОВ**

* * *

Воды бурливые гонит Ока,
Выбросив лодки на мели.
Низко прошли над землей облака —
И от земли потеплели.
Веет прохладой любой перелог.
Стала потверже дорога.
Родина вешняя! Каждый комок
Хочется робко потрогать!
Родина! Певчие птицы твои
Снова поют голосисто!
Но не певали еще соловьи —
Только лишь перышки чистят.
Скоро соловушка, словно горнист,
Свистнет на всю-то аллею.
Небо услышит пронзительный свист
И, как река, посветлеет.

* * *

Отрадно, друг мой, на заре
Счастливым, радостным проснуться.
Петух горланит на дворе,
Сверкает облако, как блюдце.
В окошки льется белый свет,
А в сенях мать неспешно ходит.
И, кажется, не сорок лет
Тебе сейчас... А — пятый годик.
Все узнаешь по голосам:
И скрип дверей и шарк задвижек.
То вдруг услышишь — в небесах
Летит, попискивает стрижик.
Все это слышал ты давно...
Но нет отраднее мгновений!
Кидает тени на окно
Куст лиловеющей сирени.
Мелькают óблака верхи,
Как чудеса перед глазами.
Но все равно — глаза сухи,
А в детстве полнились слезами.

ПОЛЕ ЗОВЕТ

Было время, ты, солнышко, стыло,
Чуть светило сквозь снежную мглу.
А теперь ты в зенит покатило —
И светло в каждом темном углу.
Белый пар отслоился от пашни,
Развернули листы тополя.
Зеленей она стала и краше,
И теплее и мягче, земля.
На земле этой теплой, апрельской
Столько всяких и дел и забот,
Что подумать о доле житейской
Нету времени — поле зовет...

ТЕПЛЕЕТ

Теплеет... На улице сырь
И лужи появятся скоро.
Грустит одинокий снегирь
На ветхой тесине забора.
В полях оседают снега,
В лесах удлиняются тени.
Оттаяв, темнеют стога,
Светлеют сосновые сени.
Душа! Пробужденью внемли!
Ты знала метель и морозы,
А нынче в глубинах земли
Рождаются первые грозы.
Все чище небесная ширь.
И весело вешнему бору.
Печалится только снегирь
И жалостно жмется к забору.

ЛАДИМ ИЗБУ

Ух, идет работа дружно!
Так и нужно — нам ведь жить...
Будем с другом не натужно
Избу новую рубить.
Вот я делаю затес,
А мой друг — запилы.
Ладим избу...
Снегонос,
Вряд ли в избу сунешь нос:
Жидковаты силы!
Чтоб не падать во хмелю
В светлой, чистой горенке —
Половицы постелю
Без сучка-задоринки.
А чтоб милой угодить —
Буду три окна рубить.
Три окна-оконышка.
И все три — на солнышко!

ВЕШНИЕ ЛУЧИ

Шумят овражные ручьи.
В селе, на взгорье блещут стекла.
И солнца вешнего лучи
И ослепительны и тёплы.
Грачи шагают вдоль дорог.
С поскрипом тронулась телега.
Из почки выпорхнул листок...
Душа дрожит, как тот росток,
Что ищет выход из-под снега.

СОСНОВО

С. А. Воронину

В Сосново — сосны, черная вода
И перелоги в глиняных оплывах.
Осинки на осыпчатых обрывах.
И ласточки на тонких проводах.
Повсюду свет, простор и тишина,
А воздух сух, что свежая солома...
И солнце августовское до дна
Пронизывает глуби водоема.
И, видя молодых осинок дрожь,
Глядишь на них ты — и не наглядишься.
Свободней дышишь, медленней идешь
И молвить слово громкое стыдишься...

НАЧАЛО

Да, было у жизни такое начало:
Полегшую рожь поизжег суховей.
Но зрела картошка и нас выручала.
И кровь разбегалась по жилам живей.
Земля возрождалась из праха и пепла.
Пускали побеги горелые пни.
Мой друг! На картошке с тобою мы крепли
В тревожные послевоенные дни.
Мы были в те годы и босы и голы.
Хоть рано взрослели, но туго росли.
Спеша на учебу в холодную школу,
Мы в сумках холщовых картошку несли.
Ты знаешь, я краски ничуть не сгущаю.
Любой подтвердит деревенский малец:
С картошки ногтями очистки счищая,
Мы их сберегали для коз и овец.
Мы слабли к весне, нас ветрами качало,
Как в поле полынном худую траву.
Но зрела картошка, и сил набирала,
И к нам, словно руки, тянула ботву.

СЛЕД ФРОНТОВОЙ

Ушло это время,
Но след не истерся
Из памяти нашей живой.
Багровым рубцом
Он в судьбу нашу вросся,
Тот огненный
След фронтовой.
Ты, время,
Изгладить его не надейся,
Я видел
Не где-то вдали,
А рядом, под Токсовом,
В реденьком лесе
Лоскут
Незажившей земли.
Почудилось мне,
Что он выпачкан сажей.
Он — мертвый —
Казался живым.
Сестрой милосердья
Лесная ромашка,
Белея,
Склонялась над ним.

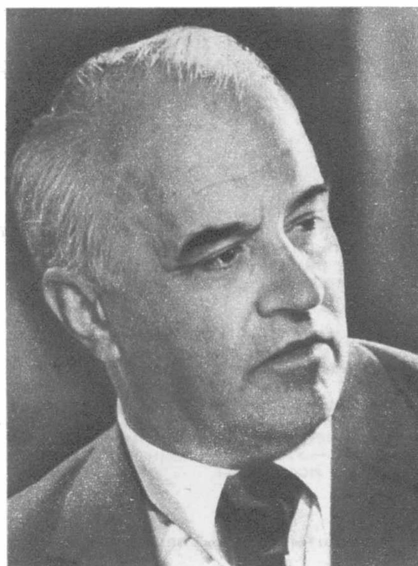
ДУБ

Глянь,
Как стужей
Мой ствол разорвало,
От грозы
Омертвела кора.
Я знавал
Дикий нрав ветровала.
И смертельную
Сталь топора.
Я минувшей войной
Покалечен.
С каждой осенью
Листья красней:
Ведь живучая
Кровь человечья
Просочилась
До самых корней.

ТОРЖЕСТВО ВЕСНЫ

Как звонки высвисты синичьи!
Топорщит сиверко траву.
А лес басит угрюмо, зычно.
Капели прыгают по-птичьи...
И, как бычки, ручьи ревут.
И я не в силах нацарапать
Ни тихих строк, ни громких строк.
Стал ветровей толкать и лапать,
Ершить заречный круглый стог.
Как рад я свисту ветровея!
Дивлюсь природе: каково!
Опять гудеть пошло и веять
Весны цветное торжество.
Гей, пораздайся, вешний берег!
Ручей ревущий, расхлестнись!
Во всем весне хочу я верить,
По ней хочу свой голос сверить
И к ней хочу примерить жизнь.
Покуда молод, резок, весел —
Резвись, душа моя, дивись!
Весне навстречу вскиньтесь, песни!
Ты, слово, почкой спелой рвись!

г. Ленинград.



ПАМЯТИ Ю. А. ЗУБКОВА

Безвременно ушел из жизни Юрий Александрович Зубков...

Смерть унесла человека, полного сил и творческих замыслов, широко известного деятеля культуры, которого знали в лицо не только театры городов России, но, пожалуй, все театры Советской страны. Он был не просто знаком с художественными руководителями театров, но понимал и ценил глубоко их способности, особенности их режиссуры. Так же хорошо, буквально по именам знал Юрий Александрович ветеранов русской сцены и в то же время внимательно, чутко наблюдал за появлением артистической молодежи на сцене, помогал молодым расти.

Будучи бессменным главным редактором журнала «Театральная жизнь», Ю. А. Зубков соответственно высокому пониманию своего общественного долга строил всю работу своей редакции. Журнал обширно и емко освещал деятельность театров страны. При этом редактор опирался и на собственные пытливые наблюдения, почерпнутые им в постоянных командировках по стране, и на опыт редакционного коллектива, который он сплачивал годами.

Укреплению разносторонних связей Ю. А. Зубкова с театральным делом страны немало способствовала его безотказная работа в ВТО. Юрий Александрович много лет был членом правления Всероссийского театрального общества; заместителем председателя Совета ВТО по работе театра на селе. В последние годы это направление общественно важной деятельности ВТО получило особо важное значение. В то же время не было в Москве ни столичных премьер, ни гастрольных спектаклей, которые бы Зубков позволил себе пропустить, не вынести суждения.

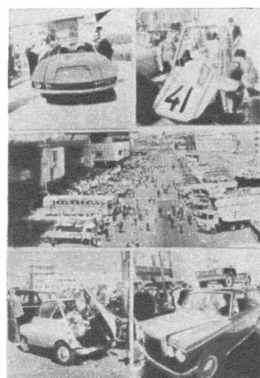
Автор многих работ о театре и людях театра — рецензий, статей, книг,— Юрий Александрович Зубков умел совмещать свою собственную творческую писательскую, критическую деятельность с повседневной активной работой в редакции журнала.

Звание заслуженного деятеля искусств РСФСР Юрий Александрович Зубков повседневно подкреплял делом. Он целиком принадлежал этому делу, этому призванию. Именно по призванию он жил и работал как редактор, писатель и журналист, идеолог и пропагандист передовой советской театральной культуры.

До самой последней минуты он думал и беспокоился об оставленной вдруг им работе. Он ушел из жизни раньше, чем сам мог бы себе это позволить. Его смерть — наша общая потеря.

ОГОНЬКОВЦЫ

АВТОФЕСТИВАЛЬ-82



Георгий РОЗОВ, фото автора

Известно, что свалка не ювелирный магазин. Драгоценности на ней не валяются. Но это бесспорное утверждение члены московского клуба «Следопыты автомотостарины» в расчет не принимают. И правильно делают. Не так давно братья Олег и Александр Нестеровы, обследуя свалку неподалеку от подмосковного города Солнечногорска, обнаружили ржавую раму старого автомобиля ГАЗ-АА 1938 года выпуска. Все мы знаем эту машину под именем полуторка. На раме сохранились крепко изношенный двигатель и мосты. «Тоже мне, драгоценность», — скажет иной скептик. И по-своему будет прав. Но для любого из членов клуба САМ такая находка наверняка была бы большим праздником.

Братья Нестеровы перетащили остатки того, что было когда-то автомобилем, в свой гараж и принялись за дело. Вкладыши подшипников заливали на кухне, при этом сожгли новые колготки жены Олега. Цилиндры растачивали электродрелью, подвесив ее на резинки от эспандера. Крылья выпросили в автохозяйстве одного завода. Всего через полгода братья подкатили на своей полуторке к зданию Олимпийского спорткомплекса ЦСКА на Ленинградском проспекте, где проходил второй Московский автофестиваль. Сенсации их появление не произвело. Самодвижущаяся рама Нестеровых лишена кабины, кузова и капота, однако, согласитесь, им все равно есть чем гордиться. А планы на будущее просто грандиозны: к лету восемьдесят третьего года полностью закончить реставрацию и повторить автопробег 1933 года Москва — Каракумы.

Выставка старинных машин — изюминка автофестиваля, но еще не сам фестиваль. А фестиваль — это праздник всех автомобилистов Москвы, людей, которые доставляют нас на работу в автобусах и такси, развозят продукты по магазинам и овощным базам, обеспечивают работу заводов и строек.

Правда, иногда у нас есть основания поворчать, что долго ждем автобуса или проехала мимо «Волга» с шашечками. И все-таки давайте любить человека за рулем. Таков девиз и организаторов автофестиваля — сотрудников московской многотиражки «За доблестный труд». Их всего восемь человек. Если вам приходилось когда-нибудь заниматься подготовкой простого вечера отдыха, вы сможете оценить деловые качества и организаторские способности маленького коллектива журналистов и особенно редактора газеты Анатолия Кричевского. Опираясь на поддержку Главмосавтотранса, Мосавтолегтранса, горкома профсоюза и Московского городского совета Всероссийского общества автомотолюбителей, в рамках фестиваля организованы выставки новых автомобилей и их модификаций, старинных машин, коллекционных моделей, автофилателии, автомобилей-самоделок. Прошли соревнования авторалли «Смена» для автолюбителей, ралли таксистов «Где эта улица, где этот дом?», чемпионат Москвы по картингу и соревнования по фигурному вождению грузовых и легковых автомобилей. Победителям соревнований вручались настоящие медали, в киосках продавались памятные вымпелы, значки и специальный восьмиполосный выпуск газеты-организатора «За доблестный труд». Работал пресс-центр, в котором журналистов исправно снабжали пресс-бюллетенями, брошюрами и устными советами. Гости фестиваля постоянно ощущали, что их любят, о них заботятся, а участники соревнований и болельщики вволю поволновались.

Я тоже напереживался. Любезные судьи ралли «Где эта улица, где этот дом?» посадили меня в такси к водителю шестнадцатого таксомоторного парка Александру Сёмову.

Это ралли необычное. Водителю нужно проехать шесть пунктов контроля времени. На каждом из них ему выдают бумажку с заковыристым заданием. Побеждает тот, кому удастся, не нарушая правил уличного движения, пройти все пункты контроля времени точно в срок и при этом дешевле всех «обслужить» клиента. Иначе говоря, на счетчике должно быть как можно меньше рублей и копеек.

В ралли участвовало шестьдесят три лучших водителя такси. И Александр Сёмов тоже из лучших. У него за плечами работа на зимниках Магаданской области. Машиной он владеет прекрасно, однако в таксопарке всего два года. Первое же задание поставило его в тупик. Поди-ка упомни, где установлен памятник известному военачальнику Ф. И. Толбухину. Что-то подсказывало Александру — надо ехать в район Малой Грузинской улицы. Приехали, и даже нашли пункт контроля времени, но не тот. Памятник маршалу Толбухину оказался неподалеку от Театра Советской Армии. На его поиски мы потратили лишних тринадцать минут. Пока Александр блуждал в поисках памятника, у старта над нами потешался судья-информатор.

Его голос, усиленный громкоговорителями, бесстрастно сообщал болельщикам:

— Вести с трассы: машины номер два (это мы) и номер тринадцать пропали без вести.

Оправиться от первой неудачи Александру Сёмову так и не удалось, хотя все остальные пункты контроля мы проехали точно в срок и уложились в лимит расстояния. Мы не победили, но и Сёмов, и я, и наш проверяющий Анатолий Артемьев, водитель двадцать первого парка, были довольны. Ведь, как метко заметил Александр Сёмов, оправдываясь и утешаясь: «Улиц много, а голова одна».

Организаторы автофестиваля — сотрудники редакции газеты «За доблестный труд».

УВЫ, НЕУДАЧА!

Из 24 команд, стартовавших в чемпионате мира 44 матча назад, к 4 июля осталось лишь восемь, и их число к исходу этого дня должно было неизбежно уменьшиться еще на две команды. Предстояли очередные два матча: Франция — Северная Ирландия и Польша — СССР...

Какими иллюзорными теперь кажутся нам заботы и расчеты накануне, 3 июля, в выходной день чемпионата! Мы рылись в своих блокнотах, подводя итоги первого этапа, искали подтверждения своим надеждам в газетных репортажах и в беседах с нашими коллегами. Гадали, какой состав выставят на решающую игру с польскими футболистами наши тренеры. И, конечно, мы не могли не учесть, что большинство обозревателей, анализируя выступление двух сборных — СССР и Польши во встречах с Бельгией, отдавали предпочтение нашим соперникам уже потому, что нам для выхода в полуфинал нужна была только победа, а поляки могли довольствоваться и ничьей.

Эти итоги определяли тактику польской сборной: навязать персональную, жесткую опеку, обороняться теперь большим числом и внезапно контратаковать. Как же сложна будет задача нашей сборной, учитывая, что и в предыдущих встречах им не очень-то удавались точные удары по воротам. Мы надеялись, что наши тренеры, учитывая рисунок предстоящей встречи, смогут найти свою контригру. Увы, мы ошиблись. С первых же минут матча наша команда начала катиться к поражению, и, если бы не Ренат Дасаев, исход этого матча не ограничился бы нулями.

Теперь, когда советская сборная завершила свои выступления на чемпионате, нам хочется сказать несколько добрых слов о нашем вратаре. Дасаев играл в стиле своего кумира Яшина. Бывало, что он ошибался на выходах, совсем как молодой Яшин: даже ошибки у этого вратаря чисто яшинские. Но зато и смелость, и умение мгновенно оценить обстановку и принять нестандартное решение тоже были яшинскими. Во втором тайме игры с Бельгией наш молодой вратарь так искусно ввел мяч в игру, что атака советской команды только случайно не завершилась голом.

Может быть, кому-то слово «молодой» в применении к Дасаеву покажется неудачным, потому что ему уже 25 лет. Но у вратарей пик наступает к 27—30 годам. Итальянскому вратарю Зоффу 40 лет, а он еще в расцвете сил.

Дасаев еще до начала чемпионата считал, что само участие в играх будет для него большим подарком. К сожалению, не все его товарищи по команде могут считать, что преподнесли себе (и нам, болельщикам) подарок. Но анализ происшедшего — это дело специалистов. Пройдет время, и диагноз нашей неудаче будет поставлен.

Б. КОРОЛЕВ,
А. ЧЕКУОЛИС,
спец. корреспонденты АПН — специально для «Огонька»

Польские футболисты поздравляют с успехом своего молодого форварда З. Бонека (№ 20).

К.-Х. Румменигге из команды ФРГ (в центре) ведет борьбу с английскими футболистами.

Телефото ЮПИ — АП — ТАСС

НАШ КОММЕНТАРИЙ

Матчем со сборной Польши, на всем протяжении которого мы ждали, когда же завяжется настоящая игра, да так и не дождались, что и зафиксировано было итоговым счетом 0:0,— советские футболисты закончили выступления на чемпионате мира. Польскую команду понять легко, такой исход матча входил в ее планы, и выбор оборонительного варианта выглядел хотя и рискованным, но естественным. Но постепенно выяснилось, что особого риска для нее в этом нет, требовалось всего лишь проявить внимательность и аккуратность в оборонительной работе. А кто этого не умеет в наше время всеобщей футбольной грамотности! Добросовестно потрудившись, польские футболисты сделали то, что полагалось для выхода в полуфинал. И их можно поздравить с этим успехом, тем более, что они ни одного матча не проиграли, а два предыдущих, со сборными Перу и Бельгии, провели ярко, красиво, победив с крупным счетом.

Нашу же команду понять трудно. По сути дела, ей была предоставлена неограниченная свобода в середине поля, она могла как угодно, замышлять и вести наступательные действия. К ее услугам были и время, и пространство, и возможность маневрировать любым числом игроков в любых сочетаниях. Но белые линии штрафной площади вырастали перед ней, как неприступные крепостные стены, она не знала, как к ним подступиться, да и фактически попыток не делала. Впрочем, говоря «не знала», мы ставим под сомнение ее футбольную образованность. Для этого у нас оснований нет, хотя почему-то тренеры и любят толковать о недостатке опыта у нашей сборной. Вернее выразиться — «не могла». Размагниченными, какими-то бессильными выглядели те, от кого в первую очередь ждали угроз воротам,— Шенгелия, Блохин, Оганесян, безынициативными, сверх меры ошибающимися оказались те, кому полагается вычерчивать маршруты мяча,— Гаврилов, Бессонов. Чивадзе. Короче говоря, в этом матче наша команда выглядела неподготовленной, выдохшейся, забывшей все, что она не так давно умела. Поэтому нулевая ничья не только по турнирному значению, но и по впечатлению равнозначна жестокому поражению.

Стало ли это большим сюрпризом? Думаю, что нет. В прошлом нашем комментарии после удачного по результату матча с Шотландией было зафиксировано, что друзья команды испытывают беспокойство по поводу невнятности ее игры. После встречи с бельгийцами, пусть и выигранной, беспокойство не только не улеглось, но и выросло: опять команда ровным счетом ничего не показала, с трудом вымучила один гол, хотя соперники, уже потерявшие шансы на дальнейшее участие в чемпионате, особенно не усердствовали.

Между тем, будем точными, все обстоятельства складывались в пользу нашей команды. К ее выгоде было и то, что шотландцы небрежничали в игре со слабой сборной Новой Зеландии и пропустили два мяча, благодаря чему ничья с ними для наших обернулась победой, и то, что аргентинцы неожиданно оказались в другой группе, и то, что бельгийцы вышли на поле ради чистой формальности. Казалось бы, путь в желанный, почетный полуфинал не столь уж сложен, ведь сборная Польши, при всем к ней уважении, заметного превосходства над нашей командой не должна была иметь.

Убежден я и в том, что квалификация каждого в отдельности игрока нашей сборной достаточна для того, чтобы они вместе вели игру комбинационную, быструю, смелую. Однако готовыми к такой игре они не оказались. Важнейшим свидетельством разумной, обдуманной подготовки команды к чемпионату мира является ее способность прогрессировать в ходе турнира. Примером может служить, скажем, сборная Франции, начавшая с чувствительного поражения от англичан, а в конце концов вышедшая в четверку призеров благодаря наладившейся командной игре, причем без тени усталости. Наша же команда шла на чемпионате по нисходящей. Да, в восьмерке лучших команд, как и на других чемпионатах мира в прежние годы, она «свое место» заняла. Но мы-то ведь надеялись на движение вперед, сначала в игре, а потом, как логичное следствие, и по ступеням турнирной лестницы. В этом смысле надежды оправданы не были, хотя беспочвенными считать их нельзя.

Мне кажется, что этот чемпионат мира будет очень не прост для его истолкователей, когда они захотят определить ведущие тенденции. Несомненно, он увлекателен, в нем немало неожиданностей и острых коллизий. Такие матчи, как Италия — Аргентина (2:1), ФРГ — Испания (2:1), Бразилия — Аргентина (3 : 1), несомненно, имели все достоинства высококлассного футбола. А встреча ФРГ — Англия, ожидавшаяся с нетерпением, дала бесцветную нулевую ничью, обе мощные команды словно бы расшаркивались друг перед другом, уверяя в «совершеннейшем почтении». Иначе говоря, турнирные расчеты, которые нынче в большой чести, то и дело затуманивали, маскировали истинные игровые возможности многих команд.

Аргентинцы сравнительно рано сложили свои чемпионские полномочия, потерпев три поражения. Внешне это выглядит как провал, однако их игровую одаренность грешно ставить под сомнение, играли они скорее всего не хуже, чем четыре года назад, вот только не были они столь же вдохновенными, столь же увлеченными, как в пору своего взлета на пьедестал чемпионов мира. Переиграли их понастоящему одни бразильцы, да и тем пришлось немало времени отсиживаться в защите, прежде чем им удались красивейшие разящие контратаки. Но кто мог ожидать того, что бразильцам не удастся переиграть итальянцев? Да, поражение бразильской сборной — конечно же, самая большая сенсация чемпионата. Итальянцы, которые ради победы над аргентинцами прибегли к приему футбольного террора, на этот раз блеснули поистине первоклассной игрой.

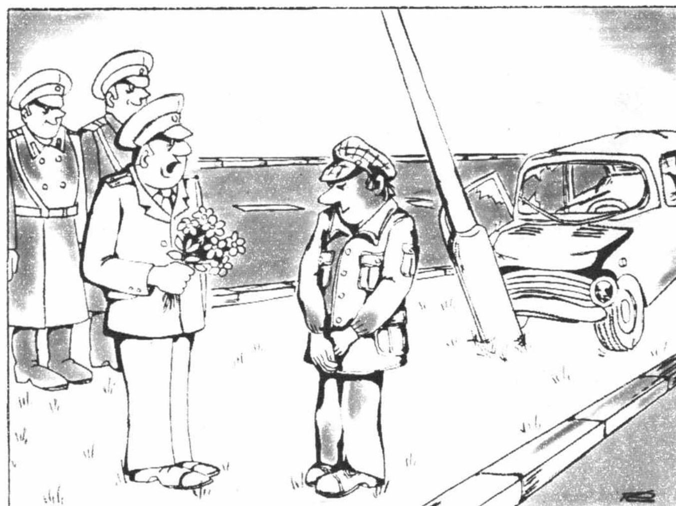
Итак, все претенденты на высокий титул известны. Это футболисты Италии, Польши, Франции и ФРГ.

Л. ФИЛАТОВ

Юмор

Рис. В. КАЗАНЕВСКОГО (Киев)

Рис. Е. ШИПИЦОВОЙ



— Вы у нас юбилейный нарушитель.

Рис. К. РЫБАЛКО

Рис. В. АШМАНОВА

Рис. В. ТАМАЕВА

— И не расплатился.

Спасибо, папик!

С. КОМИССАРЕНКО

Рис. Э. РАПУТОВОЙ.

Пельменьев едва протер глаза после беспокойного ночного сна, как явился сын Герасим. Прямо натощак...

— Что тебе? — привычно спросил Пельменьев.

Сын стоял, как привидение, и многозначительно молчал.

— Наверное, опять деньги? — Пельменьев совсем проснулся.— И сколько?

— Сперва покажется, что много... Но если по большому счету — это, в сущности, гроши, папик! Тем более что речь идет в данном случае об импортном магнитофоне, о котором мечталось с пеленок.

— А я при чем?

— Так ведь надо внести задаток... И чем скорее, тем лучше!

Пельменьев как-то сразу постарел.

— До каких же пор это будет продолжаться! Пойми, сынуля, я не граблю банки, не продаю цветы, и у меня нет печатного станка...

— Но, папик...

— Ну что? Ты уже сам папик... В прошлом месяце на стенку надо было срочно внести, и до этого — на библиотеку всемирной литературы... Нет, нет и еще раз нет!

— Папик! — душераздирающе вскрикнул сын и приготовился плакать.

— Ну, хорошо, папик тебя и на этот раз выручит...

Пельменьев решительно подошел к телефону, набрал номер и взволнованно проговорил в трубку:

— Очень нужны деньги... Ну, как в прошлый раз... Спасибо, папик!

НЕ ХУЖЕ ДРУГИХ

Вали АКМАЛОВ

ЮМОРЕСКА

Утром, перед уходом в школу, третьеклассница Насиба объявила:

— Отец, завтра племянница двоюродной сестры нашего учителя физкультуры выходит замуж... Собирают по три рубля.

— Вчера собирали для свояка учительницы биологии — он вылечился от радикулита, третьего дня уезжала отдыхать к морю теща завхоза, перед этим — пять рублей на угощение автомеханика, который ремонтировал «Волгу» тети директора! — возмущенно произнес Тохта Пайходжаевич.— Когда этому конец будет?!

— В старших классах по десятке собирают! — сообщила Насиба.— Говорят, традиция.

— Никогда не было у нашего народа таких паршивых традиций! — повысил голос Тохта Пайходжаевич.— Мудрый обычай взаимопомощи превратился в наглые поборы!

— Все приносят деньги, а я — хуже других? — обиделась Насиба.— Спросят: твои родители обнищали?

— Принципиально не дам ни копейки!

— Как в школу приду? — захныкала Насиба.— Позор!

— Пора бы привыкнуть,— поправляя дочке прическу, сказала Саида.— Ведь каждый день собирают на что-нибудь. У нас в жэке вчера к слесарю приехал дед из кишлака — два рубля, позавчера у главного бухгалтера ревизия закончилась благополучно — пять рублей, третьего дня я сама дала десять рублей на подарок главному инженеру, не знаю даже, по какому поводу...

— Хватит, черт побери! — закричал Тохта Пайходжаевич.— Кто-то первым должен сказать «нет» этому пережитку!

— Вам же стыдно будет! — крикнула Насиба и со слезами на глазах выскочила на улицу.

— Э-э, из-за трех рублей единственную дочь обидели! — покачала головой Саида.

Тохта Пайходжаевич собрался было произнести гневную речь, но в дверях, которые Насиба не закрыла за собой, появился шофер Рихсибай:

— Ассалам алейкум, Тохта-ака! Ассалам алейкум, Саида-апа! Как здоровье? Счастлива ли ваша жизнь? Пусть весь день будет хорошим. Вот, просили вам передать!

И он достал из кармана пухлый конверт.

— Это что такое? — с любопытством спросила Саида, легким движением выдергивая конверт из пальцев шофера.

— Сотрудники очень любят вашего мужа! — улыбнулся Рихсибай.— Поскольку вчера, значит, ваша единственная дочь Насиба получила четверку по пению... по случаю этого... вот, кто сколько мог... от чистого сердца... Мы не хуже других, хе-хе!

— Передай всем большое спасибо! — Саида одним движением мизинца вскрыла конверт и ловко вытащила из пачки денег пятерку.

Тохта Пайходжаевич протестующе взмахнул рукой, но Саида ловко всунула ему пять рублей в пальцы и попросила:

— Догоните, пожалуйста, Насибу, отдайте ей!

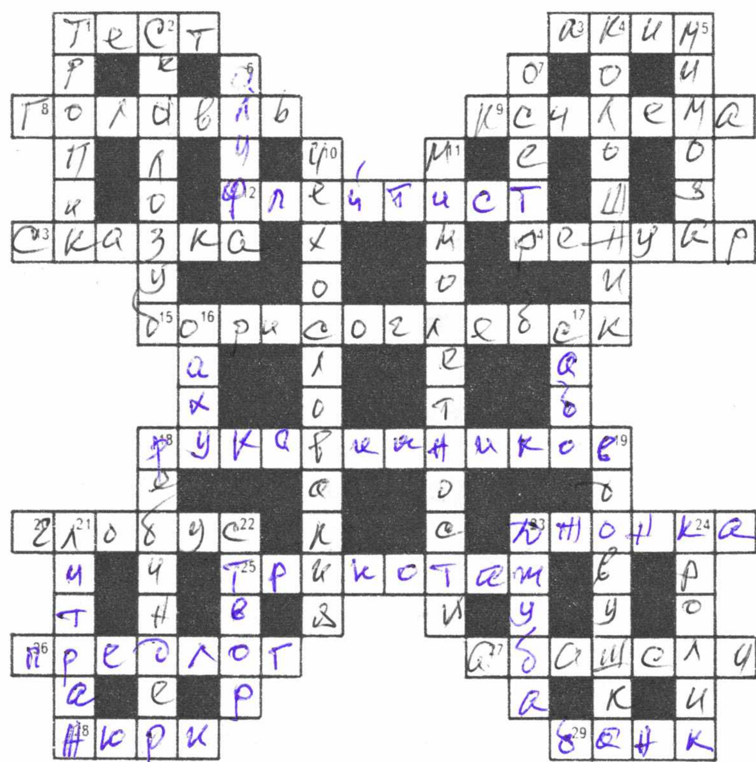
Гневно сверкая глазами, Тохта Пайходжаевич с хрустом сжал в кулаке пятерку и вышел из комнаты.

Рихсибай предупредительно распахнул дверцу автомашины:

— Не беспокойтесь, Тохта-ака, не волнуйтесь, догоним!

Авторизованный перевод с узбекского Бориса ПРИВАЛОВА.

КРОССВОРД



По горизонтали: 1. Контрольная задача для проверки вычислительной машины. 3. Действующее лицо в пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 8. Рыба семейства карповых. 9. Ткань высших растений. 12. Музыкант. 13. Жанр фольклора. 14. Французский живописец, график и скульптор. 15. Старинный город в Воронежской области. 18. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 20. Модель земного шара. 23. Грузовое парусное судно на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии. 25. Текстильное изделие. 26. Служебное слово. 27. Грузинский советский поэт. 28. Специалисты, присуждающие призовые места в конкурсах и состязаниях. 29. Кредитное учреждение.

По вертикали: 1. Условная окружность на поверхности земного шара, параллельная экватору. 2. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 4. Верхняя часть доменной печи. 5. Южное декоративное растение. 6. Вещество, применяемое для изготовления масляных красок. 7. Ценная промысловая рыба. 10. Государство в Европе. 11. Цикл музыкальных пьес С. С. Прокофьева. 16. Один из Гавайских островов. 17. Венгерский шахматист, международный гроссмейстер. 18. Физико-химик, академик, Герой Социалистического Труда. 19. Картина П. А. Федотова. 21. Рабочий объем цилиндров двигателя внутреннего сгорания. 22. Участок реки, на котором располагаются сооружения гидроузла. 23. Река в Восточной Африке, впадающая в Индийский океан. 24. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 5. Коломбина. 7. Облигация. 9. Антология. 10. Абдуллаев. 12. Шарикоподшипник. 14. Гармония. 16. Тринидад. 17. Календула. 20. Ставрида. 22. Скерцино. 26. Корреспонденция. 27. Сарафанов. 28. Глаголица. 29. Коккинаки. 30. Герасимов.

По вертикали: 1. Ботаника. 2. Вавилов. 3. Горбуша. 4. «Литвинка». 6. Балерина. 8. Исландия. 11. Добронравов. 12. Шимановск. 13. Квитанция. 15. Явата. 16. Талас. 18. Гидрофон. 19. Венцлова. 21. Телескоп. 23. Незнамов. 24. Эстония. 25. Идальго.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Надя Таукчи живет в селе Кирютня, она окончила школу, мечтает стать педагогом. (См. в номере материал «Виноградник в полдень».)

Фото Б. Кузьмина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Спортивная самоделка с кузовом из стеклопластика * Багги — машина для кроссов * Олимпийский комплекс ЦСКА в дни автофестиваля * Иногда дверца открывается вперед * Автор этой машины позаботился о своих детях. На крыше маленький электромобиль. (См. в номере материал «Автофестиваль-82».)

Фото Г. Розова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 21.06.82. Подписано к печати 6.07.82. А 02823. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1575. Заказ № 2584.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Юрий КОЗЛОВ **Фото Г. КОПОСОВА**

Пять лет не столь уж малый срок в жизни человека, особенно если приходятся они на самую прекрасную пору — молодость, если прошли среди друзей в стране, которая сделалась за это время родной. Человек приехал к нам студентом, а возвращается на родину дипломированным специалистом. В нынешнем учебном году советские высшие, средние специальные и профессионально-технические учебные заведения окончили почти семнадцать тысяч иностранных студентов из ста сорока четырех стран. А всего к настоящему времени число иностранных граждан, получивших образование или повысивших его уровень в СССР, достигло четверти миллиона человек.

Первого и второго июля Москва тепло прощалась с иностранцами-выпускниками. С разных концов столицы съехались они на Красную площадь. Здесь их собралось почти две тысячи человек, чтобы возложить венки к Мавзолею В. И. Ленина и на могилу Неизвестного солдата. Момент был торжественный, у многих на глазах показались слезы — жаль было расставаться с Москвой.

В тот же день делегации выпускников были приняты в союзных министерствах: путей сообщения, здравоохранения, сельского хозяйства, просвещения, состоялись встречи в ВЦСПС, Союзе советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Комитете молодежных организаций СССР, Комитете советских женщин, Советском комитете солидарности стран Азии и Африки. А на следующий день лучшие из лучших — пятьсот отличников — собрались в конференц-зале Минвуза СССР.

Известно, что иностранцы — выпускники советских учебных заведений зарекомендовали себя на родине квалифицированными специалистами. Многие из них стали видными партийными и государственными деятелями своих стран, учеными, руководителями крупных предприятий. Вглядываясь в лица нынешних выпускников, хотелось думать, что и у них будет счастливая судьба.

Выпускники Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина Шебле Эдмон Юсеф (Ливан) и Дмитрий Пичугин (СССР).

Фетсону Чантхавонгу из Лаоса двадцать шесть лет. Он окончил Московский ордена Трудового Красного Знамени геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе, гидрогеологический факультет. Фетсон сказал, что его специальность очень нужна в развивающемся Лаосе. А еще сказал, что тяга к образованию среди лаосской молодежи сейчас огромная.

Лилия Расехарисуа с Мадагаскара окончила Тимирязевку. У нее доброе, открытое лицо и общительный характер. По специальности она агрохимик. Считает, что сделала в жизни правильный выбор, сельское хозяйство Мадагаскара нуждается в интенсификации. У Лилии десять братьев и сестер, и двое из них учатся в Советском Союзе. Брат тоже учится в московском вузе, а сестра — в Харьковском фармацевтическом институте. Лилия сказала, что впечатлений за время жизни в Москве было столько, что она как-то теряется вот так сразу ответить, что ей больше всего запомнилось. А потом нашлась, сказала, что на всю жизнь запомнила морозы, которые стояли в Москве несколько лет назад, под Новый год, и совсем недавний день, когда ей вручили диплом с отличием...

На торжественной встрече с выпускниками выступили министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин, заместитель председателя Госкомитета СССР по профтехобразованию В. И. Конкин, секретарь МГК ВЛКСМ В. В. Якушев.

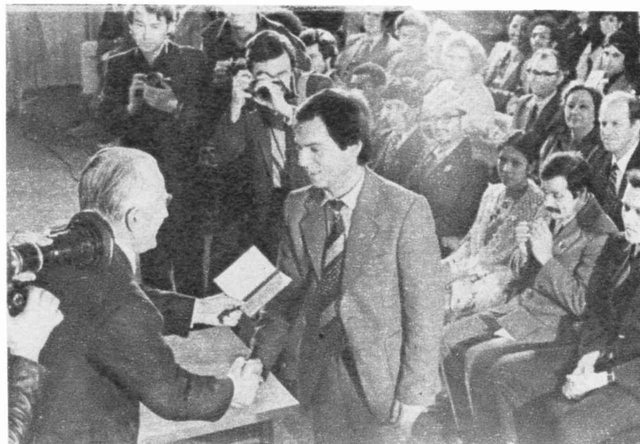
В ответных словах выпускники из Индии, Польши, Анголы, Палестины и других стран поблагодарили своих преподавателей, товарищей, а в их лице весь советский народ за бескорыстную помощь, за науку жить и побеждать. «Знакомясь с историей и сегодняшним днем вашей страны, я училась бороться...» — сказала киносценаристка, выпускница ВГИКа Ханан Абу Айлех из Палестины.

Собравшиеся обратились с приветственным письмом к ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.

ПЯТЬ ЛЕ

До свидания, Москва!

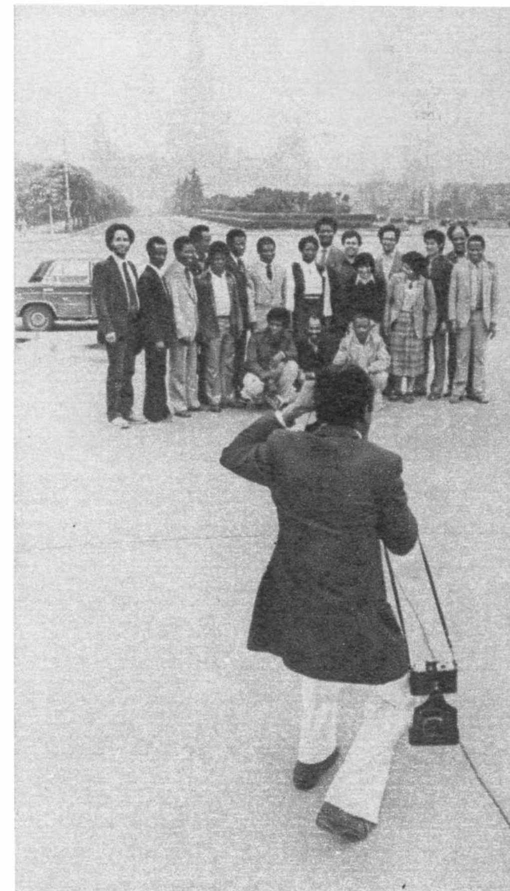
Счастливый день. Хатун Рабейя из Бангладеш получила диплом врача.



Диплом с отличием вручается Петру Свитальскому из Польши.

Лилия Расехарисуа с Мадагаскара и эквадорец Антонио Мора окончили Тимирязевку.

Фотография на память.



Т–И ВСЯ ЖИЗНЬ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663